Л.А. Арбузов

ОЧЕРК ИСТОРИИ

Лифляндии, Эстляндии и Курляндии

Л.А. Арбузов

■

ОЧЕРК ИСТОРИИ ЛИФЛЯНДИИ, ЭСТЛЯНДИИ И КУРЛЯНДИИ

(перевод с немецкого Владимира Бука)

Издательство «Троица»
Москва, 2009

ББК 86.42
А76

Арбузов Л.А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. — М.: Издательство "Троица", 2009. — 304 с.

ISBN 5-85482-099-4

Предисловие

Сочинение Леонида Арбузова «Grundriss der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands», вышедшее в первом издании осенью 1889 г. и пережившее после того ещё два немецких издания (второе — в 1889 г., третье — в 1908 г.), славится достоверностью приводимых в нём результатов научных исследований. г. Арбузов, учёный издатель второго отделения собрания ливонских грамот, считается знатоком прибалтийского края. До сих пор не имелось полного очерка этой истории на русском языке, основанного на новейших научных исследованиях. Поэтому Общество Истории и Древностей прибалтийского края в Риге решило перевести книгу Арбузова на русский язык и поручило мне сделать этот перевод. Предлагаемый перевод сделан с третьего немецкого издания 1908 г., но следует заметить, что г. Арбузов старательно использовал все результаты новейших исследований и сделал переводчику необходимые указания, на основании которых в это русское издание внесён довольно значительный ряд дополнений, изменений и поправок. Из трёх портретов, приложенных к книге, портрет Петра Великого заготовлен нарочно для русского издания. Историческая карта прибалтийского края составлена г. Арбузовым при любезном содействии г-на К. фон Левис-оф-Менар.

Книготорговле «Ионк и Полиевский» в Риге, издавшей третье немецкое издание книги и любезно разрешившей не только сделать русский перевод, но и употребить для него принадлежащее ей клише, приносится живейшая благодарность.

Общество Истории и Древностей прибалтийского края и переводчик питают надежду, что это русское издание сделается полезным пособием для русских читателей, интересующихся историей балтийской окраины.

Автор этого очерка г. Арбузов, столь внимательно следивший за ходом работы по изданию русского перевода, к сожалению, не увидит этот труд законченным. Он скончался 1 января 1912 г. в Зассенгофе близ Риги. Память же о нём как о неутомимом труженике на поле ливонской истории надолго останется жива.

С.-Петербург, 6 января 1912 г.

В. Бук

ГЛАВА I
Географические и этнографические сведения. Сведения о древнейшем времени

Область, в которой происходили события, подлежащие описанию, омывается на севере и на западе Балтийским морем (у Адама Бременского около 1070 г. *Sinus balticus,* позднее часто *Stagnum*). На востоке и на юге она не имеет естественных границ и составляет крайнюю часть большой материковой массы. Хотя число заливов довольно значительно, в общем берега мало изрезаны; наибольший полуостров — это западная часть Курляндии. Около северо-западного берега лежат острова Эзель, Моон, Даго и др. В Рижском заливе лежит совершенно отдельно Руно (в средние века — boddem). Самое значительное возвышение представляет гора Муннамегги к югу от Верро, но она имеет лишь около 1050 футов (350 м) высоты. Поверхность отчасти холмиста, близ рек не лишена живописности. Плодородная Митавская равнина лежит лишь немного выше уровня моря. В южной и средней частях области песчаные дюны простираются далеко вглубь страны. Свидетелем давно прошедшего времени считают гору Гальгенберг близ Туккума, состоящую из крупного песка (гранта), остаток морены. Северный берег (берег Финского залива) представляет незначительную, но к морю круто спускающуюся возвышенность (Глинт); реки, изливающиеся в Финский залив, по длине незначительные, в том числе Нарова, идущая из Чудского озера, образуют недалеко от устья пороги или настоящие водопады.

Реки Курляндии в среднем течении текут почти параллельно, но устья их находятся далеко друг от друга. Виндава (у неё приток Абау) вливается в Балтийское море. Семигальская, или Курляндская, Аа, образующаяся из Муши и Неманка, прежде вливавшаяся тоже в открытое море, уже давно впадает в Рижский залив, почти в том месте, где впадает в него Западная Двина (по-ливонски Вейна, по-немецки Duna: сравни корень: «zwei», «duo», «два»; название означает: «разделяющая река»). В Лифляндии независимо друг от друга текут Лифляндская Аа (Coiva) и Залис. Река Эмбах (у Генриха Летляндского mater fquarum) протекает Вирц-ярви (озеро Вирц) и затем разделяется на два рукава, один рукав впадает в Балтийское море близ Пернова, другой — в Чудское озеро.

В начале XIII столетия, когда почти весь прибалтийский край был покрыт дремучими лесами (источники называют только область Иервен бедной лесом), уровень воды во всех реках стоял выше (о чём свидетельствует большая ладья или корабль, найденный в 1875 г. на дне верхнего течения Лифляндской Аа). Большую часть поверхности при богатстве водой и почти полном отсутствии культуры занимали обширные болота. При таких условиях число жителей могло быть лишь незначительно. Теперь на 1700 географических милях, или на 95000 км, насчитывается 2,5 миллиона жителей. В начале XIII столетия население едва ли достигало 0,5 миллиона.

Народы любят называть себя настоящими туземцами своей страны (автохтонами, terra editi у Тацита) и охотно составляют предания о своём происхождении. Но этим преданиям противоречат другие о «золотом веке», райском состоянии, в котором люди всё нужное добывали без всякого труда, а также о больших и долгих передвижениях предков, нашедших лишь после этих переселений постоянное место жительства. И «туземцы» нашего края пришли сюда и нашли здесь другое население. Долго до начала нашего летосчисления тут жили народы, не знавшие употребления металлов и домашних животных. Следы, ими оставленные, мало заметны, но всё-таки найдены и использованы исследователями. Раскопки,

сделанные при Риннекальнсе близ Буртнека, при озере Арраш (свайные постройки), при Кунде в Северной Эстляндии, неоспоримо указывают на существование здесь народа, добывавшего себе пропитание посредством охоты и рыбной ловли. Может быть, следует отнести сюда и Мукукальнсе на нижней Двине. Оружие и разные орудия изготовлялись из камня (преимущественно из кремния) или костей. Полуоконченные экземпляры, части, отброшенные при работе, доказывают, что вещи изготовлялись в стране. Материал находили на месте или поблизости. Но изготовители этих раскопанных вещей не могут считаться предками теперешних туземцев. Немыслимо, что из состояния первобытных жителей развились порядки, которые мы встречаем в конце XII и начале XIII веков, то есть в то время, с которого начинается более достоверное историческое повествование. Нужно полагать, что как арийские латыши, так и урало-алтайские эсты основные черты своего образа жизни выработали ещё тогда, когда жили и странствовали с другими одноплеменниками и принесли с собой , когда поселились в прибалтийском крае. Откуда они вышли и сколько времени они странствовали, мы не можем определить, но, во всяком случае, переселения эти следует рассматривать не как планомерно производившиеся, а, напротив, как постепенное, часто останавливавшееся передвижение без сознаваемой участниками цели.

В настоящее время границу между латышами и эстами составляет линия, идущая к северу от Залисмюнде, Руена, Валка, Адзеля. Оппекальна. Эсты, в языке которых следует различать ревельское и дерптско-верроское наречия, живут и на островах, за исключением тех, которые, как, например, Руно, издавна заняты шведами. На северном берегу Курляндского полуострова сохранился остаток ливов, племени, родственного эстам, занимавшего прежде весь берег Курляндии и Лифляндии и большую часть последней, от которого весь край в средние века получил своё название (в средние века весь прибалтийский край назывался Ливонией, откуда Лифляндия). Южную часть края занимали латыши, распадавшиеся на летголу

(летгаллы = верхние латыши на востоке), селов и зимголу (семгаллы = нижние латыши в середине), куров (на западе). За пределами прибалтийского края обитатели, родственные латышам, — ятвяги, литовцы, жмудь, самаиты, пруссы, составлявшие вместе с латышами группу литовских народов (аистов) арийского происхождения. Латыши явились сюда раньше других. Но вскоре за ними вторглись финские племена из Карелии, оттеснили латышей от моря и проникли далеко в занятую латышами область. Об этом свидетельствует название Виндава (Venta), которое финского происхождения. Название же пришельцев (Chori, Cori) перешло к латышам в Курляндии и сохранилось и после того, как эти финны совершенно слились с латышами.

В образе жизни поселившихся здесь племён мы видим важные различия: латыши живут преимущественно в отдельных дворах, у немцев называемых «Gesinde», эсты и их родственники в деревнях (но без деревенского управления). С течением времени эти различия более или менее изгладились; были исключения и самого начала; так, литовцы всегда жили в деревнях.

Маленький этнографический осколок представляют венды, которые, вероятно, лишь в XII столетии пытались утвердиться на устье Виндавы, но вытесненные оттуда, а также немного позднее и от устья Двины, нашли постоянное место жительства лишь в середине Лифляндии и здесь основали город Венден (Kies).

В Швеции принято считать верхним пределом старшего каменного периода начало V тысячелетия, приблизительно 4800 г. до Р. Х. (некоторые исследователи относят его к гораздо более древнему времени), а младшего каменного периода — начало II тысячелетия, то есть приблизительно 1800 г. до Р. Х. К этому времени мы относим древнейшие следы человеческих поселений в прибалтийском крае. Скандинавские исследователи (Томсен, Софус Мюллер) утверждают, что в нашем крае некогда селились и готские племена (по одним, ещё в IV веке до Р. Х., по другим, в первые века после Р. Х.), причём главной опорой этого мнения служат встречающие-

ся в финских наречиях заимствованные слова. Но наши могильные раскопки этого мнения не подтверждают. Настоящего бронзового периода прибалтийский край не имел. Мы знаем лишь около полутора дюжины предметов, сделанных из настоящей бронзы, то есть смеси из меди и олова, и должны предполагать, что они случайно занесены сюда, как, например, римская лампа, найденная в окрестностях Дерпта. Древности, открытые в здешних могилах и сделанные из бронзы худшего качества, то есть из смеси меди и цинка, употреблялись в так называемом железном периоде (старший железный период считается до VIII века после Р. Х., младший — до начала XIII века), а кое-где и позднее — в средние века. В нашем крае не встречается ни медь, ни цинк; хотя и возможно добыть железо из болотной и луговой руды, оно было, так же как и бронза, большей частью предметом привоза. Торговые пути шли, вероятно, поперёк Европы. Так как некоторые предметы украшений (например, фибулы) имеют сходство с такими же предметами, изготовленными в римских провинциях, то можно догадываться о месте их производства. Постепенный упадок вкуса, наблюдаемый на некоторых предметах (например, фибулах), вероятно, объясняется тем, что они были приготовлены здесь, то есть переплавлены из привозных, но вышедших из моды. Всё старшее должно считать привезённым из других стран. Мастера, которые, может быть, были и продавцами, умели разбираться во вкусах различных племён и изготовлять подходящие украшения и орудия (что ныне умеют различать).

Предметы скандинавского происхождения, найденные в крае, привезены сюда морскими разбойниками; скандинавы уже рано приставали к нашим берегам и отсюда делали более или менее значительные походы во внутрь страны. Корабельные могилы, то есть кучи камней, имеющие форму корабля (подражание принятого в Скандинавии погребения в настоящих кораблях), найдены в Курляндии, именно в Ногаллене и Луб-Эзерне; эти могилы не следует смешивать с могилами или курганами, найденными в Курляндии около Камбии. Найдены также римские монеты и монеты саманидов (из Самар-

канда к востоку от Каспийского моря, неправильно называемые куфическими — от г. Куфа близ Багдада). Это следы очень старинной караванной торговли, шедшей через Россию и прекратившейся только в IX столетии. Римляне никогда здесь не были. Янтарь, в древности так высоко ценившийся, в нашем крае добывавшийся, впрочем, лишь в незначительном количестве, вывозился или сухим путём через среднюю Европу, или морским путём от западного берега Ютландии. Как римляне, так и греки не видали нашего края; мнение, что открытая около Петерскапеля могила греческая, оказалось заблуждением: исследователь в этом случае сделался жертвой фальсификации.

Прибалтийский край был доступен со всех сторон, на западной стороне как сухим, так и морским путём. Разные места классических и позднейших писателей, получавших свои сведения из вторых и третьих рук, сами по себе тёмные и допускающие разные толкования, могут быть отнесены к нашему краю. «Aestii» Тацита означают едва ли эстов, а скорее вообще народности, жившие на востоке. Более достоверные сведения сохранились лишь из позднейшего времени. Римберт, архиепископ Гамбургбременский (865 — 888), рассказывает, что в 853 г. шведское войско при каком-то морском укреплении высадилось в стране куров (Cori) и, пройдя пять дней, завоевало Апулию (Опуле Ковенской губернии Тельшевского уезда), одну из главных крепостей куров и набрало богатую добычу. Памятник (камень с рунической надписью), найденный близ Недерваллы в Зедерманландии, свидетельствует, что Зирид поставила этот памятник в память о своём муже Свене, часто ездившем на богато нагруженных кораблях мимо Доместеса (Tumisnis) в Семигалию. Другие надписи говорят о поездках в Эстляндию, Вирляндию, Лифляндию. Одно известие сообщает, что в 925 г. исландец Эгиль Скаллагримссон и его брат ездили в Курляндию, заключили с местными жителями мир на полмесяца и торговали с ними, но по истечении срока опустошили страну. Следовательно, викинги были не только морскими разбойниками, но и торговцами.

Царица Эстрид на пути в Гардарику (т. е. Россию) подверглась нападению викингов, которые взяли её в плен и хотели на каком-то рынке в Эстляндии продать в рабство. Но какой-то торговец узнал об этом и освободил её. Во второй половине XI столетия (около 1060 г.) по желанию датского короля Свена III Эстритсона (1049 — 1076) один торговец построил церковь в Курляндии. (Может быть, под данным словом Адама Бременского следует понимать о. Готланд или какой-нибудь другой остров Балтийского моря, например, Эзель).

О судьбе этой церкви мы ничего не знаем. Известие об учреждении датского епископства в Курляндии есть позднейшее тенденциозное изобретение, вероятно, из XIV столетия. Указания источников на попытки лундских архиепископов Эскила и Авесалома (от 1150 г. до 1178 г.) ввести христианство в Эстляндии недостаточно ясны; дело идёт, может быть, не об Эстляндии, а о Финляндии.

В Финляндии в то время проповедовал и был убит корельцами миссионер Рудольф Вестготландский, и деятельность французского монарха Фулько из монастыря Мутье (Moutier de la Celle) около Троа, который лундским архиепископом был посвящён в епископа эстов, может быть, имела место не среди эстов, а среди финнов. Три раза (1171 — 1178) он ездил к язычникам. Ещё около 1185 г. некий священник Эцур вместе с пиратами ездил в область Вик. Даже после того, как датчане утвердились в Эстляндии (см. ниже), одна шведская экспедиция пыталась около 1220 г. занять Леаль, но языческие и никем ещё не покорённые эзельцы изгнали шведов и убили их вождя, епископа Карла Линчепингского. Известия Саксона Грамматика, писавшего около 1200 г., как слишком недостоверные, в особенности в хронологическом отношении, мы оставляем в стороне.

Отважные норманны плавали не только по Атлантическому океану до берегов Исландии, Гренландии и Винландии (Северная Америка) и не только утвердились в нынешней Франции и в Сицилии, но и направлялись на восток. Викинги ездили по рекам России в складных ла-

дьях также в Константинополь (Миклагард, т.е. большой город). Призвание трёх братьев из варяжского племени Русь, из которых старший, Рюрик (Hrurikr), поселился сначала в Альдеигиаборге (Ладога), потом в Гольмгарде (Новгород), привело к основанию Русского государства (862 г.). Из сношений русских князей с жителями прибалтийского края отмечаем следующее: в 1030 г. великий князь Ярослав I из Новгорода предпринял поход против чуди (эстов), победил их и построил на реке Эмбах город Юрьев. Но после его смерти эсты разрушили этот город и сделали нападение на Псковскую область (1061 г.). В 1107 г. южно- и западно-русские князья воевали с Зимголой, но потерпели поражение. В 1116 г. Мстислав, сын Владимира Мономаха, завоевал крепость эстов Оденпэ. В 1177 г. большое войско эстов опять напало на Псковскую область; о случившемся между этими событиями мы ничего не знаем. В Полоцке на Западной Двине также утвердился князь из варягов. Около 975 г. там правил Рогволод (Ragnwaldr). Отсюда распространяли варяго-руссы свою власть на запад, построив (неизвестно когда) укрепления Герцике (напротив Дубены) и Куканойс на правом берегу Двины. Часто приводимое указание летописи так называемого Нестора (киевский игумен Сильвестр — писал в начале XII столетия), что «Литва, Зимгола, Корсь, Летгола (или Норома), Ливь платили дань», может означать только, что эти народы соприкасались с русскими, но не то, что эти народы находились в постоянной зависимости от русских.

ГЛАВА II
Открытие Лифляндии. Епископы Мейнгард и Бертольд.

На том месте, на устье реки Травы, где граф Адольф II Голштинский в 1138 г. разрушил славянское поселение (Iocus capitalis Slfviae), герцог Генрих Лев из рода Вельфов в 1158 г. основал город, который получил название Любек. Этот город вступил в оживлённые торговые сношения с востоком.

Главным передаточным пунктом для этих сношений сделался Висби на западном берегу острова Готланд. О процветании этого складочного места свидетельствуют размеры, которых оно скоро достигло, городские стены были увенчаны 48 укреплёнными башнями, в городе было 18 церквей, отчасти сохранившихся до настоящего времени, например, церковь S. Maria Teutonicorum, т. е. немецкая церковь. На всём острове мы находим развалины 91 церкви, что заставляет нас заключить, что остров некогда имел гораздо более плотное население, чем теперь. Около 1163 г. в Висби уже существовало прочно организованное общество немецких купцов, тогда как готландцы, т. е. скандинавы, в то время составляли лишь крестьянское общество и создали подобную немецкой организацию только в XIII столетии. Точно также уже в XII веке упоминается в Новгороде двор немецких купцов. Этот двор в Новгороде был исходным пунктом русско-немецкой морской торговли, именно морской, хотя купцы последнюю часть пути до Новгорода совершали на суше или на реках. В то время, когда суда были небольшие и ходили как на море, так и на ре-

ках, называли иногда и внутренние города, как, например, Кёльн, морскими.

В Висби товары перегружались (так называемое складочное право Stapelrecht); если одни корабли совершали плавания от Новгорода до Висби, а другие — от Висби до Любека, то мореплавание было выгоднее и доходнее, чем если один и тот же корабль делал весь путь. По сухому пути купцы могли ездить в Россию только после установления немецкого владычества в прибалтийском крае, хотя попытки делались и раньше.

Таким образом, в Висби складывались товары как с востока, так и с запада. С востока получались меха, кожи, мёд, воск (в средние века при большом потреблении в церквах товар первостепенной важности), смола, пепел, сало, мыло, далее из прибалтийского края — хлеб, лён, лес (особенно дубовый, так называемый wagenschot) и брёвна для мачт, а с запада — сукно, шёлк, металлы и металлические изделия, соль, сельди (которые прежде ловились в Балтийском море, затем здесь совершенно исчезли, вследствие чего ловля сельдей в Немецком море быстро получила очень большое значение) и разные вина. Многие фландрские города уже тогда имели высоко развитую промышленность, а другие служили посредниками в мировой торговле, как, например, Брюгге, город ныне сравнительно малолюдный. Впрочем, в XII столетии существовали и прямые непосредственные сношения русских и немецких купцов. Так, упоминается о сношениях купцов вестфальского города Медебаха с Россией, и достоверно известно, что русские корабли ездили в Шлезвиг, хотя позднее они совершенно исчезли с Балтийского моря.

Город Любек, основанный герцогом Генрихом и получивший от него важные привилегии, завладел торговлей на Балтийском море (через Висби). Из Любека выехали и моряки, открывшие Лифляндию. Долго это открытие, имевшее столь важные последствия, приписывалось бременским гражданам. Но это мнение, само по себе невероятное, опровергнуто, так как доказано, что место в хронике Генриха Летляндского, на котором оно основа-

но, есть позднейшее прибавление. Источники указывают с достаточной ясностью, что Бремен в XII столетии имел сношения с Дронтгеймом, Фландрией, Англией. И стремление бременской церкви сделаться руководительницей молодой колонии в церковном отношении само по себе понятно и не может служить доказательством того, что бременцы открыли её. Именно купцы из Любека, узнав о существовавших уже сношениях между Эзелем и Готландом, первые прибыли к устью Двины, проехали вверх по течению этой реки, которая уже давно служила как путь сообщения, и вступили с местными жителями в непосредственные торговые сношения. О дне и годе этого открытия Лифляндии современники не говорят. Прежде полагали, что оно случилось в 1158 или 1159 году, но это предположение не имеет достаточного основания. Мы можем с достоверностью утверждать только то, что открытие случилось после 1158 г., т. е. после основания Любека, и предполагать, что оно имело место немного после 1163 г., т. е. после возникновения в Висби общества немецких купцов.

Купцы привезли с собой известия об открытой ими стране и её населении в северную Германию. В то время жил в монастыре Августинского ордена в Загеберге в Голштинии (Нордалбингия), монахи которого обратили в христианство язычников окрестных земель, каноник Мейнгард. Он был уже человек пожилой. Узнав об открытиях любекских купцов, он почувствовал влечение отправиться в Ливонию и проповедовать её языческим жителям слово Божье. Весной, когда берега освобождались ото льда, купцы отправлялись через Готланд к устьям Западной Двины; лето они проводили там, ведя меновую торговлю, а осенью до наступления тяжёлых и опасных бурь они возвращались домой. С такими купцами около 1180 г. приехал Мейнгард в Ливонию. От князя полоцкого Владимира, верховную власть которого признавали жители этой области, он получил разрешение остаться в стране и проповедовать христианство среди ливов. В деревне Икскюль он в 1184 г. построил деревянную часовню и начал свою миссионерскую деятель-

ность, принесшую скоро первые плоды. После отъезда купцов однако наступила тяжёлая зима. Литовцы сделали набег на ливов (о почти непрерывной борьбе всех против всех мы ещё услышим), и Мейнгард должен был со всем населением спасаться в лесах. Когда они после отступления врагов возвратились в свою разорённую деревню, то миссионер воспользовался смущением своих друзей, рассказал им о крепких каменных постройках на своей родине и убедил их принять крещение, за что он обещал построить им каменный замок. В следующем 1185 году прибыли в самом деле из Готланда приглашённые каменщики и построили замок и церковь в Икскюле. Нужно думать, что Мейнгард имел некоторые средства и с самого начала товарищей и помощников, хотя источники об этом не говорят (может быть, считая это само собой разумеющимся).

Крещённые ливы плохо отблагодарили своего благодетеля, вернувшись тотчас после окончания постройки в язычество. То же самое повторилось два года спустя, когда жители большого острова в Западной Двине Гольма просили Мейнгарда построить и для них укрепление на таких же условиях. Это укрепление вместе с церковью было воздвигнуто на острове, ныне называемом Мартинсгольм (от церкви), который, впрочем, тогда, может быть, ещё был связан с островом Даленом, из больших камней, встречавшихся в самом русле Двины и употреблённым по таким же правилам, как и кирпичи. За постройкой, впрочем, следили и языческие соседи (семгаллы) и даже сделали попытку разнести строившиеся стены.

Между тем, Мейнгард получил вознаграждение за свои труды, связанные со столь большими опасностями и принесшие до сих пор мало плодов; архиепископ Бременский, Гартвих II, посвятил его в епископа Икскюльского, и папа прислал ему увещание бодро продолжать начатое дело. Из Германии к нему приезжали вооружённые люди. В то же время купцы начали на Двине и в землях эстов оставаться на зиму. Таким образом дело обращения в христианство, несмотря на разные неудачи и за-

труднения, шло вперёд, и Мейнгард должен и будет справедливо считаться начинателем этого дела. Проработав в земле ливов более десяти лет, он скончался 14 августа 1196 г. и был погребён в Икскюльской церкви. В XIV столетии тело его было перенесено в Рижский собор; в надписи, на могиле в Рижском соборе до наших дней сохранившейся, встречающаяся дата 12 октября (без года) означает, вероятно, день перенесения тела.

Преемником его сделался Бертольд, бывший аббат Цистерцианского монастыря Локкум (в нынешней прусской провинции Ганновер), который уже в 1196 г. работал в Ливонии в качестве миссионера. Получив в Бремене епископский сан, он весной 1197 г. приехал в страну своего назначения. Ему не удалось путём убеждений и проповеди достигнуть у ливов каких-либо результатов, хотя они уверяли умирающего Мейнгарда, что желают продолжения начатого им дела и намерены соблюсти верность христианству. Поэтому Бертольд прибегнуть к силе. Заручившись буллой, он зимой 1197 г. объехал Нижнюю Саксонию, Вестфалию и Фрисландию, проповедуя крестовый поход, и весной 1198 г. возвратился с ополчением крестолюбивых воинов. Начатые переговоры ни к чему не привели. Тогда дано было сражение 24 июля 1198 г. на песчаной холмистой местности, где впоследствии возникла Рига. Немцы победили, но епископ, также принимавший участие в бою, увлёкся преследованием бежавших язычников, слишком далеко углубился в их ряды и тут погиб, как первый мученик лифляндской церкви.

I. ПЕРИОД САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ЛИВОНИИ

ГЛАВА III
Начало епископа Альберта

Альберт, каноник Бременский, племянник уже встречавшегося архиепископа Гартвиха II, ещё молодой человек, решился спасти лифляндскую церковь, которой грозила гибель. Фамилия его до сих пор неизвестна. Братья его, отчасти от другой матери, назывались фон Буксгевден, но один раз и фон Аппельдерн, по местностям в окрестностях Бремена. Потомки двух его братьев-мирян, Дитриха и Иоганна (другие нам известные были духовные), носили или фамилию Буксгевден, или называли себя по своим ленам, как, например, семейства Икскюль, фон Ропп, фон Пурдис. Их происхождение из одного корня усматривается из общего герба. Мать Альберта, Альгейдис, была, впрочем, сводной сестрой архиепископа Гартвиха II из дома Утледе.

Весной (в марте или апреле) 1199 г. Альберт получил епископский сан и вслед за тем приступил к приготовлениям к трудному делу. Те же идеи, которые вызвали крестовые походы в Палестину, продолжали волновать умы западных христиан и давали возможность проповедовать крестовый поход как против магометан, так и против всяких нехристиан. Альберт воспользовался этим настроением и составил летом 1199 г. на острове Готланд крестовое ополчение из 500 воинов для борьбы с ливонскими язычниками. Затем он посетил короля датского Канута, герцога шлезвигского Вальдемара (вступившего

в 1202 г. на датский престол), архиепископа Лундского Авесалома (т. е. соперника архиепископа Бременского) и, наконец, получив от папы Иннокентия III буллу, в которой христиане Саксонии и Вестфалии приглашались для прощения грехов поддержать юную лифляндскую церковь против язычников, двор германского короля. Около рождества 1199 г. он приехал в Магдебург, где тогда находился король Филипп со своей супругой Марией (Ириной). Король не мог оказать ему существенную поддержку и ограничился обещаниями. Между тем собрались из разных частей Нижней Саксонии воины, желавшие принять крест. Хотя источники не называют сборного места, но мы не можем сомневаться в том, что этим местом был Любек. На двадцати трёх кораблях Альберт приехал в апреле 1200 г. к берегам Западной Двины. В замке Гольм он застал ещё несколько запуганных монахов, бежавших сюда из Икскюля и выдержавших все приступы язычников. Альберт должен был начать дело почти что снова, совершил ещё 14 поездок из Ливонии в Германию и обратно, и только благодаря его постоянной неутомимой деятельности, его непоколебимой энергии и благоразумию удалось довести дело христианизации и немецкой колонизации до полного развития.

Имперское правительство не поняло, что ему здесь на дальнем северо-востоке открывалась возможность возвысить свой авторитет и найти благодарное поприще для деятельности народных сил, стремившихся к расширению своего влияния. В частности, Гогеншгауфены отвернулись от северных морей и обратились к югу, к Италии. Иначе поступала церковь, сумевшая найти и покорных слуг, готовых осуществить её планы. В её службу вступали как священники, так и рыцари, купцы и ремесленники. Только немецкий крестьянин избегал выселения по морскому пути — и только морским путём можно было тогда, и ещё долго спустя, проехать в Ливонию — и потому не участвовал в колонизации её. Это имело роковые последствия.

Альберт раньше всего заключил договор с ливами, по которому они обязались не препятствовать ему в его де-

ятельности. Затем, в 1201 г., на речке Риге (Rigebach), рукаве Западной Двины, он отмерил место для рынка, из которого сравнительно скоро образовался город Рига. Собор и двор епископа первоначально были, без сомнения, деревянными постройками, но ещё до пожара 1215 г. были выстроены из камня. Город без укреплений в этом месте долго не мог держаться, поэтому вскоре начали строить городские стены (которые, вообще, нельзя считать необходимой принадлежностью города). Уже в 1202 г. прибыл сюда Энгельберт фон Аппельдерн, монах Августинского ордена из Неймюнстера в Голштинии, сводный брат Альберта, в сопровождении первых колонистов светского звания. Эти колонисты должны были принять право готландских немцев. (Ещё очень недавно полагали, что это право не было записано и передавалось устным путём. Но в последние годы Николай Буш нашёл отрывки этого древнего права на немецком языке, составленные около 1270 г. Более древние, т. е. первые, своды, несомненно, писанные по латыни, неизвестны.) Фогт (доверенное лицо) епископа творил суд до 1226 г.; ратманы (члены совета) не упоминаются. Епископ предоставил новым гражданам разные привилегии: освободил их от Божьего суда, т. е. от судебного поединка и ордалий, например, от испытания посредством раскалённого железа, а также от постановлений берегового права, торговле так называемых гостей, т. е. приезжих купцов, не ставил никаких ограничений и всем этим старался привлечь в свою колонию всё новых переселенцев. В месте с тем он запретил образование общей гильдии, какие существовали в некоторых западных городах, например, в Кёльне, и тем давал повод к раздорам между государём и городским обществом. Другие гильдии не запрещались и встречаются в Риге сравнительно рано. Собрания их, совещания, общие пиры, общие торжества происходили в определённые сроки; членами были мужчины и женщины; гильдии обязывались помогать своим членам в случае болезни, кораблекрушения, пленения, в случае смерти совершить погребение и заупокойные молитвы. Сверх этого Альберт выхлопотал у папы буллу, запре-

щавшую под угрозой отлучения въезд в Курляндскую Аа, т.е. в землю семгаллов; это для того, чтобы ослабить конкуренцию соседних рынков и сосредоточить торговлю в Риге.

Ещё при жизни Мейнгарда монах цистерцианского ордена Дитрих Трейденский (Theodericus de Thoreyda), так названный от местности, в которой он проповедовал, распространял христианство среди ливов. В 1203 г. епископ послал его в Рим, с ним отправился туда Каупо (Копэ), один из знатнейших начальников ливов, принявших крещение. Папа принял его с большими почестями, выслушал его сообщения о его родине и при отъезде послал ему богатые подарки. Поручения Дитриха были разнообразны; важнее всего было получить согласие папы на начатое им уже в 1202 году, в отсутствие, но по указанию Альберта, образование духовного рыцарского ордена. Большинство пилигримов давали обет лишь на один год и покидали Ливонию по истечении этого года. Прилив и отлив их не поддавался регулировке. Учреждая орден воинства Христова, епископ надеялся уготовить себе постоянную надёжную военную силу. Члены ордена давали кроме обыкновенных монашеских обетов ещё обет борьбы с неверными. Папа, учреждая орден, подчинил его непосредственно епископу и дал ему устав тамплиеров. Как отличительный знак новые рыцари воинства Христова носили на белом плаще на левом плече кроме красного креста ещё красный меч и оттого получили название меченосцев. Первый магистр, имевший местопребывание в Риге во дворе Св. Юргена (Георгия, который, вероятно, и был построен в это время, т. е. в 1204 или 1205 г.), носил имя Вено или Вино. Фамилии его мы не знаем; громкие имена, которыми позднейшие хронисты называют его и его преемников, должно считать вымышленными.

При Рижском соборе, посвящённом Пресвятой Деве, епископ учредил капитул (совет каноников), который раньше уже существовал в Икскюле, но и после переселения в Ригу сохранил монашеское устройство; во главе его стояли пропст (praepositus) и приор (но до 1374 г. не

было декана). После смерти первого пропста Энгельберта, брата Альберта, последовавшей в 1209 г., этому последнему удалось убедить Иоанна, монаха ордена премонстрантов из монастыря Шеда в Вестфалии, известного своей энергией и своим трудолюбием, приехать в Ливонию и сделаться пропстом рижского капитула. До этого времени (конец 1210 г.) каноники носили чёрную рясу августинских монахов, теперь епископ ввёл в капитул устав и белую рясу премонстрантов.

Другой монашеский орден, орден цистерцианцев, построил монастырь в Дюнамюнде на горе Святого Николая, в сущности — на высокой дюне на правом берегу Двины. (Орден получил название от монастыря Сито, основанного в 1098 г. аббатом Робертом, который был прежде монахом монастыря Клиньи. Устав предписывал первоначальную простоту, строгость и воздержанность. Монахи должны были исполнять физические работы, преимущественно заниматься сельским хозяйством. Святой Бернгард Клервоский был носителем этого движения. По его мнению, следовало учреждать монастыри не в городах, а в дали от них и светской суеты, в уединённых местах. Орден цистерцианцев допускал полумонахов, бывших, главным образом, ремесленниками и рабочими. Позднее называли, как в Германии, так и в Ливонии, цистерцианцев «полевыми монахами». Церковные дела старой Ливонии до сих пор мало исследованы и раз работаны.). В 1205 г. начали постройку, в том же году назначен аббатом упомянутый уже Дитрих Трейденский, в 1208 г. монастырь был готов и занят братией. Расположенный на самом берегу моря на песчаной почве, он принуждал своих обитателей много и усердно трудиться, чтобы добывать из почвы своё пропитание и вместе с тем применять свои опыт и знания для устройства полезных сооружений, как-то — дамб, водяных мельниц, рыбных прудов и т. п. Но и для духовного дела монастырь поставлял много полезных работников. Монахи происходили из разных областей Германии. Известно, что из монастырей Порта (Schulpforta), Гиммельспфорте, Мариенфельд, Зиттихенбах (в Вестфалии) и кёльнских монас-

тырей прибыли сюда монахи. Из монастыря Лангхейм в Верхней Франконии приехал сюда после 1276 г. бывший аббат Марсилий.

В то же время военные действия продолжались, ибо не только прибытие и утверждение немцев на Западной Двине вызвали нападение воинственных и сильных и сознававших свою силу литовцев. Уже задолго до появления в этих краях первого немца литовцы напали на Ливонию. Стены города Рига были доведены лишь до незначительной высоты, и постройка их ещё продолжалась, когда в марте 1205 г. литовское войско под начальством Свельгата (Суэльгат) предприняло набег на эстов, избрав путь недалеко от Риги. Вестгард, один из начальников семгаллов, живший в Терветене, явился в Ригу и предупредил немцев, что литовцы на обратном пути нападут на них, и предложил им помощь и союз. Немцы приняли предложение. При Роденпойсе соединённые немцы и семгаллы ожидали литовцев, шедших по глубокому снегу со своей добычей. Но, заметив неприятеля, они быстро выстроились в клинообразном строе. Семгаллы бежали, увидев литовцев, так быстро выстроившихся к бою, но рыцарь Конрад фон Мейендорп (получивший впоследствии от епископа в лен Икскюль и называвший себя по этому владению) со своими тяжеловооружёнными всадниками ударил по литовцам и рассеял их. Во время бегства немцы и присоединившиеся к ним вновь семгаллы убили неприятельского вождя и истребили почти всех литовцев. От горя пятьдесят жён павших покончили с собой, уповая, что в загробной жизни они опять будут жить со своими мужьями.

Таким образом, отношения к литовцам сделались враждебными; зато Вестгард и семгаллы, от которых пока не требовали крещения, стали надолго союзниками. В конце 1206 г. ливы вообще и в частности ашераденские ливы считались покорёнными. Столкновение с русскими в Куканойсе, происшедшее по поводу борьбы с ливами, удалось уладить мирным образом. Продолжалась ещё борьба с ливами в Трейденской области, не скрывавшими свою неприязнь к немцам, причём походы простирались даже за Венден.

Зимой 1206/7 г. епископ Альберт объехал большую часть Нижней Саксонии и проповедовал новый крестовый поход. В апреле 1207 г. он отправился ко двору короля Филиппа, поднёс ему (коммендировал ему) завоёванную Ливонию и получил её обратно в виде лена; таким образом Альберт сделался имперским князем. Он никогда не смотрел на завоевание и крещение Ливонии как на своё частное предприятие, но он хотел достигнуть некоторых положительных успехов раньше, чем вступит в более близкое правовое отношение к империи.

ГЛАВА IV
Усиление ордена. Разделение владений

Около Троицы 1207 г. епископ в сопровождении многочисленных и знатных пилигримов возвратился в Ригу. Орден «Господом ежедневно благословляемый рыцарями и служителями» принимал во всех военных действиях выдающееся участие и теперь потребовал вознаграждение за свои труды в виде одной трети всей земли, как уже завоёванной, так и той, которая будет завоёвана. Епископ должен был признать требование законным, но решение относительно земли, ещё не завоёванной, пока отложил. Церковь без помощи светской власти, являющейся хотя бы в виде духовно-рыцарского ордена, не могла преследовать свои цели. Разделение владений само по себе было дело целесообразное, орден оставался слугой церкви, и, если только удавалось сохранить согласие между ним и епископом, то церковь могла и впредь рассчитывать на существенные выгоды от ордена. Поэтому Альберт уступил ордену третью часть всей земли и, как он сам получил Ливонию от германского короля со всеми правами и с полной властью, так он и передал западную её часть ордену, но постановил, для ознаменования зависимости, чтобы одна четверть взимаемой десятины отдавалась ему. Епископ оставил за собой области: Трейденскую, Идумею и часть Метсеполе, прилегающую к морю, орден получил область к югу от Койвы (Лифляндской Аа). Здесь он, вероятно, ещё в 1207 г. построил замки Венден и Зегевольд, позднее — Ашераден на Двине. В этих замках были назначены начальники, которые, как и начальник всего ордена, живший в Риге,

получили титул магистра (magistri provinciales). Впоследствии орден, расширив свои владения, имел магистров ещё в Феллине (с 1215 г., постоянно же только с 1224 г.), в Ревеле (с 1227 г.) и фогтов в областях Саккала, Иервен, Гаррия, Эзель (но здесь не раньше 1227 г.).

В то время казалось, что отношение к князю Вячко в Куканойсе будут дружественным. Он приехал с многочисленной дружиной в Ригу и просил помощи против литовцев, причинивших и ему много бед. В благодарность он предложил половину своей земли и своего замка. Епископ принял предложение. Когда литовцы, чтобы отомстить за нанесённое им два года тому назад поражение около рождества 1207 г., предприняли опустошительный набег на Трейденскую область и дальше за Койву, но немцы и Вячко встретили их на обратном пути на Ашераден и, разбив их, отняли у них всю добычу и много женщин и детей, которых они забрали в плен. Вслед за тем, в 1208 г., главное укрепление селов на Двине было взято, ибо в этой местности литовцы находили удобный для себя проход. Селы обещали покориться и принять крещение и дали заложников. Во всех этих предприятиях орден принимал деятельное участие.

Между тем немецкие проповедники проникли в страну латышей. На реке Имере, впадающей в Буртнекское озеро (Астиярви), работали успешно два священника: Генрих (написавший хронику) и Алобранд. Также обитатели лежавшей более к востоку области Толова, летгаллы, приняли христианство; так как часть их платила дань Пскову, то вследствие крещения их могли произойти недоразумения с псковичами. Недоразумения произошли; а также уже летом того же 1208 г. совершенно изменилось отношение князя Вячко. На основании договора в его замок в Куканойсе явились люди рыцаря Даниила. Начались мелкие столкновения, кончившиеся истреблением немцев, из числа которых только трое бежали в Ригу. Вячко же отправил сделанную им добычу: лошадей, осадные машины, оружие — к полоцкому князю Владимиру и донёс в то же время, что время для похода на Ригу и изгнания немцев благоприятно. Владимир начал воо-

ружения, но не мог сразу выступить в поход. А немцы не были так слабы, как думали в Куканойсе и Полоцке. Альберт убедил триста пилигримов, севших уже на корабли, чтобы ехать на родину, но задержанных в Дюнамюнде вследствие отсутствия попутного ветра, остаться в Лифляндии и созвал всех способных носить оружие. С внушительной силой немцы выступили навстречу русским. Вячко вовсе не пытался защитить своё владение; он зажёг свой деревянный замок и отступил. Немцы же построили на месте Куканойса сильный замок Кокенгузен (так старое название было переделано на немецкий лад), половина которого была дана в лен рыцарю Рудольфу Иерихонскому из Магдебурга, а треть — по договору — ордену.

В отсутствие епископа Вестгард, князь семгальский, явился в Ригу и просил поддержки; он хотел предпринять поход на литовцев. Заместители епископа дали ему пятьдесят воинов, и добровольно с ним отправились некоторые орденские рыцари. Но семгаллы, спросив богов своих и получив неблагоприятный ответ, хотели изменить своё решение. Тогда воинственно настроенные немцы стали настаивать на походе. Дурная дождливая погода вызывала значительные затруднения. Жители, узнав о семгальском походе, бежали в леса, так что деревни были пусты и напавшие не имели продовольствия. Наконец литовцы сделали неожиданное нападение и нанесли соединённому семгальско-немецкому войску решительное поражение. В Риге после этого решили в подобных предприятиях впредь более не принимать участия.

Начальники латышей Руссин, Варидоте и Талибальд вместе с орденским рыцарем Бертольдом, сидевшим в Вендене, отправили к эстам области Угаунии посольство с поручением просить о возвращении похищенного во время прежних походов имущества. Когда посольство вернулось, не достигнув цели, латыши предприняли поход на Оденпэ и сожгли это большое укрепление и опустошили окрестности. Месть пострадавших не заставила себя ждать. Соединённые угаунийцы и саккаланы вторглись в область Трикатен и осадили замок Талибальда

Беверин. От Беверина они отступили, когда услышали, что магистр Вено идёт на помощь латышам, но магистр не мог их догнать, так как внезапно наступили морозы и тяжёлые кони причиняли себе повреждения. Возмущённые начальники латышей тогда без немцев вторглись в область Саккалу, перебили триста воинов и страшно опустошили всю область. При посредстве епископского фогта после этого, в декабре 1208 г., было заключено перемирие на один год. В следующем году латыши предприняли поход даже на литовцев, но поводы к нему не указаны.

Орденский рыцарь Вигберт из Зоста имел должность в Вендене, но был удалён за дурное ведение дела. Желая отомстить, он притворился кающимся и готовым подчиниться суду магистра в Риге. Здесь он заколол ничего не подозревавшего Вено и его капеллана (1209 г.) в верхней части дома (вероятно, замка Св. Георгия). Вигберт бежал, но удалось его найти. Светский суд, которому он был передан, приговорил его к смерти, и он был казнён. Вторым магистров ордена меченосцев был избран Фольквин.

В конце лета 1209 г. многочисленное войско, состоявшее из пилигримов и отрядов разных союзников, предприняло поход на Герцике. Князь этой области Всеволод всегда действовал как убеждённый противник епископа Альберта, в особенности он поощрял литовцев к набегам и поддерживал их. С рассветом немцы овладели его деревянным замком; князю самому удалось спастись на другой берег Двины, откуда он должен был видеть, как неприятель сжёг его замок и всё образовавшееся около него селение. В числе взятых в плен была и его супруга, дочь литовца Даугерута. Вслед за тем Всеволод явился в Ригу, признал себя подданным епископа, отказываясь от сношений с язычниками, и поднёс свои владения церкви. Альберт, со своей стороны, наделил его тремя знамёнами (знамя — внешний знак, употреблявшийся и в Западной Европе при наделе князей) и восстановил его в прежних владениях. Позднее владение Герцике было разделено; но судьба этой области и её князей темна: однажды она называется епископским леном в руках рода Икскюль.

Магистр Фольквин поступал энергичнее и решительнее, чем его предшественник, и хотел освободить орден от зависимости от епископа и иметь равные с ним права. Оба отправились в Рим. Но папа Иннокентий III вновь утвердил положения 1207 г. Не желая подобно своим преемникам произвести епископа Лифляндского в архиепископы, он дал ему однако право назначать и посвящать других епископов в Лифляндии. Формально папа не дал ордену никаких новых прав; на деле же он умалил значение епископа, так как впредь вместо одного могло быть в Лифляндии несколько епископов. В отношении к Лифляндии папа Иннокентий III преследовал великие планы; он хотел, чтобы Лифляндия, как «земля Пресвятой Девы», оставалась в прямой зависимости от престола св. Петра. Когда архиепископ Бременский попытался подчинить себе лифляндского епископа, он встретил в Риге решительное сопротивление. В 1218 г. папа Гонорий III, совершенно игнорируя притязания бременской церкви назначить магдебургского архиепископа митрополитом лифляндского епископа. Но эта мера, вероятно, скоро была отменена, так как мы ничего не знаем о каком-либо влиянии магдебургской церкви на лифляндские дела.

В конце 1209 г. по истечении срока перемирия Бертольд, магистр Венденский, в союзе с латышами предпринял успешный поход на жителей области Угаунии. Нападение было настолько неожиданным, что эсты не успели скрыться в своей крепости Оденпэ, а были застигнуты в своих открытых селениях. Когда в 1210 г. заключено было новое перемирие, то обнаружился раскол среди владетелей страны. Трейденские ливы, бывшие, впрочем, в тайных сношениях с эстами, и латыши в земле епископа по ту сторону Койвы заключили мир с эстами; магистр Бертольд и латышский начальник Русин из Сотекле готовились к новой борьбе. В то же время Мстислав Новгородский и брат его Владимир Псковской осаждали в течение одной недели Оденпэ и взяли его. Побеждённые должны были заплатить контрибуцию в 400 марок нагатенов (нагатены — это род денег из кожи

или меха, первоначально драгоценные меха, употреблявшиеся для уплаты дани; одновременно встречаются «озеринги», т. е. тяжёлое серебряное украшение, которое женщины носили на груди; 1 озеринг = 50 марок) и часть их сверх того должна была креститься, чего прежде не требовали. Русские обещали прислать священников, но не исполнили обещания. Немцы же должны были понять, что дальнейшие попытки расширить владения неминуемо приведут к столкновению с соседями, т. е. русскими.

Большая опасность угрожала Риге. Куры предложили ливам, эстам, латышам, семгаллам, а также ближайшим русским князьям разрушить Ригу и изгнать немецких пришельцев. Попытка взять Кокенгузен не удалась. Но крещённые уже ливы из Адии возбудили всё население Курляндии, и их предприятие против Риги почти увенчалось успехом. Возвращавшийся паломник, граф Марквард фон Шладен, переночевавший в монастыре Дюнамюнде, заметил рано утром несметные ладьи нападавших, но не мог предупредить жителей Риги. Куры на пилигримов не обратили внимания и спешили войти в Двину, отсюда рыбаки послали вестника в Ригу. Город сильно заволновался, так как число способных носить оружие как раз в то время было очень невелико. Когда зазвонили в набатный колокол на соборе, все, и светские и духовные, рыцари и священники и женщины взялись за оружие. На берегу Двины поставлены были метательные машины, чтобы оказать неприятелю достойный приём. Куры выскочили из лодок и сделали нападение в замкнутых рядах, защищаясь огромными деревянными щитами. Непосредственно перед городом у «ворот совета» произошла битва, продолжавшаяся до третьего часа дня, т. е. до 9-ти часов утра. Рижане подожгли деревню ливов, находившуюся под городом и расставили западни. После завтрака куры возобновили нападение и пытались развести костры и поджечь город. Многие из них погибли от брошенных на них камней и стрел, многие ранены, а раненых они сами убивали. Но они отступили только тогда, когда подоспел отряд всадников из замка Гольма и набросился на них. Они переплыли в своих лодках на

противоположный берег, отдыхали там три дня и сожгли взятые с собой трупы павших в бою товарищей. Страшно звучали их плач и вопль. Затем пришла ещё другая помощь: ночью явился Каупо с отрядом ливов, а на другое утро — Конрад фон Мейендорп с большим отрядом. Эти рыцари исполняли военные упражнения под городом на виду у куров и старались их вызвать на новое сражение. Но куры ушли, не сделав вторичного нападения. Ливы и семгаллы, стоявшие уже близко от Риги, тоже отступили. Ливы просили прощения и получили его. Рижане же постановили ежегодно праздновать особенно торжественно 13 июля, день Св. Маргариты, в который они были спасены от столь великой опасности.

Между тем борьба на севере продолжалась. В марте 1211 г. Бертольд, магистр Венденский, занял Феллин в области Саккала. Но покорение этой области было лишь кажущимся. При первой возможности жители опять взялись за оружие, напали на латышей и ливов, сожгли церкви и перебили жителей, бежавших в леса. В то же время эзельцы проехали по Койве до Трейдена и страшно опустошили всю область.

В это время епископ Альберт, побывавший в Риге, возвратился в Лифляндию. Папа дал ему новую буллу, приглашавшую к крестовому походу; он послал её ещё зимой по сухому пути через Пруссию в Ливонию — ехать по этому пути тогда было очень опасно — и тем вызвал большую радость и укрепил самоуверенность христиан. Он сам прибыл со многими пилигримами: три немецких епископа — Ратцебургский, Ферденский, Падернборнский — сопровождали его; в числе бывших с ним были Гельмольд фон Плесе и Бернгард фон дер Липпе.

Новые силы прибыли весьма кстати, ибо чем дальше шла борьба, тем больше становилось противников, боровшихся с немцами и с соединившимися с ними крещёными туземцами. Эзельцы, ревельцы, ротальцы (из области Вик) с огромными силами (как пешими, так и конными) осадили большой замок Каупо, в котором собралось множество бежавших сюда ливов. К ним теперь могла идти помощь. На большой дороге, ведшей

на Венден, построенной немцами, шла пехота; конница, отчасти тяжело вооружённая, направо от дороги. Когда немцы увидели замок и лишь глубокая долина отделяла их от него, они затрубили в рога и запели боевые песни. Затем немедленно бросились в бой, который кончился полным поражением осаждавших. Многие погибли во время бегства. Один отряд, хотевший сперва между замком и Койвой сопротивляться, но потом сдавшийся, бежал ночью к своим ладьям, оставленным без стражи. Но его заметили. Бернгард цур Липпе перебросил наскоро мост через Койву и перевёл по этому мосту на другой берег реки отряд, достаточный для того, чтобы загородить путь ехавшим вниз по течению. Они высадились на берег и бежали в леса, где большей частью погибли от голода. Неприятель потерял 2000 убитыми, около 2000 лошадей, 300 крупных и множество мелких лодок, доставленных в Ригу. Убытки немцев были невелики; лишь один рыцарь, член ордена по имени Эбергард, пал. Подобное рассказывает летописец о других битвах. Только когда немцы-рыцари в тяжёлом вооружении должны были сражаться пешком или при неблагоприятном устройстве поверхности не могли пользоваться преимуществами конницы, то они терпели полные поражения и несли большие убытки.

Эта победа произвела сильное впечатление. Со всех сторон ливы стекались, изъявляли покорность и просили определить отношение их к церкви. Епископ, исполняя их просьбу, постановил, чтобы они платили дань, известное количества хлеба «с каждой лошади». Вместе с тем — как главное условие — требовалось, чтобы они оставались в христианской вере.

Перед отъездом Альберт назначил Теодерика, аббата Дюнамюндского, епископом Эстляндским. Он скоро поселился в Леале. Это место имело большое стратегическое значение, и потому утверждение в нём было важно, ибо ещё предстояла тяжёлая борьба.

ГЛАВА V
Продолжение борьбы.
Прибытие датчан в Эстляндию

Генрих, проповедник латышей, единственный писатель-современник, повествующий об этом времени, рассказывает подробно о продолжавшейся из года в год борьбе с эстами, о покорении и крещении их. Мы не можем передавать все эти подробности, а должны ограничиться указанием на главные явления в этой борьбе. Большую пользу завоеватели имели от национальной розни местных народностей и возникавших на этой почве раздоров. В 1211 г. жители областей Саккала и Угаунии напали на латышей в областях Трикатен и Беверин. Вследствие этого большое войско выступило из Риги и проникло в Иервен и разрушило главное укрепление этой области. В том же году латыши четыре раза вторгались в Угаунию; когда в декабре месяце соединённые немцы и латыши явились туда, они нашли главное укрепление Тарбата пустым и преследовали неприятеля в лесах и болотах. В январе 1212 года большое войско, состоявшее из 4000 немцев и такого же числа ливов и латышей, вторглось в Угаунию и Вайгу, а отсюда в Иервен, опустошило области Моха и Нурмегунде и возвратилось по льду озера Вирцъярви. В то же время явился сюда Мстислав Новгородский с войском в 15000 человек, но немецкое войско, с которым он хотел сразиться, уже отступило, он осадил Варболу в Гаррии, но, получив 700 марок нагатенов, ушёл, не взяв этой крепости. Дальнейшие походы привели к занятию Феллина в 1215 г., Мезотена в 1220 г. (крайних пунктов на севере и на юге тогдашних

2 Очерк истории...

немецких владений) и вместе с тем к покорению, выдаче заложников и принятию христианства.

Однако были и обстоятельства, тормозившие дело. В 1218 г. архиепископ Бременский запер Любекскую гавань, вследствие чего новые боевые силы не могли отправиться в Ливонию. В этом затруднении епископ Альберт решился просить помощи у Дании. Вместе с Теодорихом, епископом Эстляндским, и Бернгардом, епископом Зелонским, он приехал к королю Вальдемару в Шлезвиг, где тогда заседал сейм. К просьбе его отнеслись благосклонно и обещали предпринять поход в Эстляндию. Давая это обещание, Вальдемар возвращался к прежде уже бывшим у него планам, ибо ещё в 1206 г. он сделал попытку утвердиться на о. Эзель, но попытка тогда не удалась.

Когда епископ Альберт весной 1219 г. возвратился, он убедился, что немцы могли бы обойтись и опасной датской помощи, ибо им одним удалось отразить серьёзное нападение, предпринятое туземцами восточных областей. Кроме того, Альберту, герцогу Нижней Саксонии, удалось выехать со значительным крестоносным ополчением из Любека и пристать к ливонскому берегу. В июне 1219 г. высадился король Вальдемар на северном берегу Эстляндии, взял и разрушил замок эстов Линданиссу и построил на месте его новый замок Ревель. Несколько дней спустя тут же дана была решительная битва, в которой датчане победили. (Датское предание рассказывает, что во время этой битвы при Ревеле 15 или 16 июня 1219 г. датское государственное знамя (Danebrog, белый крест на красном фоне) упало с неба.) Епископ Теодорих, присоединившийся к Вальдемару, был убит в своей палатке. Убийца хотел убить короля и принял Теодориха за него.

Епископ Альберт назначил преемником его своего брата Германа (он должен был жить в Леале), а король Вальдемар сделал эстляндским епископом своего каплана Весцелина (он должен был жить в Ревеле); скоро был, кроме того, назначен епископ Вирландский, именно некий Острад. Вместе с тем Вальдемар предъявил крупные

требования: он всю Лифляндию и Эстляндию называл своим владением и делал ордену такие обещания, что тот согласился не признавать законных прав Альберта и Германа. Впрочем, в предстоящем ещё завоевании Эстляндии главный труд должен был выполнить орден. В то же время выступили датские проповедники и разошлись по всей Эстляндии. К сожалению, между ними и немецкими миссионерами возникли крайне некрасивые ссоры. Но вообще у епископа Альберта оказалось больше сторонников, чем у короля Вальдемара. Датский рыцарь Годескальк, приехавший в 1221 г. в Ригу, чтобы от имени короля в качестве его фогта управлять Лифляндией, не нашёл здесь необходимой поддержки и должен был удалиться. Король Вальдемар убедился, что без помощи со стороны немцев нельзя и думать об утверждении в северной Эстляндии или о дальнейших успехах, и в 1222 г. заключил с епископом Альбертом и с орденом оборонительный и наступательный союз и вместе с тем отказался от всяких притязаниях на Лифляндию (т.е. землю ливов и латышей).

Следствием было общее восстание эстов в 1223 г. Раньше всего они взяли новый замок датчан на Эзеле. Затем восстали жители областей Гарии, Иервена, Вирляндии. Взят был также замок ордена Феллин; эсты звали на помощь новгородцев и псковичей, угрожали Ревелю. Они восстали, чтобы сбросить навязанное им христианство и направляли свои действия прежде всего против датчан, немцы стояли для них на втором плане. Датчане же были лишены главной своей силы; в мае 1223 г. король Вальдемар был взят в плен одним из своих вассалов, Генрихом, графом Шверинским (он оставался в этом плену более 2-х лет), и тогда выяснилось, что Дания заняла влиятельное положение среди северных держав благодаря личности короля, а не благодаря способностям нации. Епископ же и фогт во время опасности забыли прежние раздоры, тесно соединились и приступили к новому завоеванию утраченных земель. Ещё 15 августа того же 1223 г. епископ Бернгард после двухнедельной осады взял Феллин, после чего тотчас же приступили к возоб-

новлению и усилению важного замка, который сделался самым большим и самым крепким замком в старой Лифляндии, даже крепче Вендена. Осада Дерпта, в котором эсты утвердились и защищались с помощью русского отряда под начальством Вячко, изгнанного из Куканойса, в апреле 1224 г. не увенчалась успехом. Но после падения Феллина все силы немцев сосредоточились около Дерпта. Осаждавшие построили деревянные башни (т. н. Ebenhoch), в которых наверху находились стрелки, а внизу — рабочие для устройства подкопов; эти башни на огромных брёвнах придвигались к стенам и валам. Под защитой их рабочие устраивали подкопы. Осаждённые стреляли в осаждавших всевозможными орудиями, скатывали с валов горевшие колёса. Работы с обеих сторон продолжались беспрерывно. Только в начале сентября осаждавшим удалось проникнуть в одно отверстие в укреплениях и отсюда в самый город. Эстонский гарнизон был беспощадно истреблён. Дерпт был важен для сохранения владычества в Угаунии. Епископ Герман перенёс туда своё место жительства, но он принял название епископа Дерптского лишь в 1234 г., потому что он до того времени надеялся сохранить за собой и важный Леаль, уступленный в этом году новому епископству — Эзель-Викскому.

Через год после взятия Дерпта, в 1225 г., римский король Генрих наделил епископа Альберта всей областью, обнимавшей земли ливов, латышей, Леаль и Вик.

ГЛАВА VI
Легат Вильгельм.
Кончина епископа Альберта

Вследствие притязаний, с одной стороны, Дании, с другой — ордена, отношения между ними и Альбертом настолько запутались, что епископ счёл лучшим предоставить объяснение и определение нормальных отношений высшей власти и просил папу Гонория III прислать легата. Весной 1225 г. приехал в Лифляндию в качестве легата Вильгельм Савойский, в то время епископ Моденский; он же ещё несколько раз, когда нужно было решать важные вопросы, приезжал в том же качестве и лично изучил потребности страны, о которых в Риме едва ли имели верные представления. И он, несомненно, своим разумным вмешательством и целесообразными советами в значительной степени способствовал тому, что молодая колония пережила без ущерба опасные кризисы.

Скоро после приезда легат послал папе предварительное донесение, в котором он определил основания, на которых он предполагал построить свои мероприятия. Затем он объехал области к северу от Двины, земли ливов, латышей, эстов, Саккалу и Угаунию. В Феллине он виделся с депутатами от Ревеля и области Вик. Через Трикатен и Венден он возвратился в Ригу, где 4 августа состоялось совещание. После того он отправился вверх по Двине до Кокенгузена; в Икскюле он поклонился мощам похороненных там первых лифляндских епископов (летописец Генрих называет их святыми). Между тем, на севере возникли новые раздоры между датчанами и

немцами. Поэтому легат Вильгельм в январе 1226 г. ещё раз отправился в Эстляндию, посетил в этот раз области Иервен и Вирляндию и город Ревель. Он объявил притязания на области Вик, Вирляндию и Иервен со стороны как Альберта, так и датчан незаконными, назвал эти области владением папы и поставил своего каплана Иоанна там в качестве наместника (викария).

Весной 1226 г. в Риге происходило многолюдное собрание. Отношения города к ордену и городских жителей между собой были определены, точно также определены границы территории города Риги. В конце мая легат покинул Ливонию и переправился сперва в Висби.

В январе 1227 г. немцы предприняли по льду морского пролива поход на Эзель и после ожесточённой борьбы покорили эзельцев. Благодаря этой победе, по крайней мере, морское разбойничество эзельцев, причинявшее большой вред берегам и жителям Ливонии и также других стран, было в значительной степени ограничено. Но епископ Готфрид, прежний аббат монастыря Дюнамюнде, назначенный в 1228 г. Альбертом для Эзеля, не мог удержаться. Точно также викарий Иоанн должен был скоро удалиться из области Вик.

Получив свободу, датский король Вальдемар начал войну с графом Голштинским и был им совершенно разбит при Борнгеведе. После этого орден, вопреки постановлениям легата Вильгельма, занял область Гаррию и замок Ревель, около которого в то время уже возникало городское поселение. Епископы, присланные сюда из Лунда, были изгнаны и бежали в Ригу. В своём расчете орден не ошибся; король сам не выступил против него и обратился с жалобой к курии; эта последняя же долго не принимала никаких мер. Между тем римский король Генрих подтвердил права ордена на новые его владения.

В южной части Ливонии за последнее время не достигли заметных выгод. После смерти Бернгарда, епископа Зелонского (1224 г.), вновь назначенный епископом Ламберт отказался от Зелонии в пользу Альберта и принял титул епископа Семигальского. Новое епископство кроме округа Мезотен, который входил в его

состав, должно было быть ещё завоёвано. Вследствие того обострились здесь отношения. Самый влиятельный вождь семгаллов, Вестгард Терветенский, приехал в 1225 г. в Ригу, но не принял христианства, несмотря на все старания легата Вильгельма. До того времени он относился к немцам иногда дружественно, иногда безразлично, теперь же сделался их врагом, так как он видел, что его соплеменникам грозит опасность со стороны немцев. В августе 1228 г. соединённые семгаллы и куры напали на монастырь Дюнамюнде, перебили большую часть братии и разрушили монастырские строения. За это нападение отомстил им магистр Фольквин; но с этого времени начинается на юге борьба с курами, семгаллами и литовцами. С курами и семгаллами удалось справиться; но литовцы не могли быть окончательно побеждены, хотя борьба с ними велась долго и с большим ожесточением.

17 января 1229 г. епископ Альберт скончался в Риге; тело его было погребено в им же основанном соборе.

ГЛАВА VII
Легат Балдуин. Конец ордена меченосцев

Епископ Альберт не получил сана архиепископа. После его смерти архиепископ Бременский, считая себя митрополитом Ливонии, назначил епископом Рижским (т. е. Лифляндским) Альберта Зюрбера (Suerbeer), каноника (схоластика) бременской церкви, родом из Кёльна. В то же время рижский соборный капитул избрал в епископы магдебургского каноника Николая. Папа Григорий IX поручил кардиналу-дьякону Оттону, посланному в качестве легата в Германию и Данию, решил и этот спор. Оттон лично не поехал в Ливонию, а отправил туда в качестве вице-легата Балдуина, монаха из монастыря Альна (близ Тюена во Фландрии). Балдуин приехал в Ливонию осенью 1230 г. Он поступил там не так, как легат Вильгельм Моденский, а преследовал односторонние интересы курии и свои личные и не обращался внимания на законные требования ливонцев. В декабре 1230 г. явились в Ригу послы от куров, чтобы заключить договор для решения вопроса, кто должен крестить куров, желавших принять христианство, и кто должен присылать к ним священников. Христианство тогда только насаждалось среди куров; предание о церкви, которую якобы датчане построили ещё до 1030 г. в Курляндии, может быть, относится к другой стране; во всяком случае, эта церковь существовала недолго. Балдуин заявил, что он один имеет право заключать договор и действительно заключил договор с курами, хотя те с рижским духовенством уже пришли к соглашению.

Между тем, кардинал Оттон, на основании данных, полученных от Балдуина, постановил, что епископом Лифляндским должен считаться Николай, а не Альберт Зюрбер. Николай тотчас же начал сопротивляться требованиям Балдуина, и лифляндское духовенство решительно поддержало его. Все мероприятия Николая были направлены против Балдуина и без нужды возбуждали его негодование; несомненно, Николай в этих действиях шёл слишком далеко. Епископ предоставил жителям Риги третью часть Семигалии и Эзеля и шестую часть Курляндии, а рижский городской совет (12 консулов) дал наделы 70 mercatores, т. е. городским жителям, или гражданам (mercator от mercatus — рынок, город), в Курляндии и Семигалии и сверх того ещё 56 другим в Курляндии. В Иервене, который вместе с областью Вирляндией по особому приговору получил Балдуин, орден дал наделы 200 готландским, т. е. не рижским, mercatores. В крайнем негодовании Балдуин покинул Ливонию; в январе 1232 г. он явился в Рим и пожаловался папе, который принял его сторону. Он издал несколько булл, в которых он одобрял и оправдывал образ действий Балдуина и назначил его семигальским епископом, несмотря на то, что епископ Ламберт, назначенный епископом Альбертом I, тогда ещё находился в живых (но, может быть, удалился из своего епископства). Кроме того, Балдуин был назначен легатом для Готланда, Финляндии, Эстляндии, Курляндии, Семигалии и получил право на пожизненное пользование доходами от Курляндии. Также папа Григорий IX отменил важные постановления, изданные епископом Альбертом I, легатом Вильгельмом, папой Иннокентием III и им самим.

Получив большие полномочия, Балдуин отправился обратно, но не торопясь; он провёл конец 1232 г. в Германии (в Кёльне и Добберане) и был ещё в апреле 1233 г. в Кведлинбурге. Эти остановки в разных местах Германии указывают на то, что Балдуин желал собрать достаточные силы, чтобы удержаться в своём епископстве. В начале лета он приехал в Лифляндию. Сначала лифляндцы его несколько боялись, зная о его обширных полномо-

чиях, но скоро прежняя вражда обнаружилась с полной силой. Тогда Балдуин пытался уступками приобрести расположение местных властей, но без успеха. Особенно враждебно относился к нему орден, утвердившийся во время отсутствия Балдуина в северных областях, ему предоставленных, и не желавший отказаться от них. Балдуин, лишившийся между тем сана легата, вновь обратился к папе, но практических результатов не достиг и затем исчез из лифляндской истории. Вильгельм Моденский, опять назначенный легатом, сумел изобразить перед папой лифляндские дела в правильном освещении. Ещё осенью 1234 г. он назначил доминиканского монаха Генриха епископом Эзельским и, вероятно, в то же время Энгельберта — епископом Курляндским. С действительным миролюбием, всегда стараясь примирить враждующих, он отнёсся и к лифляндским спорам и постановил свой приговор в сентябре 1235 г.

Епископ Николай остался главой лифляндской церкви и управлять ею удачно, хотя он не имел выдающихся способностей и, в частности, организационного таланта Альберта I. Он увеличил владения соборного капитула многими пожертвованиями. В его время монахи доминиканского и францисканского орденов, которые были основаны незадолго перед тем, приехали в Ригу и построили свои монастыри: первый во имя св. Иоанна, а второй во имя св. Екатерины. По уставу эти монахи должны были жить в городах. Таким образом они постоянно оставались в связи с народом и приобретали значительное влияние на него; этому способствовало ещё то, что их церкви никогда не запирались. Женский монастырь цистерцианского ордена во имя св. Марии Магдалины, недалеко от церкви св. Иакова учреждён был лишь при преемнике епископа Николая.

Орден меченосцев со времени своего основания принимал участие во всех военных предприятиях. Он часто решительно сопротивлялся политике епископа Альберта, но и в самом ордене возникали разногласия, вследствие чего некоторые рыцари отделялись от него. Так, в 1228 г. рыцарь Бруно отделился вместе с 15 другими ры-

царями и получил от Конрада, герцога Мазовецкого, Добринскую область. Они сделали своим отличительным знаком красную звезду вместо меча. Часть этих рыцарей присоединилась в 1235 г. к Тевтонскому ордену, другая часть или переселилась в другие страны, или погибла во время нашествия Батыя (ок. 1240 г.). Также во время споров с легатом Балдуином орден распадался на партии, и одна такая партия заключила даже магистра Фольквина однажды в тюрьму, обвиняя его в тайных сношениях с епископами.

Несмотря на часто обнаруживавшуюся самоуверенность, орден, по-видимому, никогда не имел особенно много членов. Магистр Фольквин поэтому искал помощь, желая осуществить главный свой план, т. е. достигнуть решительного перевеса над лифляндской церковью. В этих видах он вступил в переговоры с Тевтонским орденом, переведённым в главной своей части в 20-х годах в Пруссию, но встретил с разных сторон сопротивление.

Тевтонский орден, как и ордены иоаннитов и тамплиеров, возник в Палестине, но позднее других. Он образовался из общества, которое немецкие пилигримы из Нижней Саксонии основали в 1190 г. во время третьего крестового похода в лагере под Акконом с целью создать организацию для ухода за больными. Это общество было утверждено папой Климентом III 6 февраля 1191 г. и стояло под надзором магистра иоаннитов. В духовно-рыцарский орден общество преобразовано лишь по постановлению съезда немецких князей в Акконе от 5 марта 1198 г., получившему санкцию папы 19 февраля 1199 г. Тогда назначен был особый магистр Вальпот. Полное название ордена впоследствии было такое: «Орден рыцарей немецкого госпиталя св. Марии в Иерусалиме». Кроме трёх монашеских обетов требовался от членов обет борьбы с неверными. Отличительным знаком был чёрный крест на белом плаще. Устав был заимствован у тамплиеров. В мае 1291 г. сарацины взяли Аккон. Части Тевтонского ордена ещё раньше перенесли свою деятельность в Европу. Венгерский король Андрей II (1211 — 1224) призвал орден для защиты немецких колонистов в Трансильвании от куманов, но скоро, отняв обратно землю, подаренную ему, побудил его удалиться. Затем Конрад, герцог Мазовецкий, пригласил орден помочь ему в

борьбе с языческими пруссами, и притом на столь выгодных условиях, что орден мог завоёвывать земли пруссов для себя.

В 1236 г. особенно большое число пилигримов приехало в Лифляндию; под впечатлением этого подкрепления магистр Фольквин согласился предпринять осенний поход с участием вспомогательных отрядов из Пскова, хотя условия были неблагоприятны. Немцы проникли глубоко в Литву, опустошая страну. Только на обратном пути, при Сауле (Сауле — латышское название Альтрадена близ Бауска; возможно, что битва 1236 г. происходила здесь; но, возможно также, что Сауле = Шавли), они подверглись внезапному нападению литовцев и вероломно соединившихся с ними семгаллов. Большинство простых воинов совершенно смутилось и погибло, почти не оказав сопротивления. Рыцари сражались храбро; когда их кони были убиты, они продолжали сражаться пешими, но их было слишком мало. И магистр Фольквин, и пятьдесят рыцарей пали под ударами литовцев. После этой победы вся Семигалия восстала, и куры присоединились к ней. Эзельцы тоже взялись за оружие и воевали четыре года против немцев.

Рыцарь-меченосец Герлах Красный был отправлен прямо к папе с просьбой дать согласие на соединение остатков ордена меченосцев с Тевтонским орденом и тем открыть возможность спасти находившуюся в большой опасности страну. Епископы Рижский, Дерпский и Эзельский под страшным впечатлением от поражения при Сауле и его последствий поддерживали эту просьбу. Но исполнить её было не легко. Тевтонский орден лишь недавно явился в Пруссию и должен был заботиться о прочности своего положения в этой стране; с другой стороны, беспорядки и отсутствие строгой дисциплины у меченосцев вызывали серьёзные опасения. Несмотря на это, заслуженный великий магистр Герман фон Зальца (1210 — 1239) наконец согласился на слияние двух орденов. 13 мая 1237 г. в Витербо подписана булла, в которой папа оповещал о совершившемся слиянии. Остатки меченосцев приняли устав и одежду тевтонцев (о «меченосцах» с этих пор нельзя говорить). 60 рыцарей

Тевтонского ордена переправлены были в Лифляндию, и управление поручено особому магистру (Landmeister) Герману Балке, занимавшему раньше подобную должность в Пруссии. Зависимость, по крайней мере — на словах, лифляндской ветви Тевтонского ордена от местных епископов должна была быть признана (обстоятельство, сначала мешавшее слиянию). И Ревель с областями Гаррией и Вирляндией должен был на основании существовавших трактатов отойти к Дании. Это условие вызывало разнообразные затруднения. Лифляндцы сначала отказывались выдать датчанам северную Эстляндию, в которой они много сделали, и Вильгельм Моденский принял их сторону. Но когда лифляндцы услышали, что король Вальдемар собирает флот и намерен в случае надобности прибегнуть к силе, они уступили. Число врагов и без того было велико. 7 июня 1238 г. в Стенби на Зеландии был заключён договор, и Вильгельм Моденский (скоро после этого назначенный кардиналом и епископом Сабинским) и магистр Герман сами поехали в Ревель и совершили уступочный акт. Приблизительно до 1345 г. датский начальник, живший в Ревеле, управлял страной. В церковном отношении северная Эстляндия оставалась в зависимости от лундского архиепископа, который и прислал нового Ревельского епископа Торкила. Область Иервен осталась в руках ордена, но с условием, чтобы он не строил новых замков без согласия датского начальника.

Таким образом, Тевтонский орден сделался наследником «братьев воинства Христова». Он преследовал те же интересы и также стремился к независимости от епископской власти. Но он хотел достигнуть ещё большего; он намеревался подчинить весь край своей верховной власти.

Альберт Зюрбер, который в 1231 г. должен был уступить рижское епископство Николаю, тем не менее не отказывался от надежды в этих северных странах занять когда-нибудь руководящее положение. Папа в это время назначил его архиепископом Прусским и Лифляндским и, вместе с тем, легатом для всех восточных стран. Но он

не имел постоянного места жительства; только намеревался поселиться в Любеке. Ещё при жизни Николая ему дали было обещание, что он будет управлять лифляндской церковью, притом в качестве архиепископа, так что лифляндские и прусские епископы будут его подчинёнными. После смерти Николая, в 1253 г., он приехал в Ригу и был утверждён в сане архиепископа папой в январе 1255 г. Он однажды (в 1268 г. или 1269 г.) имел опасное столкновение с орденом и находился некоторое время у него в плену.

Первого епископа Курляндского, Энгельберта, куры убили около 1240 г. О его преемнике мы не имеем достоверных известий. Только в 1251 г., когда семигальское епископство было упразднено, бывший семигальский епископ Генрих Люцельбургский был назначен курляндским епископом. При этом орден настоял на том, что он получит две трети, а епископ (так же, как в Пруссии) — одну треть земли: в чисто духовных делах, к которым относились освящение церквей, колоколов, церковной утвари, суд над духовными, епископу подчинена была, конечно, вся Курляндия. Около 1242 г. орден построил в Курляндии замок Гольдинген (называвшийся иногда Иезусборгом). В 1252 г. орден и епископ вместе приступили к постройке замка Мемельбург, который был разделён на тех же основаниях, в то время уже принятых в руководство. В Лифляндии и Семигалии раздел земли производился по другому принципу; здесь епископ или архиепископ получил две трети, а орден — одну. Впрочем, архиепископ в Семигалии уступил половину своих владений своему капитулу, получившему также в Лифляндии большое количество земли в дар.

При разделе Курляндии граница проведена была чисто номинально — большая часть — южная область Цеклис — ещё не была завоёвана; но немцы, по-видимому, надеялись её завоевать. Однако эта область, в которой значительное пространство было обещано епископу вследствие битвы при Дурбене, сделавшей распространение владений ордена в южном направлении невозможным, скоро после того навсегда отошла к литовцам.

Сверх того ордену удалось провести в Курляндии инкорпорацию, т. е. такое правило, что епископ и его советники должны были быть членами ордена, чего не удалось ему сделать ни в каком другом епископстве (в Риге это правило было введено, но только в то время, когда оно уже не имело значения). Епископ Эмунд (с 1263 г.) был членом ордена; он, впрочем, скоро удалился из своего епископства и жил на Рейне или в западной Германии, исполняя по поручению других епископов разные требования. В 1290 г. он возвратился в Курляндию. Тогда капитул курляндской церкви был вновь составлен, так как капитул, существовавший уже в начале пятидесятых годов, вероятно, из-за недостатка в средствах, был упразднён. Тогда и инкорпорация была окончательно проведена. Шесть каноников, составлявшие капитул, были, и должны были впредь, быть членами Тевтонского ордена. В других епископствах капитулы состояли из двенадцати каноников, из которых один был пропстом, а другой — деканом. Члены ордена смотрели враждебно на духовенство, которое не признавало их настоящими духовными лицами, называя их saeculares, т.е. светскими.

ГЛАВА VIII
Военные предприятия Тевтонского ордена в течение XIII столетия

Тевтонский орден отказался от Эстляндии и избегал столкновений с Данией, чтобы иметь возможность вновь покорить восставших туземцев. Ближайшим преемникам магистра Германа Балке удалось вновь покорить отпавших куров и семгаллов. Латыши ещё при жизни епископа Альберта совершенно примирились с новыми порядками. Но вследствие поражения при Сауле восстали также эзельцы, и только что основанному эзельскому епископству угрожала большая опасность. Немцы подавили восстание и в течение 1240/1241 года восстановили мир на острове. Вспыхнувшее в начале пятидесятых годов, новое восстание на Эзеле тоже было подавлено. Когда в 1254 г. епископ и орден разделили остров Эзель между собой, то город Рига предъявил свои законно засвидетельствованные права на часть острова, но на него не обратили внимания. Город своих прав не забывал, и ещё в XVI веке была речь о них.

В то же время, орден, желая расширить свои владения, пытался сделать новые завоевания. Эти попытки были направлены против Новгорода и Пскова и сначала увенчались успехом, но эти успехи были непрочны. В 1240 г. рыцари вторглись в Водскую пятину (ныне Петербургскую губернию) и построили замок в Капорьинской области. В этом походе принимал участие эстонский вассал Тидеманн (Дидман, Тидманович, вероятно, из рода Кивель). Есть известие, что орден готовился к участию в шведском походе правителя Биргера Ярла,

отражённом Александром Невским победой на Неве 15 июля 1240 г., но оно маловероятно. Магистр Андрей преследовал свою цель в другом направлении. В сентябре того же 1240 г. он взял Псков и назначил там двух фогтов. Но скоро последовало обратное движение. Из Водской земли немцы отступили ещё летом 1241 г., а из Пскова их изгнал князь Александр Невский в марте 1242 г.; несколько недель спустя, 5 апреля 1242 г., он же одержал над рыцарями блестящую победу на берегах Чудского озера (при Исмене или Крэенштейне) в так называемом Ледовом побоище.

Город Нарва был основан только через полтора десятилетия, около 1256 г. Отсюда немцы ещё раз попытались проникнуть в Водскую землю. В 1294 г. упоминается замок Оттенбург (Отий городок) на правом берегу Наровы, построенный рыцарем Оттоном Кивель, потомком вышеупомянутого Тидеманна. Но немцы и из этого места скоро были вытеснены.

Ещё до середины XIII столетия Миндовг (по-литовски Mindaugas, у немецких писателей того времени — Mindowe) объединил под своей властью главные литовские племена. Но так как литовские князья большей частью подчинились ему неохотно и были его врагами, то он искал союз с лифляндским магистром. Он принял христианство (1251 г.), а летом 1253 г. Гейденрейх, епископ Кульмский, по поручению папы Иннокентия IV короновал его и его супругу Мароу в присутствии магистра Андрея, причём Миндовг принял титул литовского короля. Желая поддержать дружественные отношения к ордену, он подарил ему несколько областей (впоследствии он взял их обратно), вследствие чего орден сделался владельцем жмудских (самаитских) областей, лежавших к западу от Литвы. Этот дар имел роковые последствия. Эти области на деле были совершенно независимы, и орден должен был их завоевать. В 1259 г. он мужественно проник вглубь страны и построил на Немане в области Каршов замок Георгенбург. Но вспыхнувшее вследствие наступления немцев восстание семгаллов расстроило все планы ордена и заставило его изменить образ дей-

ствий. Ввиду огромной опасности все христианские правители Ливонии — в том числе датский начальник Эстляндии — соединились; сверх того вспомогательные отряды были вызваны из Пруссии, и сильное войско под начальством орденского магистра Бурхарда фон Горнгузен выступило для подавления восстания. Однако ещё в Курляндии при Дурбене (на речке того же имени) 13 июля 1260 г. немцы встретились с сильным литовским войском.

Из-за измены отрядов, составленных из куров, немцы потерпели полное поражение. Магистр, прежний прусский маршал Ботель, шведский принц Карл, 150 рыцарей и несколько тысяч других воинов погибли в бою. Следствием этого поражения было общее восстание, грозившее Ливонии серьёзными опасностями. Также Миндовг, языческие подданные которого не одобряли его крещение и его дружбу с орденом, отказался от союза с немцами и заключил союз с Александром Невским.

Орден должен был употребить крайние усилия, чтобы справиться с врагами. Исполнявший должность магистра бывший зегевольдский командор Георг и ближайшие магистры действовали как будто по установленному плану. Немцы потерпели ещё одно поражение от литовцев при Ленневардене 3 февраля 1261 г. После этого Георг не преследовал отступавших с богатой добычей литовцев, предвидя в таком случае новое поражение, а предпринял поход против заволновавшихся эзельцев. В союзе с епископами и датчанами рыцари перешли по льду на остров и взяли главное укрепление эзельцев Кармель, после чего эзельцы покорились. В том же 1261 году Миндовг совершил поход в Лифляндию (до Вендена), но без особенного успеха, так как Александр Невский, обещавший прийти к нему на помощь, явился лишь после его отступления. Русские опустошили всю область, но тоже отступили, не сразившись с рыцарями, сознавая превосходство их военных сил.

В следующем, 1262-м, году русские напали на Дерпт и опустошили и сожгли часть его; собор и окружавшие его укрепления, однако, не сдались, и защищавшие его

причинили осаждавшим русским большой урон с помощью метательных машин. Когда магистр Вернер во главе сильного ополчения выступил на помощь, русские не рискнули сразиться с ним и отступили.

В 1263 г. рыцарское войско из Риги вступило в страну куров, получило подкрепления из Гольдингена и взяло и сожгло все замки куров (Лазен, Меркес, Гробин, Кретенен). В том же году литовский князь Тройнат сделал набег на Лифляндию, дошёл до области Вик и разорил старый Пернов. Магистр Вернер, вследствие болезни оставшийся в Риге и не отправившийся против куров, собрал все бывшие в его распоряжении силы и вместе с отрядом из рижских граждан пошёл на встречу литовцам. Сражение произошло в ночное время при Дюнамюнде 9 февраля 1263 г. Литовцы понесли чувствительные убытки и отступили, но не могли их преследовать.

Вследствие смерти литовского князя Миндовга, убитого в 1263 г., отношение литовцев к Лифляндии не изменилось; сыновья Миндовга, хотя и враждовали друг с другом, были тоже врагами немцев и поддерживали семгаллов в их борьбе. Новый магистр Конрад фон Мандерн начал в 1265 г. планомерное покорение этой народности, построив крепкий замок Митаву, именно не во внутренней части неприятельской страны, а, предусмотрительно, недалеко от границы на Курляндской Аа, в четырёх милях от её устья. Дорога из Риги в Митаву шла к югу от озера Бабит, сообщение с Ригой по этой дороге поддерживалось, несмотря на военные действия; орден же приобрёл ценную точку опоры в борьбе с семгаллами. Так как место, где построена была Митава, принадлежало рижской церкви, то магистр, ссылаясь на чрезвычайные, предусмотренные ещё в 1242 г. легатом Вильгельмом, случаи, выхлопотал у папы особое разрешение (в 1266 г.). В то же время он построил новый замок Вейсенштейн в области Иервен. Этой постройкой он нарушил договор в Стенби. Мы не знаем, при каких условиях датский начальник в Ревеле дал своё согласие, но добрые отношения между ним и магистром не изменились. Это свидетельствует о том, что и датчане считали необходимым построить замок в этом месте.

Преемник Конрада, магистр Оттон фон Лютерберг, окончил в августе 1267 г. покорение куров. Договор, заключённый с ними, точно определил их повинности и свидетельствует об умеренности и благоразумии победителя. В следующую зиму Оттон предпринял поход в Литву. В то же время сильное русское войско под начальством князя Ярослава Александровича и литовского князя Довмонта, бежавшего в Псков, вторглось в Эстляндию. Войско дерптского епископа и отряды из соседних орденских Леаль, Феллин, Вейсенштейн выступили против русских и нанесли им тяжёлое поражение при речке Кеггола близ Везенберга-Раковора или Магольма 18 февраля 1268 г. Но и немцы потерпели большой урон, в числе убитых был епископ Александр. Вслед за тем и в том же ещё году магистр Оттон во главе сильного войска сделал поход на Псков и осадил этот город со всех сторон. Когда новгородский князь Юрий явился на помощь, то Оттон не сразился с ним, а заключил с ним договор и затем отступил. Вследствие этих дел русско-немецкая торговля временно совершенно прекращалась. В 1269 г. немецкие купцы заключили новый торговый договор с Новгородом.

В январе 1270 г. литовцы сделали опустошительный набег в больших размерах и проникли по льду даже на остров Эзель. Магистр Оттон призвал к оружию всех способных его носить, и на его зов явились также датчане и епископы Дерптский и Эзельский. На льду близ Карузена немцы встретились с литовцами, шедшими с богатой добычей. Литовцы защищались за своими санями и отбили все нападения немцев; они убивали сперва лошадей и затем рыцарей, не привыкших сражаться пешком. Немцы потерпели поражение и потеряли много убитыми, в том числе магистра Оттона и 52 рыцаря; епископ Эзельский был тяжело ранен. В том же году орден был ещё раз разбит в Литве, причём погиб исполняющий должность магистра Андрей с 20 рыцарями.

Несмотря на эти удары, орден не упал духом. Он вёл все эти тяжёлые войны за последние 10 лет только с помощью местных сил. Если не считать небольшой приток

из года в год уменьшающегося числа пилигримов, то он извне не получал помощи. Прусская ветвь ордена сама нуждалась во всех своих силах, так как после Дурбенской битвы и там вспыхнуло общее восстание. Из числа переселившихся в Ливонию немцев принимать новых членов на место выбывших в бою не позволял обычай, строго соблюдавшийся. Но всё-таки орден не имел недостатка в новых силах, так как из Германии присылались всё новые, воинственно настроенные и преданные церкви члены. Распределение членов между отдельными отраслями ордена зависело от великого магистра, который имел номинальное место жительства в Акконе. Рыцари назначались не только в Пруссию и Ливонию, но и в Палестину. На происхождение рыцарей тогда ещё не обращали внимания, но можно думать, что большинство рыцарей, приезжавших в Ливонию, происходило из средней и нижней Германии.

Магистр Вальтер фон Нордек возобновил борьбу с семгаллами и занял около пасхи 12 апреля 1272 г. Мезотен. Магистр Эрнст распространил власть ордена ещё дальше на восток, вверх по течению Двины, и основал Динабург, вследствие чего загорелась в 1277 г. новая война с литовцами. Князь Тройден осадил Динабург, но не мог его взять. Зато литовцы истребили большое немецкое войско вскоре после того (5 марта 1279 г.) при Ашерадене. Магистр Эрнст, 70 орденских рыцарей, знатный вассал рыцарь Иоанн фон Тизенгаузен, ревельский начальник Эйлард фон Хоберг и множество простых воинов погибло в этой страшной битве. При магистрах Конраде фон Фейхтвангене и Мангольде сделали попытку соединить управление Пруссией и Ливонией в одних руках, но эта попытка была неудачна. Поэтому для Ливонии опять назначен был особый магистр Виллекин фон Эндорп, который занялся покорением семгаллов, оставленных на некоторое время в покое. Немецкие нападения были направлены против семигальских замков Доблен, Терветен, Ракген, Зидобрен, около которых неоднократно происходили горячие стычки. Виллекин построил в январе 1286 г. в

середине неприятельской страны напротив Терветена деревянный замок Гейлигенберг, но пал уже в следующем году 26 марта 1287 г. в битве при Грезене. Его преемники, Куно фон Гаццигенштейн и Гальт, продолжали нападения. Укрепления семгаллов были взяты и разрушены частью ими самими, выселявшимися в большом количестве к соплеменным литовцам и оставлявшими победителю опустошённую страну. В то время ни орден, ни церковь не думали о новом её заселении, Гейлигенберг был снесён. Только много позднее были построены замки и в них учреждены управления — в 1321 г. в Мезотене, в 1335 г. в Доблене, в 1339 г. в Терветене, и таким образом Семигалия действительно была занята. Что было в ней в этот промежуток времени, мы не знаем.

ГЛАВА IX
Междоусобие

Город Рига за это время постепенно развивался, и торговые его обороты принимали всё большие размеры. По морскому пути туда доставлялись преимущественно товары из Западной Европы, которые отправлялись далее на восток или вверх по Двине или по сухому пути. Особенно зимой при санном пути поддерживалось частое сообщение с Новгородом на санях. Также с Литвой старались поддерживать торговые сношения, но они часто прерывались вследствие непрерывных войн. Ещё не существовали правила, ограничивавшие свободу торговли и регулировавшие конкуренцию; возможность получать сырые продукты и продавать изделия была почти беспредельна. Немцы давали и русским и литовским купцам в долг, что свидетельствует о доверии, с которым купцы относились друг к другу. Из долговой книги г. Риги, которая, начиная с 1282 г., сохранилась и представляет собой ценный источник, мы черпаем сведения об этих делах, позволяющие делать заключения и о более древнем времени. Торговля Ревеля и Дерпта пользовалась другими путями, имела дело с другими покупателями (Дерпт торговал преимущественно с Псковом) и не мешала торговле г. Риги.

О развитии городского права и управления мы ниже сделаем некоторые указания. Положение фогта, первоначально назначавшегося епископом, несколько раз менялось; архиепископы сохранили лишь право утверждать фогта, предложенного городом, но скоро они потеряли и это право. Мало внимания обращали долго на грамоту,

которую король Рудольф Габсбургский дал в 1274 г. ордену и в силу которой был передан ордену светский суд в Риге. Этот успех вполне соответствовал общему стремлению ордена к подчинению своей власти первого торгового города всего края.

Политические представления того времени были ещё мало развиты и не препятствовали присоединению города Риги к союзу северогерманских городов (около 1282 г.). Немного позднее вступили в союз и Дерпт и Ревель (этот союз стал называться ганзейским лишь во второй половине XIV столетия). До XVI столетия называли эти города в таком порядке: Рига, Дерпт и Ревель, и обозначали таким способом как порядок, в котором они возникли, так и порядок, в котором они приступили к ганзейскому союзу. И другие лифляндские города, как, например, Кокенгузен, Рооп, Вольмар (но не Нарва), были членами ганзейского союза.

Доходы ордена составлялись преимущественно из сельскохозяйственных продуктов. Для того чтобы получить наличные деньги, он должен был продавать эти продукты, и ещё Вильгельм Моденский нарочно признал право ордена на ведение торговли. Но вследствие этого он был соперником городов. А это соперничество усиливало вражду, существовавшую и от других причин и обнаружившуюся сперва в мелких столкновениях, а затем в страшной междоусобной войне. В 1296 г. архиепископ Иоанн III поехал во Фландрию, чтобы там вылечить перелом ноги. Управление архиепископством он поручил орденскому вице-магистру Брунону, а управление городом, по обычаю, фогту и совету. Город хотел построить дамбу для защиты от ледохода и для этой цели соорудил мост через Ригебах вблизи от орденского замка, чтобы доставлять к месту постройки строительный материал. Орденский командор счёл мост опасным для замка и велел разрушить часть его. Когда город потребовал возмещения убытков, он ответил угрозами. Настроение было с обеих сторон воинственное. В это время, 20-го июля 1296 г., произошёл большой пожар, от которого в одну ночь погибла большая часть Риги.

Когда архиепископ возвратился, ему удалось, путём долгих переговоров, примирить город и орден, причём последний признал право города на постройку моста через Ригебах. Но вследствие продолжавшихся попыток ордена расширить свою власть и свои права гнев жителей Риги снова закипел и вызвал ещё осенью того же года новые насилия. Граждане сожгли конюшни ордена, разорили имения его в окрестностях города, а 30 сентября напали на замок и, взяв его, предали командора и несколько рыцарей позорной смерти от руки палача. Ненавистный замок вместе с церковью был разрушен до основания.

Этот успех побудил всех противников ордена соединиться, и архиепископ, считавший себя теперь настоящим хозяином положения, сумел составить большую коалицию из всех епископов (кроме курляндского) с городом Ригой. Он обратился и к датскому королю, предлагая ему за помощь Семигалию, Герцике, Нальзен (область близ Вилькомира), и король обещал выслать войско против ордена. Несмотря на большую опасность, ордену удалось справиться с каждым из своих врагов отдельно и расстроить союз. Сначала он победил архиепископа, заняв его главные замки (Трейден, Кокенгузен), взял его самого в плен и заключил его в Феллине. Затем он напал на эзельского епископа, взял его замки и, искусно пользуясь раздорами в капитуле, назначил в Гапсале своего командора и конвент. Епископ Дерптский вышел из союза; помощь, обещанная датчанами, не явилась. Рига была отрезана от моря и должна была предвидеть печальный конец. В этой опасности Рига заключила союз с литовцами, самым страшным врагом и немцев, и христиан. Около Тройцы, 25 мая 1298 г., многочисленные отряды подошли, совершенно разбили при Нейермюлене рыцарей, а затем рассеялись по всей стране до Каркуса, убивая и похищая людей, разоряя и позоря церкви, сжигая и опустошая поля и селения. Иначе литовцы не умели вести войны. Когда литовцы возвращались, орденский магистр Брунон выступил ещё раз против них и рижского ополчения при реке Трейденской (Лифляндской) Аа

(1 июня), но был опять совершенно разбит и сам погиб. Но между тем подоспела сильная помощь из Пруссии, которая нанесла 4 недели спустя (29 июня) при Нейермюлене рижанам и их неестественным союзникам полное поражение. Множество рижских граждан погибло, литовцы бежали.

На съезде представителей городов в Любеке, где были также представители ордена, заключили перемирие до 6 декабря 1299 г. В этом нельзя не видеть крупного успеха лишь недавно возникшего городского союза, если принять во внимание, до какой степени разгорелись страсти с обеих сторон. Таким образом орден был до известной степени обеспечен, когда магистр Готфрид зимой с 1298 г. на 1299 г. предпринял поход на Псков. За это нападение отомстил князь Довмонт. В феврале 1299 г. Готфрид повторил нападение и сжёг предместья Пскова. Но 5 марта Довмонт нанёс чувствительное поражение ордену на реке Великой.

Курия также заинтересовалась лифляндским междоусобием. Папа Бонифаций VIII приказал ордену освободить архиепископа Иоанна, который затем уехал в Италию и там скоро (1300 г.) умер. Преемник его Изарнус родом из южной Франции соблюдал перемирие, но уже в 1302 г. был сделан архиепископом Лундским. После него хотели пригласить на рижскую кафедру скандинава Иоанна Гранта, но так как он не принял приглашения, то кафедра некоторое время оставалась незанятой. Перемирие было продлено; орден пока избегал новой войны, но Рига не отказывалась от союза с литовцами, и орден, считая возобновление междоусобия неизбежным, готовился к новой борьбе, заключив тесный оборонительный и наступательный союз с дерптским и эзельским епископами и с эстляндскими вассалами (почти исключительно немцами).

В 1263 г. аббат и конвент монастыря Дюнамюнде обязались, без ведома города Риги, не продавать никакой части своей территории; тем не менее, аббат Либерт решился продать монастырь. Город Рига, надеясь получить монастырь по более дешёвой цене, пока медлил; этим вос-

пользовался орденский магистр Готфрид и купил в мае 1305 г. монастырь с принадлежавшей ему землёй за 4000 марок серебра по «кёльнскому» весу. В июле 1305 г. орден занял Дюнамюнде и учредил там командорство. После этого он был в состоянии во всякое время закрыть вход в Двину и отрезал Ригу от моря. Монахи же переселились в Падис в Гаррии (упоминается уже в 1250 г. как имение Дюнамюндского монастыря), следуя установившемуся обычаю цистерцианцев, которые уходили из мест, не отвечавших их потребностям. Из песчаной бедной местности они и в данном случае перешли в живописную, окружённую плодородной почвой лесистую долину.

Новый архиепископ Фридрих (родом из Моравии, называется обыкновенным чехом) достиг того, что орден и город заключили договор. Но этот договор был непрочен. Когда начались столкновения, орден опять должен был покинуть город, и литовцы опять были призваны на помощь. 2 июля 1307 г. произошла битва под самой Ригой, за ней следовали другие битвы, и литовцы заняли близ Риги целое укрепление. Всё это случилось вследствие того, что орден завладел Дюнамюнде. В это время архиепископ переселился в Авиньон, где папы жили с 1309 г. Он управлял оттуда своим архиепископством, приехал в Лифляндию только ещё один раз в 1325 г. и умер там в 1341 г. Его преемники жили тоже в Авиньоне; таким образом, непосредственное управление рижским архиепископством находилось в течение нескольких десятилетий в руках соборного капитула, получавшего лишь общие указания от архиепископов, живших в Авиньоне.

Победу одержала не церковь. Если бы она победила, то колония едва ли удержала бы свою независимость. Ни один епископ, ни все епископы вместе не имели довольно силы, чтобы отразить угрожавшие со всех сторон опасности. Учреждая орден и в его лице постоянное войско, епископ Альберт давал себе точный отчёт и хорошо представлял те условия, среди которых ему и его преемникам приходилось действовать.

По поводу приобретения Дюнамюнде возникли при курии бесконечные процессы. Папский суд то отлучал

орден от церкви, признавая приобретение Дюнамюнде незаконным, хотя орден получил согласие от генерального капитула в Сито, то учреждал его права на Дюнамюнде. От этих колебаний ордену угрожали серьёзные опасности, делавшие иногда даже его дальнейшее существование сомнительным. При виде этого зрелища невольно напрашивается сравнение с делом разбогатевшего и получившего громадное влияние ордена тамплиеров, происходившим почти в то же время, с обвинениями против него с его осуждением и уничтожением. Противники Тевтонского ордена в Лифляндии возводили и на него те же преувеличенные и искажённые обвинения. Старались уличить и его в ереси или богохульстве. Назначенные папой судьи приезжали в Ригу и производили здесь допросы свидетелей, для того чтобы составить суждение о возникновении и ходе спора. Обвиняемого не допрашивали; вину его считали доказанной. В 1312 г. последовал папский приговор, осудивший орден. Но орден не подчинился приговору и не выдал Дюнамюнде; да и кому же он должен был его выдать? Права архиепископа, требовавшего его для себя, были сомнительны. Тем не менее, папа Климент V отлучил орден от церкви.

Между тем, искусные прокураторы при курии старались смягчить последствия приговора и в самой Лифляндии старались примирить враждовавших, ибо все страдали от этого спора.

Избранного в 1313 г. магистра Гергарда фон Иорка встретили с доверием. Съезд разных правителей (в их числе был также Ревельский епископ), датских вассалов из Эстляндии, эзельского епископа и его вассалов, происходивший в Возеле, обратился 5 мая 1313 г. с увещаниями к ордену и к городу Риге. Орден был готов к уступкам; но на всякий случай обеспечил себя, заключив 23 апреля 1316 г. в Зегевольде союз с рижским капитулом и архиепископскими вассалами, направленный, правда, прямо против архиепископа Фридриха. Дело примирения делало успехи; город уже изъявил согласие при известных условиях отказаться от союза с литовцами. В это время был получен приказ от папы, испортивший всё

дело. В этом приказе папа Иоанн XXII предписывал ордену отказаться от всех союзов (также от важного союза 1304 г.) с епископами и вассалами и беспрекословно выдать Дюнамюнде. Из этих предписаний одни имели основание (особенно относившееся к последнему союзу 1316 г.), другие были для ордена совершенно неприемлемыми и могут быть объяснены только неудовлетворительной осведомлённостью курии.

Борьба вновь загорелась и вновь при участии литовцев. Представители ордена были вызваны к курии, и магистр и начальники отделов поехали туда. Великий магистр Карл Триерский сумел переубедить папу, так что тот окончательно признал Дюнамюнде владением ордена (1319 г.), но архиепископ и город не пропускали случая, чтобы делать ордену затруднения, а Рига оставалась в союзе с великим князем литовским Гедимином.

В то же время ордену и во внутренней жизни пришлось пережить разные кризисы. Великий магистр Карл в 1317 г. отрёкся от своей должности, затем опять вступил в неё, но остался в Лотарингии до своей смерти в 1324 г. Управление находилось в руках наместника. Лифляндский магистр Гергард вследствие разногласий на съезде, происходившем в июле 1322 г. в Дюнамюнде, тоже отрёкся. Великий магистр предложил в его преемники Иоанна фон Генгорста, но лифляндцы его не хотели, уличив его в незаконном присвоении орденского имущества. Они, со своей стороны, выставили кандидатом ландмаршала Иоанна Унгнаде, но великий магистр не утвердил его, а назначил одного из прусских начальников Конрада Кетельгута вице-магистром (оставался до 1324 г.). Его преемник Реймар Гане в 1328 г. тоже сложил с себя полномочия. В более равномерное и вместе с тем успешное развитие орден вступил опять со времени магистра Эбергарда фон Монгейма.

Летом 1323 года распространился слух, что великий князь литовский Гедимин намерен принять христианство. Он послал письмо папе, в котором объявил, что воюет не против христиан, а против их притеснителей, тевтонских рыцарей, что Миндовг остался бы

верен христианству, если бы оскорбления и изменнические поступки рыцарей не сделали ему христианство ненавистным. В других посланиях, адресованных в Любек и другие города, к купцам и ремесленникам на остров Готланд, Гедимин приглашал переселенцев в Литву; к орденам Доминиканскому и францисканскому он обратился с просьбой прислать проповедников. Под впечатлением этих известий был заключён мир в октябре 1323 г. между орденом и Литвой. Обрадованный папа Иоанн XXII снарядил посольство к Гедимину. Велико было всеобщее удивление и разочарование, когда Гедимин объявил, что он не думает о принятии христианства. Вероятно, кто-то — во всяком случае, не сторонник ордена — совершил грандиозный подлог; менее вероятно, что Гедимин так быстро переменил свои намерения.

Когда узнали, что Гедимин остаётся язычником, орден отказался от заключённого договора и возобновил борьбу с Литвой, несмотря на то, что всё ещё над ним тяготели и отлучение, и интердикт. Уже в конце 1324 г. литовцы сделали первый набег на Лифляндию. Летом 1328 г. рижане совершили ночное нападение на Дюнамюнде и сожгли образовавшееся под стенами замка селение. Борьба велась с переменным успехом. Прусская отрасль ордена не могла прислать существенную помощь, потому что сама вела тяжёлая борьбу с Польшей и Венгрией. В эту борьбу была замешана, однако, и Литва, что заставляло её направлять свои боевые силы в ту сторону; это было, конечно, выгодно для лифляндских рыцарей.

В сентябре 1329 г. литовцы с большими силами опять вторглись в Лифляндию. Хотя орден приготовился к борьбе, снабдил замки всем нужным, собрал все свои силы, но он не мог помешать Гедимину обойти орденские укрепления и проникнуть далеко на север, опустошить и разграбить церковные округи: Каркус, Гельмет, Пайстель, Тарваст — и находившиеся в них церкви. Магистр также не мог задержать возвращавшихся литовцев и отнять у них добычу. Зато он подступил к Риге и осаждал её в течение шести месяцев, пока холод не заставил рижан сдаться.

18 марта 1330 г. совет решил, что далее он не может сопротивляться, и 20 марта Рига сдалась. На Мюльграбене (мельничный ров) совет и многие граждане Риги встретили магистра с его свитой. 23 марта Рига представила грамоту о своём подчинении власти ордена (так наз. nackender Brief), и 30 марта магистр «под городом Ригой» подписал грамоту о принятии власти. Город обязался присягать на верность магистру, уступить ордену место для постройки нового замка, отказаться от союза с Литвой и от половины судебных пошлин в пользу ордена, принять одного рыцаря (домашнего командора) в совет как полноправного члена и помогать ордену на войне (за исключением войны с архиепископом). Затем магистр торжественно вступил в город через большое выломанное отверстие в городской стене. Уже 13 июня того же года он начал строить новый замок в том месте на Двине, где он стоит поныне и где он господствовал над городом. До тех пор там находилась печь для пережигания извести и благотворительное заведение, госпиталь Святого Духа. Этот госпиталь был перенесён на место прежнего орденского замка. 16 августа магистр дал городу ещё одну грамоту, в которой он перечислял взаимные обязанности и права.

Таким образом, орден достиг своей цели и подчинил себе Ригу. В 1332 г. император Людовик Баварский утвердил эти права ордена. Казалось, что права архиепископа на Ригу, доставшуюся ему как бы в наследство от её основателя, епископа Альберта, совершенно были забыты. Война с литовцами продолжалась ещё до 1338 г. Орден предпринял ещё целый ряд мелких внезапно производившихся нападений то здесь, то там, преимущественно в зимнее время, когда все воды были покрыты льдом. Но до крупного предприятия дело не дошло. В то же время Эбергард фон Монгейм воевал с Псковом. Он же, если и не завоевал вновь Семигалию, то, во всяком случае, начал заселять и обрабатывать её. Замки, в это время здесь построенные, защищали немцев и от литовцев. В 1335 г. построен крепкий замок Доблен (ныне сущест-

вующие живописные развалины суть, за исключением наружных стен, остатки построек из эпохи герцогов), увеличен замок Митава, в 1339 г. возобновлён замок Терветен. В 1340 г. на съезде (капитул ордена) в Мариенбурге магистр Эбергард отрёкся от своей должности, и его преемником был назначен Бурхард фон Дрейлебен, прежний митавский командор (24 июня 1340 г.).

ГЛАВА X
Восстание эстов в 1343 г.
Переход Эстляндии к ордену

Бурхард фон Дрейлебен приехал в Лифляндию ещё мальчиком; вступив в орден, он быстро достиг высших должностей. Шесть лет его управления составляют одну из важнейших эпох древней лифляндской истории. Для выяснения её значения нужно бросить взгляд на события, происходившие в Дании.

Здесь после смерти короля Эриха Менведа (1319 г.) северогерманское дворянство с графом Голштинским Гергардом во главе овладело действительной властью, оставив королю Христофору II лишь титул. Когда Христофор II умер в 1332 г., произошла полная анархия. Шведский король Магнус воспользовался ею и отнял у Дании некоторые ей принадлежавшие, расположенные на скандинавском полуострове области, хотел было отнять и далёкую Эстляндию. Ливонский орден, однако, его опередил. Он заключил договор с датским начальником в Ревеле Марквардом Брейде, и иервенский фогт занял несколько замков в Эстляндии. Но так как датские вассалы в Гаррии и Вирляндии, почти все немецкой национальности, а также епископ Ревельский (датчанин) не хотели выйти из-под датской верховной власти, то орден пока не настаивал на точном выполнении договора.

Ещё до прибытия магистра Бурхарда в Лифляндию в 1340 г. псковичи напали на землю рижского архиепископа. Архиепископ сам находился в Авиньоне, и его капитул просил нового магистра явиться на помощь

против русских. Магистр пытался уладить спор о границе, вследствие которого псковичи сделали своё нападение, путём соглашения; но, хотя Новгород, всегда находившийся в оппозиции к Пскову, помогал ему, дело не удалось, и осенью 1341 г. русские предприняли второй поход, причём военные столкновения имели место отчасти на лифляндской почве. Чтобы удержать пограничный округ, который псковичи требовали для себя, орден построил новый замок Мариенбург, а дерптский архиепископ — Нейгаузен (Фрауенбург), и благодаря тому округ остался за немцами, несмотря на усердные старания русских. Вместе с тем Мариенбург защищал восточную часть владений архиепископа.

В это время неожиданное событие произвело большой переворот в Эстляндии. В ночь перед днём св. Георгия (23 апреля 1343 г.) эсты в Гаррии, считавшиеся уже более ста лет окончательно покорёнными, подняли хорошо подготовленное восстание, получив обещание помощи как от шведских фогтов в Финляндии (в Або и Выборге), так и от восточных соседей. Причиной восстания были притеснения немецких владетелей и злонамеренные внушения. Во всей области все немцы были перебиты, помещичьи усадьбы, а также монастырь Падис были сожжены. Движёние перекинулось в Вирляндию и область Вик. Большое войско повстанцев под предводительством четырёх королей явилось под Ревелем, другое — под Гапсалем. В этой общей смуте замок Вейсенштейн оказался крепким устоем, выдержавшим все нападения неприятеля, и орден, представлявший единственную действительную силу в крае, сделался его спасителем. Быстро решившись, магистр явился под Ревелем и 14 мая нанёс эстам тяжёлое поражение при верхнем озере. Между тем, абоский фогт на своих кораблях появился на ревельском рейде и хотел сыграть роль посредника. Датский начальник не принял его предложения, а отправился к магистру, победившему эстов, и заключил с ним договор: признавая, что его силы неудовлетворительны для защиты замков, начальник уступил ордену замки Ревель и Везенберг, немного спустя и Нар-

ву, с тем, чтобы орден сохранил их для датской короны. Феллинский командор Госвин фон Герике был назначен ревельским начальником. Со шведским фогтом было заключено соглашение, он должен был предоставить эстов самим себе; нападение русских было отражено. Магистр также освободил Гапсаль, осаждённый эстами. Вспыхнувшее одновременно восстание на Эзеле, где был взят орденский замок Пейде, было скоро подавлено с помощью прибывших из Пруссии рыцарей.

Окончательно движение было подавлено лишь в 1345 г., но и после того орден не нашёл покоя. Великий князь литовский Ольгерд вторгся с большим войском в Семигалию, взял Терветен, сжёг предместья Митавы; митавский замок сначала мужественно оборонялся, однако литовцы страшным дымом заставили гарнизон покинуть его. Литовцы прошли мимо Риги до Валка, всё сжигая и опустошая и уводя в неволю много тысяч людей. Венденский фогт, желавший с ними сразиться, был заманен в засаду и погиб со всем отрядом. В 1346 г. литов цы явились опять, но прошли не так далеко. Около Пасхи (16 апреля) они взяли Мезотен; командор пал в бою.

Ещё до 1343 года всплыл снова вопрос, не следует ли уступить Гаррию и Вирляндию ордену. В 1340 г. Гергард, граф Голштинский, пал от руки убийцы. Младший сын короля Христофора II Вальдемар IV Аттердаг восстановил упавшее было значение королевской власти в Дании. Своего старшего брата Оттона, не способного к правлению, он убедил отказаться от своих прав. Оттон уехал в Ригу, вступил там в Тевтонский орден и умер в должности фогта в Каркусе. Для датского правительства далёкое эстляндское герцогство служило лишь источником забот и затруднений. Вальдемар назначил его в приданое свое сестры Маргариты, вышедшей за Людвига, маркграфа Бранденбургского, сына императора Людвига Баварского, но Людвиг Бранденбургский не имел средств сделаться действительно владетелем Эстляндии. Таким образом, Эстляндия постепенно переходила во владение ордена, уже взявшего на себя её защиту, хотя вассалы и города не сочувствовали этому переходу. Датское прави-

тельство утвердило ещё раз все их права и привилегии. Последний датский начальник в Ревеле Стигот Андерсон, по поручению и с нарочного разрешения короля, приложил ещё раз королевскую печать к грамотам, сюда относившимся.

Во время путешествия в святую землю король Вальдемар IV подписал 29 августа 1346 г. в Мариенбурге, где жил великий магистр, грамоту, в силу которой он продал области Гаррию и Вирляндию ордену за 19000 марок чистого серебра по «кёльнскому» весу (в сумму эту входило и приданое его сестры). Папа и император подтвердили эту сделку. Трейден, называвшийся сначала Фределанд, был первым замком, построенным в завоёванной земле. Кроме замков Икскюль, Дален, Кокенгузен, Ленневарден, сперва взятых обратно, были построены с течением времени Кремон, Лемзаль, Роннебург, Смильтен, Бальтов на реке Огер, Зербен, Тирзен, Залис, Зунцель, Лубан, Крейцбург, Зессвеген, Шванебург, Пебалг, Лаудон. Мы не знаем, в каком порядке они строились; позднее всех, именно в 1515 г., был сооружен каменный замок Мариенгаузен (сперва Филлак). Кремон и Дален были предоставлены капитулу. До XV столетия рижское епископство разделялось на четыре административных округа (Трейден, Кокенгузен, Роннебург, Ленневарден), из коих Трейден и Кокенгузен существовали ещё в 1560 г. Кроме того, епископство делилось на ливонскую и латышскую «стороны». В указанных округах управляли фогты, назначавшиеся из числа вассалов. В Роннебурге с 1420 г. жил сам архиепископ.

Курляндскому епископу принадлежали до 1392 г. часть замка Мемельбург, расположенного на земле, входившей в состав епископства, и также части замков Амботен, Нейгаузен, Газенпот, построенных совместно епископом и Тевтонским орденом. Пильтен, где жил епископ с XIV столетия, был построен около 1300 г. За ним замки Эдвален, Эрвален, Цирау, Закен, Дзинтер, Ангермюнде. Донданген и Тергельн долго были в руках рижского капитула; дело о них было решено только в 1435 г.

Леаль, называвшийся сперва Стенберг и принадлежавший одновременно и ордену, Гапсаль, Лоде, Аренс-

бург — были замки эзельского епископа. Кафедральный собор находился сперва в Старом Пернове, хотя мы ничего не знаем об укреплении этого города, но ещё в XIII столетии собор был переведён в Гапсаль. Город Старый Пернов всегда находился в худших условиях, чем город Новый Пернов, возникший при орденском замке Пернов, и никогда не достиг процветания. Оба фогта эзельского епископа проживали в Лоде и Аренсбурге (=Arnesberg = Adlerburg).

Главный замок дерптского епископа лежал на домской горе близ Дерпта на месте нынешней астрономической обсерватории; ниже по Эмбаху лежали Ольденторн и Варбек. Рано возникли также Оденпэ и Газельдорп (=Газеляу?). На юге на реки Во лежали Киррумпэ (ныне начали убирать развалины его), Шенангерн. В 1342 г. был построен Нейгаузен (замок Пресвятой Девы). Загниц был двором епископа, Луния и Ильмацаль — дворы, находившиеся в распоряжении пропстов. В дерптском епископстве был только один фогт, но зато два гакенрихтера.

Ревельский епископ имел замок в Ревеле около кафедрального собора; владения его были с датского времени невелики. Ему принадлежало несколько имений в Гаррии, Вирляндии, Иервене; замки были построены лишь во второй половине XV столетия в двух имениях — Фегефейер и Борхгольм.

Зельбург и Мезотен, встречающиеся уже до 1233 года, были основаны епископом Зелонским или Семигальским; первый из них рано перешёл во владение рижского епископа, и оба существовали недолго. Область, в которой они находились, впоследствии принадлежала ордену. Упоминается ещё urbs episcope Bernardi, т.е. на языке того времени — замок зелонского епископа; полагают, что он стоял на реке Бабит.

Орден возник в Риге. Здесь ещё «меченосцы» имели замок Юргенсгоф, называвшийся также Виттенстен (ныне на этом месте стоит госпиталь св. Духа) и перешедший в 1237 г. к Тевтонскому ордену. «Мельница брата Бертольда», укрепление на правом берегу Двины выше Риги, устроенное приблизительно в 1207 г., также двор, в котором

находилась большая конюшня и другие строения, принадлежавшие ордену, стояли на городской территории. Во времена меченосцев были ещё построены Зегевольд (тут с 1405 г., но не беспрерывно, жили ландмаршалы), Венден, Ашераден, Феллин (1215, 1224) два замка в Иервене и на Эзеле, названия которых неизвестны, и замок в Ревеле. Орденские магистры, за исключением времени от 1297-1330 г. и от 1429-1434 г., жили до 1480 г. в Риге В 1330 г. был для них построен новый замок, и когда он пришёл в ветхость, то в 1491 г. на том же месте начали строить новое здание, оконченное только в 1515 г. Венден, как центр самостоятельной области, рано занял особенное положение; с начала XIV столетия капитулы ордена большею частью происходили здесь (два раза в год — весною и осенью). В 1480 г. орденский магистр переехал сюда; осенью 1560 г. замок был занят польским гарнизоном. В Ревеле вся т.н. домская гора (ныне Вышгород) была укреплена, и меченосцы построили здесь для себя т.н. меньший замок (castrum minus). Тевтонский орден должен был в 1238 г. его очистить и мог его вновь занять только по истечении целого столетия.

Также уже в XIII столетии были построены Гольдинген (в 1242 г.), Оберпален и Ланс, должно быть, Гельмет и Тарваст (в области Саккала), Каркус, Вартах, Мемельбург (в 1252 г.; в 1328 г. уступлен прусской ветви ордена), Волькенбург (на озере Рушон в нынешней Витебской губернии), Гробин, Пернов, Митава (в 1265 г., приблизительно в двух милях выше нынешнего Двинска; этот последний основан поляками и упоминается под именем Dimbork впервые в 1563 году), Виндава (до 1290 г.), Кандау. Время постройки замков Вольмар, Адзель, Розиттен, Лудзен, Дурбен, Нейенбург и др. неизвестно. Газенпот и Леаль принадлежали одновременно ордену и епископу. В 1305 г. орден приобрёл Дюнамюнде. О постройке Мезотена, Доблена, Терветена мы говорили выше. В 1342 г. был построен Мариенбург, и в то же время в дерптском епископстве — Нейгаузен.

Ревельский замок орден вновь занял ещё раньше, чем приобрёл Эстляндию; скоро после того он утвердился в Везенберге и Нарве. На Эзеле он построил на

месте разрушенного Пейде Зонебург (=Suhneburg, замок искупления). Замок Шруден построен в 1368 г., а Зельбург — в 1373 г. В XIV же столетии построен Альтена («Haltenois») напротив Кокенгузена. Уже в 1349 г. орден для защиты восточной границы и на помощь Нарве построил укрепление, которое псковичи разрушили в том же году. Но в 1247 г. на том же месте при выходе р. Нарвы из Чудского озера возникло новое укрепление, существовавшее дольше и получившее название «Нейшлосс» («Новый замок» или «Новая Нарва»). Нынешнее название этого места — «Сыренец» встречается уже до основания замка. Только два замка построены ещё позднее: Бауссенбург (позднее Бауск) в 1443 г. и Тольсбург (название есть сокращенное «tor Olavsburg», прежде Фредеборг) в 1471 г. Первый был построен для защиты от литовцев, второй — для защиты от морских разбойников.

Орденские замки служили центрами военных операций, судопроизводства и администрации. Духовный надзор за рыцарями и их слугами был возложен на орденских священников, ведение хозяйства на младших рыцарей, готовившихся в этих должностях к позднейшей деятельности. Хотя прусская и ливонская ветви Тевтонского ордена выросли из одного корня и некоторое время часто обменивались членами, должностная иерархия в Лифляндии сложилась самостоятельно. Так в Лифляндии вовсе не встречаются великие начальники (Grossgebietiger: великий командор, главный маршал, главный треслер, главный шпитлер, трапир) и названия некоторых нижних должностей (Karwansherr, Pleger, Waldmeister). Первый советник лифляндского магистра был ландмаршал, т.е. полководец, и позднее, скорее, военный министр ордена. Внутренний совет состоял из некоторых командоров (командор от commendator) и фогтов (фогт от advocatus). Командоры, фогты и ландмаршал назывались начальниками (Gebietiger). Сперва командоры, носившие название от замков, пользовались, по-видимому, большим почётом, чем фогты, носившие название от областей, которыми управляли, например, Саккала, Эзель. Впоследствии положение их изменилось, и, например, фогт Иервенский считался около 1560 г. бо-

лее знатным, чем разные командоры. Заместители начальников назывались домашними командорами или в некоторых местах кумпанами (Hauskomture, Kumpane). Управлявший денежными средствами ордена и находившийся при магистре носил титул шаффер (Плетенберг и Кетлер были шафферами). Все рыцари одного замка составляли конвенты; конвент первоначально состоял из 12 рыцарей, впоследствии в больших замках из числа кратного от 12 и ещё позднее из произвольного числа. Некоторые члены конвента занимали приготовительные должности. Таковыми во многих конвентах считались старогерманские домашние должности: кравчего, стольника и маршала. Кроме того, встречаются заведующие рыбной ловлей, мельницами, кузницами, кухнями (на все эти должности назначались младшие рыцари). В Ашерадене встречается руненмаршал, что указывает на коневодство (ибо Rune= Stute=кобыла). Почтовые маршалы, в каковые назначались преимущественно пожилые рыцари, которые не могли занимать другую должность, заведовали почтой. Почту перевозили от одного замка к другому конные слуги; в некоторых местах эта повинность лежала на свободных крестьянах, причем лошади на всех станциях должны были быть всегда готовы. В особенно важных случаях посланные из Вендена в Мариенбург в Пруссии находились в пути не более шести дней. Заведующий госпиталем упоминается только в Феллине, но при рижском замке в XIV столетии, как можно предположить, тоже находился госпиталь. Кузнецы, пекари, сапожники были не членами, а слугами ордена. Они по одежде своей назывались «серыми плащами» (Graumantler), а иногда полубратьями (Semifratres). Лица, имевшие особые заслуги перед орденом (в числе их были короли польский и датский, графы и другие государи и вассалы), избирались членами ордена и получали серебряный значок (называвшийся «Gesellschaft»), а иногда и костюм рыцарей ордена. Действительность добрых дел (молитв, постов и т.д.) ордена распространялась на них, и после их смерти орден служил по ним панихиды, как по другим своим усопшим членам.

ГЛАВА XVII
Ливонский орден под влиянием Пруссии. Преобладание выходцев из Рейна. Столкновение с Польшей

Прусская ветвь Тевтонского ордена достигла наибольшего процветания во время выдающегося великого магистра Винриха фон Книпроде (1361–1382 гг.). Ещё при ближайших преемниках его орден пользовался славой первой военной державы Европы. Финансовое управление было тоже хорошее, и доходы ордена были значительны. Но лучшие силы тратились бесполезно на литовские походы, всё более превращавшиеся в предприятия без серьёзного значения. А цветущая торговля ордена и соперничество с Ганзою побуждали эту последнюю применять против ордена все возможные меры.

В Литве братья Ольгерд и Кейстут в течение нескольких десятилетий вели борьбу с орденом и с Россией. В 1377 г. Ольгерд умер, назначив своего старшего сына Ягелло великим князем Литовским. Ягелло раньше всего (1382 г.) устранил престарелого дядю Кейстута. Сыну Кейстута Витовту (Витаутас, Витольд, при крещении Александр) удалось спастись от козней двоюродного брата и вступить в переговоры с великим магистром. Он был, однако, опасным и ненадежным союзником; орден, в конце концов, не имел от него никакой пользы, а Витовт вдобавок помирился с Ягелло. Ягелло же принял христианство (и при крещении имя Владислав) и сделался польским королем, вступив в 1386 г. в брак с Ядвигой, дочерью и наследницей короля Людовика Великого, умершего в 1382 г.

Так состоялось фактическое соединение Польши и Литвы, которое формально подтверждено было не ранее 1401 года. Вследствие того, что государь принял христианство, назывались и его подданные христианами, а с христианами орден по своему уставу должен был избегать войны. Между тем как Ягелло, так и Витовт, постоянно относились к ордену враждебно, а потому сохранить мир оказалось невозможным.

Благодаря усилению влияния Пруссии лифляндская ветвь ордена была втянута в эти отношения. До тех пор прусское влияние состояло в том, что великий магистр утверждал в должности лифляндского магистра. Других начальников (командоров и фогтов) избирали лифляндские рыцари независимо от прусских.

Большинство лифляндских рыцарей вышло из Вестфалии и нижней Саксонии, большинство же прусских рыцарей вышло из прирейнских, средне- и верхнегерманских областей (Гессен, Тюрингия, Франкония, Мейссен). В конце XIV столетия великим магистрам удалось несколько «рейнландцев» (партийная кличка) провести на важные должности в Лифляндии и таким путём подчинить её своему действительному влиянию.

В сношениях с Польшей и Литвой орден был пока ещё счастлив. Ещё раньше он много раз, как из Пруссии, так и из Лифляндии, предпринимал походы в Самайтен или Самогитию, т.е. западную часть Литвы, отделявшую друг от друга прусские и лифляндские владения ордена. Теперь орден поставил себе целью настоящее завоевание этой области, и целый ряд договоров, по-видимому, сулил ему полный успех. И всё-таки цель не была достигнута, ибо лишь путём систематической колонизации, которой на деле не было, орден мог бы прочно утвердиться здесь.

В то время морские разбойники, так наз. «Vitalienbruder», утвердились на острове Готланд. Правительство соединённых скандинавских государств не предпринимало ничего решительного против них. Поэтому орден в 1398 г. изгнал разбойников и занял Готланд. Но уже через десять лет (1408 г.) он уступил остров датскому королю, не

только не потребовав от него никакого вознаграждения, но и даже отказавшись из неуместного великодушия от уплаты Данией военных расходов. Точно также роковой ошибкой была покупка «новой марки» (северо-восточной части Бранденбурга). Эта покупка, с одной стороны, истощила орденскую казну, а с другой — должна была испортить отношения к Польше, отрезанной вследствие этого от моря. Вдобавок орден никогда не пользовался симпатиями среди населения новой марки.

Всё это произошло во время управления великого магистра Конрада фон Юнгингена (1393-1407 гг.). Он был слишком осторожен. Ещё на смертном одре он убедительно просил других начальников избегать войны с Польшей и Литвой. И, тем не менее, он же создал опасное положение. Хотя он перед смертью советовал не избирать ему в преемники воинственно настроенного брата его Ульриха, как раз его избрали начальники великим магистром в июне 1407 г.

Во главе лифляндской ветви ордена в то время стоял тоже воинственный человек Конрад фон Фитингтоф. Он искусно воспользовался враждой, существовавшей между Новгородом и Псковом, и сумел поставить Псков в чрезвычайно неблагоприятные условия. С 1407 г. и до 1409 г. он вёл в общем успешно войну с псковичами, и нанес им 21 августа 1407 г. тяжелое поражение под самым Псковом. В 1408 г. он в этой борьбе получил помощь даже из Пруссии, но в 1409 г. согласился на мир в виду опасности, грозившей Пруссии. Ибо польские и литовские отряды тогда уже стояли на прусской границе.

Прусский орден тоже готовился к войне, пригласил рыцарей из других стран и набрал, следуя обычаю времени, наёмников. Но союз, заключённый с венгерским королем, не принес практической пользы, и лифляндский орден был связан договором, заключённым с Витовтом до августа 1410 г., и должен был держаться в стороне. После долгих переговоров, по истечении перемирия, 8-го июля 1410 г. польско-литовское войско под личным предводительством короля Владислава и великого князя Витовта вторглось в Пруссию. Решительное сражение

случилось 15-го июля 1410 г. при Танненберге (на юге от Кенигсберга), в котором орден, считавшийся до тех пор непобедимым, был разбит. Пехоте вообще не удалось сыграть какую-либо роль; тяжёлые орудия настолько пострадали от ливня, что вовсе не действовали. Конница и количественный перевес поляков и литовцев доставили им победу (у них было 17000, у ордена — 11000 войска). Сам Ульрих фон Юнгинген пал и вместе с ним более 200 знатных рыцарей и начальников. Общее число убитых было значительно. Рыцарь фон Ренис, член союза ящериц, существовавшего с 1397 г. и состоявшего из рыцарей, недовольных своим начальством, во время битвы перешёл к полякам. Впоследствии он был казнён. В плен был взят только один начальник, зато один из самых мужественных, Марквард фон Зульцбах, который был Владиславом выдан Витовту, его заклятому врагу, и им же казнён ещё вечером дня сражения. Орденскому государству, по-видимому, грозила полная гибель, польско-литовское войско разлилось по всей стране; во многих местах проявлялась измена. Епископы переходили к полякам, города отворяли им свои ворота. Только крепкий Мариенбург, главный замок ордена, оказал сопротивление. Гейнрих фон Плауен, шведский командор, снабдил его за несколько дней и людьми, и оружием, и припасами и защищал его с успехом против неприятеля, имевшего и здесь численный перевес. Наконец явилось лифляндское войско под начальством ландмаршала и гольдингенского командора. Сначала они избегали борьбы и вступили в переговоры. Им удалось убедить Витовта отступить из Пруссии, после чего Владислав снял осаду с Мариенбурга (22 сентября). Только после этого лифляндцы вступили в открытую борьбу и имели успех благодаря свежести своих сил. Рассеянные прусские рыцари ободрились и вновь стали собираться. После приезда лифдяндского магистра Конрада, 9 ноября, Гейнрих фон Плауен был избран в прусские магистры, а затем приступил к очистке городов и замков от неприятельских гарнизонов. После перемирия, 1 февраля 1411 г., был заключён мир в Торне

(первый Торнский мир). Орден должен был отказаться от Самогитии и выкупить пленных суммой в 100000 коп богемских грошенов (= прибл. 750000 руб.) Вполне оправиться от этого страшного удара ему уже не удалось, тем более, что отношения между орденом и его подданными были испорчены и со временем испортились ещё более.

Новый великий магистр, как кажется, считал самым лучшим в союзе с лифляндским магистром Дитрихом Торком (1413-1415 гг.) начать новую войну, с тем чтобы, доведя её до благоприятного конца, заключить мир на более выгодных условиях. Но орден уже не переносил твердой руки правителя; мужественного защитника Мариенбурга заставили отречься (в октябре 1413 г.), заключили даже под стражу, впоследствии назначали на должности без значения; он умер в 1429 г. Великим магистром был избран Михаил Кухмейстер, любитель компромиссов, но и он должен был отречься в 1422 г. Преемник его Павел фон Русдорф попытался вести более решительную политику. Лифляндский орден, а по его примеру также епископы и города шли в общем по стопам прусского ордена и помогали ему, доставляя ему деньги и хлеб. В это время Лифляндия сама сильно страдала от морового поветрия и, вследствие сего, не могла много сделать для Пруссии.

Война возобновилась по вине магистра. Литовцы вторглись в Пруссию и опустошили её. Орден действовал удивительно вяло. Лифляндцы подоспели лишь к последним сражениям и потерпели большой урон, превосходивший значительно небольшие, сделанные сначала, успехи. В 1422 г. был заключён при озере Мельно (в Кульмской области, недалеко от Грауденца) очень неблагоприятный для ордена мир, ратифицированный в мае 1423 г. в Велуне.

После этой новой неудачи настроение рыцарей было удручённое. Лифляндский магистр Зигфрид Ландер фон Шпангейм в письме к великому магистру от января 1423 г. даже высказал мысль о секуляризации. По его мнению, великий магистр должен был, если в случае новой

войны с Польшей нельзя было получить помощь извне, раздать орденские владения князьям и рыцарям. Пусть тогда всякий защитит своими силами и средствами то, что ему досталось. Лифляндские рыцари окажут всю возможную поддержку. Предложение это не было принято, но оно интересно, тем более что исходило от человека, занимавшего важное и ответственное место в ордене.

ГЛАВА XVIII
Констанцский собор. Раздоры в ордене

Между тем число рыцарей «рейнского языка», которые считали себя в сравнении с простоватыми вестфальцами более воспитанными (hofischer), в Лифляндии продолжало расти. Вместе с тем выходцы от Рейна занимали всё более должности начальников. В 1413 и 1415 г. (а может быть, уже в 1401 г., о более раннем времени у нас нет известий) выборы магистра состоялись лишь благодаря особым соглашениям. В 1413 г. великий магистр утвердил вестфальца Дитриха Торка, в 1415 г. — прирейнского уроженца Зигфрида Ландера фон Шпангейма, но оба раза он делал условие, чтобы выходцы от Рейна были назначены на свободные должности начальников, притом на важные должности ландмаршала и феллинского командора. Вестфальцы должны были повиноваться. Впрочем, избранный в 1415 г. Зигфрид был правитель, добросовестно заботившийся о благе своих подданных.

Собор, заседавший с 1414 до 1418 г. в Констанце на Боденском озере, а под конец переселившийся в Женеву, имел значение также для Лифляндии; он объявил себя высшим судом для всего католического мира, вследствие чего дело ордена с рижским архиепископом было подвергнуто его решению. Архиепископ Иоанн Валленродт, хотя сам был членом ордена, плохо защищал интересы его; он также вступил в переговоры с так называемыми «старыми» рижскими канониками, которые бежали с архиепископом Иоанном фон Зинтеном и теперь стремились к тому, чтобы собор восстановил их в

прежних должностях или же назначил им вознаграждения за понесённые убытки. Но лифляндские дела скоро отступили на второй план; другие вопросы, как, например, процесс Яна Гуса, в котором Валленродт был судьёй, спор пап, козни польского правительства против ордена обратили на себя общее внимание. Польским делегатам удалось даже дела прусского ордена, которые орден желал разъяснить, ещё более запутать. Зато ещё до закрытия собора произошла перемена на рижском архиепископом престоле. Иоанн фон Валленродт, которому бесконечные споры с орденом надоели, был по своему желанию переведён в Люттих, а на его место назначен Иоанн Амбундии, бывший курский епископ (Chur в Граубюндене в Швейцарии). Оба прелата, вступая в новые должности, надеялись вследствие избрания нового папы Мартина V, в пользу которого они голосовали, улучшить своё положение. Валленродт, кроме того, приобрёл расположение императора Сигизмунда. Иоанн Амбундии в ноябре 1418 г. приехал в Лифляндию. По словам его, он нашёл архиепископские замки в запущенном состоянии. С самого приезда он заявил, что он не будет носить белой одежды членов ордена. Из времени его управления сохранились известия о ландтагах для всей Лифляндии (февр. 1421 г. и янв. 1422 г. в Валке, авг. 1422 г. в Вендене), а также, по крайней мере отчасти, рецессы, т.е. постановления ландтагов. Мы, однако, не в праве утверждать, что это были первые общелифляндские ландтаги; возможно, что происходили ландтаги и раньше и что лишь от них не осталось никаких следов, или же следы их до сих пор неверно толковались. Вместе с тем, Иоанн Амбундии ходатайствовал перед папой об отмене распоряжений папы Бонифация IX, благоприятных для ордена. Вследствие этого борьба за преобладание в Лифляндии возобновилась.

В 1424 г. вступили в управление и новый магистр и новый архиепископ. На должность магистра был назначен выходец от Рейна Циссе (ласкательная форма от Гиссельбрехт) фон Рутенберг, на должность архиепископа Геннинг Шарфенберг, соборный пропст рижской церкви. Орден тщетно старался провести Готшалька Шутте,

курляндского епископа, которого считал своим верным сторонником. Также эзельский епископ, назначенный под влиянием ордена, оказался не безусловно преданным ему.

В начале 1428 г. местные епископы съехались в Риге на провинциальный собор. Постановления собора сохранились и свидетельствуют о серьёзном желании исправить обнаружившиеся недостатки; приходским священникам особенно предписывалось действительно заботиться о благе прихожан. Кроме опубликованных, епископы сделали ещё секретные постановления. Решено было отправить посольство к папе и энергично пожаловаться на притеснения ордена. С посольством отправилось и несколько молодых людей, сыновья знатных граждан из Риги и Дерпта, которые хотели учиться в итальянских университетах. Несмотря на всевозможные предосторожности, кое-что об этом посольстве и его назначении стало известным. И когда оно проезжало мимо озера Лива, то гробинский фогт Госвин фон Ашеберг напал на путешественников, отнял у них все письма и бумаги и утопил их всех, числом шестнадцать, и вместе с ними ревельского декана подо льдом озера. Он действовал по поручению начальников, но убийство ему не было приказано. Он, впрочем, бежал в Рим. Странное дело вызвало общее негодование; архиепископ Геннинг уже не скрывал своей вражды к ордену и объявил во всеобщее сведение буллы папы Мартина V, бывшие у него уже с 1424 г. или 1426 г. Эти буллы освобождали город Ригу от присяги, принесённой ордену, и объявляли архиепископа как духовным, так и светским государём Риги. Вместе с тем они разрешали архиепископу и членам капитула снять ненавистное орденское платье и одеть вновь одежду августинского ордена.

Орден объявил, что он подчинится решению третейского суда. Этот суд собрался в Валке и, состоя большею частью из вассалов архиепископа, всё-таки решил дело в пользу ордена. Архиепископ подчинился не сразу, но в ноябре 1431 г. состоялось соглашение, по которому этот архиепископ и его каноники оставались членами авгус-

тинского ордена, но в будущем и архиепископ и каноники должны быть членами Тевтонского ордена.

В войне, которую вела в то время часть ганзейского союза, т.е. вендские города с Любеком во главе, с датским королем Эрихом, лифляндские города не принимали участия. Но все торговые города на Балтийском море, торговавшие с городами на Немецком и других морях, чувствительно страдали от т.н. Зундской пошлины, введённой королем Эрихом около 1429 г. и отменённой только в 1857 г. Также орденский магистр и отдельные начальники сами вывозили произведения из своих имений (воск, хлеб, дерево и т.н. «лесные товары», например, смолу, пепел) в Англию или Фландрию; чаще, однако, купцы какого-нибудь приморского города (так называемый Witre) служили посредниками. Иногда несколько начальников составляли из себя или с купцами торговые товарищества (так в 1407 г. образовалось торговое товарищество из нескольких выходцев от Рейна). Во всяком случае, лифляндский орден, как таковой, реже, чем прусский орден, являлся прямым конкурентом ганзейского союза. Когда около 1395 г. феллинский командор через одного агента хотел вести торговые дела в Новгородской конторе, его товар (значительное количество чистого серебра) был конфискован и выдан лишь после долгого времени с замечанием. Чтобы он впредь не предпринимал подобные дела.

Между тем произошло новое столкновение с Польшей. В 1430 г. умер великий князь Витовт. Ему наследовал в Литве Свидригайло, родной брат короля Владислава. И он подобно Витовту хотел сделать Литву независимой от Польши. Но если Витовт при всём упорстве не достиг этой цели, то его слабый преемник в этом деле потерпел полное крушение. В борьбу Литвы с Польшей орден был втянут в качестве союзника первой, но его войско было совершенно разбито в сентябре 1431 года при Накеле в области реки Нецы; несколько лифляндских начальников пало, другие были взяты в плен. Тем не менее, лифляндский орден остался верен союзу с Литвой, между тем как великий магистр Павел фон Русдорф

отказался от мысли победить Польшу или, по крайней мере, изолировать этого опасного противника. В 1433 г. магистр Циссе фон Рутенберг предпринял поход в Литву, чтобы поддержать Свидригайла, но благодаря непостоянству и неразборчивости в средствах литовского князя поход не привел к сколько-нибудь важным результатам, а только к чувствительным убыткам. Сам магистр возвратился из похода больным и скоро умер. После его смерти осенью 1433 г. орденский капитул, по своему обычаю, выставил двух кандидатов; великий магистр утвердил бывшего ландмаршала Франке Керскорфа, а не кандидата вестфальской партии (Бокенфорде), чем обидел её. Новый магистр усердно готовился к войне и выступил в августе 1435 г. в походе с внушительным войском. Но соединившееся литовско-лифляндское войско потерпело 1 сентября 1435 г. на реке Свенте, недалеко от Вилькомира, решительное поражение. Свидригайло со многими литовцами бежал, магистр Франке, семь знатнейших начальников, множество других рыцарей и простых воинов пали. Мир был заключен 31 декабря 1435 г. в Бресте. Орден должен был отказаться от дальнейшей поддержки Литвы, и Литва должна была заключить тесный союз с Польшей.

Положение дел в Лифляндии сильно изменилось. Архиепископу удалось возбудить город Ригу против ордена. Дело почти дошло до уличного боя, жители Риги уже начали загораживать улицы цепями. Архиепископ велел спасавшихся бегством из битвы при Свенте рыцарей схватывать и убивать. Из Пруссии шли подкрепления. Орден уступил. Новый магистр Гейнрих фон Бокендорфе отказался на ландтаге, происходившем в декабре 1435 г. в Валке безусловно от требования, чтобы архиепископ носил орденскую одежду. Отношения архиепископа к городу не сразу могли быть точно установлены; некоторые вопросы о земельных владениях, фактически уже давно решённые, теперь были решены и формально, причём никто не пострадал. Рижский капитул окончательно отказался от прежних своих владений на южном берегу Двины (Зелония и Семигалия). Боль-

шие области Донданген и Тергельн признаны владением курляндского епископа. Наконец, был заключён общий союз всех властителей в крае, первоначально на шесть лет. Те споры, которые могли быть окончены не путём соглашений, а только победой сильнейшего, разумеется, продолжались и были только на время в лучшем случае замаскированы.

На втором великом соборе XV века, бывшем в Базеле с 1431–1449 г., были тоже представители Лифляндии, но о решении каких-либо важных, касавшихся Лифляндии вопросов ничего неизвестно. Независимо от собора, курия заключила с разными светскими правительствами конкордаты и сделала постановление, чтобы епископы впредь не избирались капитулом, а назначались папой. Правило это, впрочем, не проводилось буквально: капитулы продолжали избирать, но избранные получали утверждение с большим трудом, чем прежде. Рижскому капитулу, впрочем, в 1508 г. его избирательное право было возвращено.

Когда великий магистр Павел фон Русдорф в 1438 г. утвердил в должности лифляндского магистра, иервенского фогта Гейнриха Нотлебена, кандидата выходцев от Рейна, а не кандидата вестфальцев, введенского фогта Гейденрейха Финке, который сперва имел большие шансы, то во всей Лифляндии начались волнения. В Ревеле и Пернове происходили съезды и бурные прения рыцарей. Делом заинтересовались также города; они стали на сторону Финке. Вестфальцы не сдавались, и даже большая часть выходцев от Рейна признала Финке правителем. Великий магистр грозил и готовился к войне. Таким образом, дело почти дошло до братоубийственного междоусобия внутри ордена. Финке удалось окончить дело в самом зародыше. Он с помощью своих приверженцев устранил враждебных ему начальников до прибытия войска из Пруссии и назначил на их места преданных людей. В ноябре 1440 г. великий магистр уступил и признал Финке магистром. Скоро после этого, в начале 1441 г., он, поссорившись тоже со своими прусскими начальниками, отрёкся от должности. Об-

щие, или так называемые большие или генеральные, капитулы, собиравшиеся в 1438 г. и 1441 г. в Мариенбурге в Пруссии, обсуждали некоторые изменения и поправки устава, казавшиеся нужными вследствие всё усиливавшейся борьбы орденских партий. Немецкий, или тевтонский, магистр (Deutschmeister), который для рассеянных в Нидерландах, Италии, Франции и Испании владений ордена имел то же значение, что лифляндский магистр для Лифляндии, и был третьим магистром ордена, тоже признал Финке. При этом он ссылался на так называемый Орзельнский устав, составленный, по преданию, в 1329 г., но утверждённый лишь недавно императором Сигизмундом и Базельским собором, по которому он в некоторых случаях имел большие права, чем великий магистр.

Между 1443 и 1448 г.г. магистр Финке вёл войну с Новгородом. Во время этой войны было несколько сражений под Нарвой, рыцари вторгались в Ингрию, великий магистр Конрад фон Эрлихсгаузен даже присылал подкрепления, торговые сношения значительно сократились, но всё-таки до крупных битв дело не дошло. В 1448 г. был заключён мир на 25 лет — срок необыкновенно долгий. После этого большое количество военнопленных было поселено в малонаселенной области около Бауссенбурга на литовской границе. Эти поселенцы были финны из водской пятины и сохранили под именем «кревингов» свой язык, свои обычаи и особенности до XIX столетия, резко отличаясь от соседних латышей. Ныне же они совершенно слились с латышами (по Ф. Видеману). Несколько раньше большое число сельских работников было переведено из области Каркус на остров Эвель. То были не военнопленные, и их поселение на Эзеле заставляет нас заключить, что крестьяне в то время в некоторых местах уже потеряли прежнюю свободу переселения.

ГЛАВА XIX
Архиепископ Сильвестр. Упадок ордена в Пруссии

Предвидя, что после смерти архиепископа Геннинга капитул выберет лицо, враждебное ордену, этот последний старался изо всех сил возвести своего приверженца на рижскую кафедру. По-видимому, Сильвестр Стодевешер из Торна был вполне подходящим лицом. Вопреки желаниям и правам капитула, орден добился того, что папа Николай V утвердил его в сане архиепископа (1448 г.). Первые меры Сильвестра вызвали добрые надежды, но скоро, благодаря зависимости архиепископа от капитула, защищавшего убеждения предшественников, обнаружилась старая неприязнь. Сильвестр дал великому магистру и капитулу обещания, которые он не мог исполнить. И дальнейшая его деятельность не служила на пользу ордену и краю.

Скоро после этого умерли великий и лифляндский магистры. Смерть магистра Конрада фон Эрлихсгаузена (в ноябре 1449 г.) и избрание его двоюродного брата или племянника Людвига фон Эрлихсгаузена, человека бесхарактерного, которого и покойный магистр считал неподходящим, было несчастьем и для Лифляндии. В июне 1450 г. умер долго уже хворавший магистр Финке. Капитул опять выставил двух кандидатов: вестфальца Иоганна фон Менгеде, генанта Остгофа, и выходца от Рейна Гейнриха Слерегена. Великий магистр утвердил Менгеде, но при этом убедительно просил его, выходцев от Рейна, число и влияние которых уменьшалось, не обижать при назначении начальников.

Орден достиг крупного успеха, получив на Вольмарском съезде в 1451 г. от архиепископа обещание, что члены рижского капитула впредь всегда будут носить орденское платье, и прост и декан рижской церкви будут членами ордена. Прежде думали, что орден достиг этого успеха с помощью поддельной буллы; на деле он ссылался на буллу, уже отменённую; вообще же дело удалось благодаря чрезвычайной уступчивости Сильвестра. Договор был без затруднений утверждён папой (март 1452 г. — так наз. Bulla habitus) и вступил в силу. И уже в 1454 г. одиннадцать членов рижского капитула принадлежали к ордену, и только один не был членом ордена. Но этим всё и было выиграно! Когда орден попытался посадить своих приверженцев и на кафедры в Ревеле, Дерпте, на Эзеле, то он встретил решительное сопротивление, и земский мир опять был нарушен. В 1457 г. даже новый епископ Курляндский Павел, бывший раньше сторонником ордена, отказался надеть орденское платье.

Прусская ветвь ордена в то время уже только с трудом поддерживала свой авторитет. Там города и вассалы стали заключать союзы (союз «ящериц» существовал с 1397 г.). Им казалось, что в их интересах было выйти из-под господства ордена и сблизиться с Польшей и с её «золотой свободой». Они ожидали от Польши не сокращения, а, напротив, расширения прав. И эти тенденции действовали тем сильнее и вели тем скорее к общему соединению всех врагов ордена, чем слабее было орденское управление. 14 марта 1440 г. составился в Мариенвердере общий прусский союз против ордена.

В Лифляндии условия сложились тоже так, что мог возникнуть союз городов. Поэтому для ордена было важно подчинить себе Ригу и тем лишить могущий образоваться союз естественной главы. В этих видах он вступил с архиепископом в переговоры и после долгих совещаний в августе и ноябре 1452 г. заключить с ним 30 ноября 1452 г. Кирхгольмский договор. Вступая в должность, архиепископ признал старинные привилегии города; по договору 1452 г. власть над городом была разделена между ним и орденом. Город должен был впредь прися-

гать и архиепископу и магистру, обоим платить рыбную десятину и другие подати. В войнах архиепископа с орденом город не должен был участвовать, но если орден вёл войну с другим неприятелем, то город должен был выставлять войско. Один из четырёх бургомистров назывался эрцфогтом и утверждался в должности обоими государствами. В заседаниях городских совета и суда участвовал (как уже в 1330 г.) один депутат от ордена, и никакие постановления совета не могли получить силу закона без его согласия. Таким образом, внутренние городские дела были поставлены в зависимость от внешней власти. Архиепископ и магистр имели затем торжественный въезд в город, а в январе 1454 г. папа утвердил этот договор.

Город должен был повиноваться, не имея средств воспротивиться постановлениям 1452 г., но он был ими очень недоволен и всегда мечтал об освобождении от них. Государи города не доверяли друг другу и старались всякими милостями приобрести приверженцев. Орден исполнял все справедливые желания горожан; архиепископ, стараясь превзойти его, прибегал к неблаговидным средствам, не соблюдал договора и поставил себе целью удалить орден из Риги. Пользуясь услугами одного подчинившегося его влиянию старосты, он возбуждал горожан против совета, сам приезжал в Ригу и старался усилить ненависть к ордену. В июле 1454 г. дело дошло до уличной перестрелки в течение шести дней. Горожане стреляли в орденский замок, а рыцари в город. Причём город пострадал. Когда же орден напал на земли архиепископа, то этот последний предоставил город самому себе и помирился с магистром.

Магистр успокоил возбуждённых против него горожан, вновь признав права города на его территорию, выделенную ещё во время Вильгельма Моденского, отрезав, впрочем, от неё некоторые части, оказавшиеся нужными для того, чтобы увеличить военное значение замка. Архиепископ же искал теперь опору не в городе, а у своих вассалов и с этой целью дал 6 февраля 1457 г. им новые привилегии («милость Сильвестра»), т.е. предоста-

вить им то же расширенное наследственное право, которое уже имели гаррийско-вирляндские и, должно быть, дерптские вассалы.

Между тем в Пруссии вспыхнуло открытое возмущение. В начале 1454 союз владел 56 орденскими замками, изгнав из них начальников, и все города, за исключением одного Мариенбурга, присоединились к нему. Король Казимир IV стал открыто поддерживать союз и объявил ордену войну, после того как города в Торне присягнули ему. Лифляндский магистр посылал в Пруссию деньги и войско, но великий магистр оставался неподвижно в Мариенбурге, и только эльбинский командор Гейнрих Рейс фон Плауен взялся за подавление восстания. С помощью лифляндцев он взял Кенигсберг (Кнейпгоф и собор) и назначил лифляндский гарнизон в Мемеле, который, изгнав оттуда литовцев, занявших было его, держался там до 1473 г. На море причиняли морские разбойники из Данцига большой вред кораблям, ехавшим из Ревеля или Риги в Германию или обратно. Несмотря на все усилия и на существенную поддержку Лифляндии, орден проиграл игру. Великий магистр не мог удовлетворить наёмников (бывших преимущественно из Богемии) и, передав им уже раньше в залог Мариенбург, покинул 5 июня 1457 г. в день св. духа этот главный замок ордена, который наёмники вслед затем изменнически выдали польскому королю. Он сам переехал в Кенигсберг. Здесь он в апреле 1459 г. в благодарность за оказанные услуги подписал грамоту, в силу которой назначение лифляндского магистра впредь становилось проще; капитул получил право предлагать лишь одного кандидата, и великий магистр обязывался утверждать его. Согласно этому постановлению и происходили следующие назначения магистров. Вместе с тем, по грамоте 1459 г., Гаррия и Вирляндия освобождались от присяги великому магистру и подчинялись, следовательно, непосредственно и исключительно лифляндскому магистру. Но это постановление было скоро отменено, ибо лифляндские магистры и после 1459 г., как и прежде, принимали присягу Гаррии и Вирляндии от имени великого магистра, и только мно-

го позднее (в 1525 г.) великий магистр освободил Гаррию и Вирляндию формально и окончательно от присяги. Лифляндский орден участвовал как в дальнейшей борьбе, так и в дальнейших переговорах с Польшей. По второму Торнскому миру, заключённому 19 октября 1466 г., прусский орден уступил Польше свои владения к западу от Вислы, т.е. свои лучшие владения и города (например, Данциг), и великий магистр сделался вассалом польского короля. Политическое положение Лифляндии вследствие этого мира не изменилось; но, конечно, и для неё было не безразлично то обстоятельство, что верховный правитель ордена сделался вассалом чужой, притом чаще всего враждебной, державы.

В то же время ордену не посчастливилось и в отношении к эзельской епископской кафедре. Его кандидат Иодок Гогенштейн не мог занять кафедру вследствие сопротивления капитула и уехал в Рим. Избранный частью зельского капитула Иоанн Фателькание, уроженец г. Риги, занял кафедру, хотя не был утвержден папой и удержался на ней. Он лично выступал в поход против ордена и нанёс ему несколько чувствительных поражений. Он пользовался покровительством Дании, вследствие чего орден, вместо того чтобы его изгнать, вступил с ним в переговоры. Лифляндский орден ещё в 1455 г., т.е. в начале тринадцатилетней войны, заключил союз с Данией, надеясь тем помочь Пруссии. Но он от этого союза не имел действительной помощи. Датский король брал крупные условленные суммы от ордена, от ничтожной части отказался в честь «Девы Марии», но сам ничего не исполнял, к чему был обязан по договору, а между тем, по всей вероятности, энергичное влияние на Эстляндию, от прав на которую она отреклась безусловно при продаже в 1346 г., Дания приобрела путём покупки несколько важных ленов в Эстляндии и выдала их преданным ей вассалам (бывшим, впрочем, большею частью немецкого происхождения). Когда эзельский епископ Фателькание в 1468 г. умер, то Иодок, постоянно боровшийся со своим соперником, занял кафедру, но снял орденское платье и вступил в связь с врагами ордена.

В то же время орден страдал от внутренних раздоров, суть которых ещё недостаточно выяснена. Капитул, происходивший в феврале 1468 г. в Риге, лишил ландмаршала Гердта фон Маллинкродта должности. Брат Гердта Гельмих, дерптский епископ, месяц спустя сам отрекся от должности, назначив себе преемника. Мы не знаем, есть ли связь между этими действиями, но мы знаем, что Гельмих прежде был сторонником ордена и противником архиепископа Сильвестра. Отставленный ландмаршал не уехал из Лифляндии, а укрепился в замке Доблен, и магистр не изгнал его оттуда силою оружия. Он, напротив, разрешил ему выйти из замка под условием, чтобы он уехал из Лифляндии и в Германии перешёл в другой орден. Маллинкродт уехал, но из Тевтонского ордена не вышел, так как в Пруссии не настаивали на этом. Он вступил в соглашение с братьями Аксельсон, из которых один был шведский начальник на Готланде, а другой — фогтом в Выборге в Финляндии, и они отправили несколько кораблей, которые должны были опустошить берега Лифляндии.

В августе 1469 г. умер магистр Иоганн фон Менгден, и тело его было похоронено в Рижском соборе, но архиепископ Сильвестр, продолжая ненавидеть своего противника и после его смерти, не позволил соорудить на его могиле памятник, обещанный ему при жизни.

ГЛАВА XX
Конец Сильвестра. Независимость Риги

Преемник Менгдена, Иоганн Вольтгус фон Герзе (Iohann Wolthuss von Herse), сумел избежать столкновения с архиепископом, не требуя пока присяги со стороны рижан. Он хотел перенести свою столицу из Риги в Феллин и старался очистить окрестные орденские владения от недостойных начальников. Нисколько не стесняясь обычаем, он сосредоточивал конфискованные земли в своих руках. При этом он оценивал число и значение своих сторонников слишком высоко, а число и силу противников слишком низко. Казалось, что он стремится к секуляризации, а потому составился против него настоящий заговор. После управления, длившегося немногим более одного года с половиной, противники его напали на него в сентябре 1471 года в Гельмете и заключили его в Вендене, где он был убит в следующее лето (или немного позднее). Это преступное дело, однако, не спасло, а погубило орден.

Его преемником орден избрал бывшего до тех пор ландмаршалом Бернта фон дер Борха (Bernl von der Borch), который был скрытым врагом Вольтгуса (утверждён великим магистром в декабре 1471 г.). Нововведения Вольтгуса были отменены. Жизнь ордена приняла старые формы. Когда великий магистр потребовал отчета о произведённом перевороте, то ордену удалось легко изобразить свои действия в благоприятном для себя освещении. Низложение Вольтгуса выставлялось как спасение ордена и всей страны: утверждали, что Вольтгус

хотел легкомысленно начать войну с Москвой и тем навлечь большие бедствия на страну. Великий магистр не находил повода этому не верить. Свобода действий орденского магистра, уже прежде стеснённая внутренним и внешним советами, была теперь ещё более ограничена, что впоследствии оказалось крупной ошибкой.

В отношении к дерптскому епископству магистр занял угрожающее положение; дело дошло, как кажется, до кровавых столкновений (1474). Из-за господства над городом Ригой новый магистр вступил в борьбу с архиепископом Сильвестром; чтобы склонить город на свою сторону, он возбуждал Малую гильдию против городского совета, но в результате окончательно испортил свои отношения к рижанам. Сильвестр пользовался в борьбе с орденом духовным оружием: отлучением и интердиктом. Когда же эти средства оказались малодейственными, он искал помощи за пределами Ливонии. В Швеции в то время управлял твёрдой рукой наместник Стен Стюре, после того как Карл Кнутссон три раза неудачно провозглашал себя королем и три раза должен был отказаться от королевского достоинства. Сильвестр завязал со Стюре сношения, предпочитая видеть во главе Риги иностранцев, чем ненавистный орден. Но Борх предупредил его. Он захватил почти все замки во владениях архиепископа, притом без серьезного сопротивления, и в Кокенгузене взял в плен даже самого престарелого архиепископа. Между тем шведы высадили в Ливонии лишь незначительные отряды, несмотря на обширные приготовления. Один из этих отрядов магистр разбил при Залисе. Архиепископ был освобожден из плена, но умер вскоре после того 12 июля 1479 г. Так как старый рижский капитул уже не существовал, члены его или бежали, или находились в плену у ордена, то был составлен новый капитул, отчасти из духовных членов ордена, и он, по указанию магистра, избрал в архиепископы племянника (или двоюродного брата) его ревельского епископа Симона фон дер Борха. Это избрание раздражило жителей Риги до крайности и побудило их к дальнейшему сопротивлению. Вместе с тем и папа от себя назначил

нового архиепископа Рижского, Стефана Грубее (родом из Лейпцига, в то время епископа города Трои в нижней Италии), признал его единственным повелителем Риги и возобновил отлучение над орденом. Новый архиепископ, однако, медлил прибыть в свое владение.

В это время испортились также отношения ордена с Новгородом и Псковом, действовавшим тогда уже по указаниям из Москвы. В 1480 году магистр Борх в союзе с дерптским епископом предпринял два похода на Псков, которые были неудачны. В феврале 1481 года во время долго длившейся метели русские вторглись неожиданно в Ливонию. Магистр не был подготовлен к защите, страна никем не охранялась. Город Феллин был сожжён русскими, важный же феллинский замок не был взят лишь потому, что русские военачальники согласились вступить в переговоры. Русские, впрочем, так же быстро отступили, как и явились. В сентябре 1481 г. было заключено с Новгородом и Псковом перемирие на десять лет.

Гердт фон Маллинкродт, прежний ландмаршал, вернулся в 1472 году в Ливонию, получил полное прощение от ордена и служил ему с того времени более десяти лет в должности гольдингенского командора. Ему удалось убедить императора Фридриха III наделить магистра регалиями, притом не только для орденских, но и для архиепископских владений с включением г. Риги, точно со смерти Сильвестра перестало существовать и архиепископство. Нужно полагать, что в отношении к последнему надел регалиями произошёл от недоразумения или непростительного высокомерия Борха. В ноябре 1481 г. ливонский орден в полном составе в Вендене изготовил грамоту, в которой он изъявил императору свою покорность в качестве владетеля рижского архиепископства. Месяц спустя рижане ответили на это нападением на орденский замок, из которого была открыта пушечная пальба по городу. В июле 1482 г. происходило совещание в Риге, не приведшее к благоприятному решению. Рига продолжала вооружаться и овладела Дюнамюнде. После этого нельзя было и думать о примирении тем менее, что архиепископ Стефан, тайно пробравшийся через Литву

и Курляндию и наконец в конце июля 1483 г. приехавший в Ригу, где в одном саду перед городом ему принесли присягу, стал поддерживать воинственное настроение жителей.

Магистр Борх оказался между двух огней. Приобретение им регалий послужило ему во вред. Рим преследовал орден за это, но и великий магистр, никогда не просивший и не получавший регалий от императора, был возмущён высокомерием ливонского магистра. В ноябре 1483 г. орден принудил магистра Бернта фон дер Борха к отречению. Таким образом, и Борх, подобно своему предшественнику, поплатился за попытку отступить от традиций ордена. Его преемником был избран сначала со званием наместника Иоганн Фрейтаг фом Лорингхофе. (Johann Freitag vom Loringhofe).

Ещё в декабре 1483 г. умер архиепископ Стефан. Но раздражённые рижане уже приступили к правильной осаде орденского замка в Риге и не хотели и слышать о мире. Городское ополчение, пополненное наёмниками, предпринимало набеги на земли ордена до Митавы и до Туккума. 22 марта 1484 г. горожане нанесли ордену чувствительное поражение между озером Штинт и часовней св. Николая: четыре начальника пали, пятеро попали в плен, и в мае истощённый орденский отряд покинул замок, который затем был разрушен. В борьбе с Ригой орден не мог направить все свои силы на этого противника, так как опасность со стороны русских заставляла отделять часть военных сил для охраны восточной границы.

В Риге пытались произвести выборы нового архиепископа, но переговоры об этом затягивались.

Назначенного папой и поддерживаемого орденом архиепископа Михаила Гильдебранда, уроженца города Ревеля, рижане не признали, когда он приехал осенью 1484 г. из Рима. К этому времени город заключил союз со Швецией, т.е. с государственным советом, во главе которого стоял Стен Стюре. Но войско, присланное из Швеции, вместо того чтобы вступить в борьбу, начало в марте 1486 г. в Блюментале (Юнгфернгоф на Двине) переговоры о мире между архиепископом и городом.

Мир, в котором участвовал и орден, был непрочен. Уже в 1489 г. возобновилась война. Сначала орден терпел неудачи, но в начале 1491 г. рижане потерпели при Нейермюлене полное поражение, после чего они согласились на мир. 30 марта 1491 г. был заключён договор в Вольмаре (так наз. Wolmarer Afsproke): город Рига должен был вознаградить орден за все убытки, ему причинённые, и между прочим вновь выстроить орденские замки в Риге и Дюнамюнде. А в 1492 г. был восстановлен Кирхгольский договор: бургомистр Иоганн Шёнинг (Iohann Schoning), избранный эрцфогтом, признал господами города как архиепископа, так и магистра, и принес обоим от имени города присягу.

Город был совершенно истощён. Торговля и промышленность за эти годы сильно пострадали. Для покрытия части военных расходов нужно было прибегать к займам; так из Данцига были получены крупные ссуды, уплата которых причиняла городу большие затруднения в течение долгого времени. Пришлось возвысить налоги, отчего опять-таки страдали городские жители.

Лишь медленно город поправлялся. В 1494 г. замок в Дюнамюнде был закончен, постройка же рижского замка доведена была до конца лишь в 1515 г., после того как страна пережила новые потрясения.

Со времени усиления России при Иване III Васильевиче (1462-1505 гг.), который свергнул монгольское иго, росла опасность для Ливонии с восточной стороны. В 1487 г. ганзейский союз заключил с великокняжеским наместником в Новгороде торговый договор на 20 лет. Договор же, заключенный Ливонией с Новгородом, имел силу лишь до 1491 г. Хотя с обеих сторон желали его возобновить, лишь в марте 1493 г. после долгих совещаний удалось заключить новый договор с Новгородом и Псковом, опять на 10 лет. Ещё раньше, летом 1492 г., на правом берегу реки Наровы близ города Нарвы русскими был сооружён, под руководством итальянского архитектора, крепкий замок, названный в честь великого князя Ивангородом.

Жители города Нарвы, который не входил в состав ганзейского союза, хотя туда ездили ганзейские купцы, давно вели оживлённую торговлю с русскими, своими соседями, не очень придерживаясь при этом ганзейских правил. В русском же поселении, быстро развившемся около крепкого Ивангорода, возникала теперь торговля уже совершенно беспорядочная. Для устранения всё более усиливавшейся контрабанды (Ranefart) ганзейский съезд в Бремене (май-июнь 1494 г.) решил отправить посольство в Москву.

ГЛАВА XXI
Вольтер фон Плеттенберг

После смерти орденского магистра Иоганна Фрейтага капитул избрал единогласно 7 июля 1494 г. в Вендене ландмаршала Вольтера фон Плеттенберга.

В своём первом труде «История романских и германских народов 1494–1535 гг.», появившемся в 1824 г., Ранке хотел — как известно, он выполнил свое намерение только до 1514 года — описать как раз тот промежуток времени, в течение которого этот выдающийся человек руководил судьбами старой Лифляндии. Почему Ранке хотел ограничиться временем от 1494 г. до 1535 г., он объясняет в своём сочинении. Совпадение эпохи, избранной Ранке, со временем управления Плеттенберга есть, разумеется, случайность, но, во всяком случае, интересная случайность.

В это время прибалтийский край пережил во всех отношениях существенные кризисы; средневековые учреждения отжили свой век, и во всех направлениях начиналось новое время.

Казалось, что ганзейское посольство, отправившееся в 1494 г. под начальством членов совета из Ревеля и Дерпта в Москву, достигнет цели, и великий князь примет его жалобы. Но затем московское правительство задерживало его под разными предлогами и принудило ревельского посла заплатить вознаграждение нескольким грекам, жаловавшимся на Ревель. Когда посольство на обратном пути прибыло в Новгород, оно нашло немецкий двор св. Петра запертым. 6 ноября 1494 г. бывшие в тот день в Новгороде ганзейские купцы, числом 49, были аресто-

ваны, а богатые склады товаров запечатаны. Ревельский посол Готшальк Ремлинкроде был тоже арестован, но дерптский оставлен на свободе. Великий князь велел объявить, что он мстит за обиды, причинённые в Ревеле его послам, ехавшим в Германию, и обвинял г. Ревель, против которого он особенно был разгневан, и в других проступках. Но действительная причина насилий лежала глубже. Московский князь полагал, что русские уже не нуждались в посреднической конторе, что обмен товаров может происходить непосредственно в возникавшем тогда Ивангороде. Закрытие немецкого двора в Новгороде было тяжким ударом для лифляндских купцов; германские купцы, отодвинутые уже давно в Новгороде на второй план, пострадали в меньшей мере. Но в стараниях освободить арестованных купцов и получить запечатанный товар (это не удалось) участвовал ганзейский союз наравне с лифляндскими городами.

Точно так же орденский магистр не забывал заключённых и поручал своим посольствам, часто отправлявшимся в Москву и в Новгород, ходатайствовать за них. В марте 1497 г. заключённые были освобождены за исключением четырёх ревельцев, переведённых в Москву, из которых один умер, а трое были освобождены только десять лет спустя. Русские купцы, арестованные в Риге и Ревеле в 1494 г. (в Дерпте русских не тронули), были отпущены уже в 1496 г. Представители лифляндских и германских городов, собравшиеся в феврале 1498 г. в Нарве, хотели было восстановить Новгородскую контору, но не могли осуществить этот план. В 1514 г. образовалось в Новгороде нечто подобное прежнему двору св. Петра, но оно не достигло никакого значения. Немецкая торговля в Новгороде прекратилась навсегда.

За всё это время постоянно грозило столкновением с Москвою, ибо на границе происходили бесконечные недоразумения. Плеттенберг серьёзно готовился к войне и внимательно наблюдал за всеми действиями противника. Он искал союзников. Хотя король Максимилиан с сейма в Вормсе в 1495 г. призывал к борьбе князей и города, но от Римской империи нельзя было ждать помощи. Только

отдельные рыцари и частные добровольцы отправлялись в Лифляндию, и их принимали с благодарностью. Особенно магистр просил о присылке конницы. Любек и немногие другие ганзейские города согласились платить субсидии. Датскому королю Гансу, государю трёх скандинавских государств, не удалось удалить из Швеции наместника Стена Стюре. Потому он заключил союз с Иваном III, который по его просьбе в 1496 г. начал войну со Швецией и осадил Выборг. Но все приступы русских были отбиты, и шведы в свою очередь взяли и сожгли Ивангород; так как шведы этого места за собой не удержали, то русские ещё в том же году восстановили Ивангород; шведы предложили этот пункт магистру, но он не мог принять этот опасный дар — настоящий дар данайцев, — не окончив ещё вооружений. В 1499 г. к ороль Ганс со своей стороны предложил союз, но одновременно предъявил преувеличенные притязания (на Гаррию и Вирляндию), потребовав, чтобы союз был направлен против всех его врагов. Пруссия не могла послать существенную помощь. Великий магистр Ганс фон Тифен, согласно Торнскому миру, принял участие в походе, направленном номинально против турок, на деле же против Стефана, валахского воеводы, и умер в Львове в 1497 г. Характерно, что преемником его избрали принца и именно герцога Фридриха Саксонского (сына герцога Альбрехта Храброго и Сидонии Богемской, дочери Георгия Подебрада), который под влиянием внушений короля Максимилиана и многих германских князей, обещавших помощь, отказался присягнуть польскому королю. Торнский мир не был утвержден папой, хотя утверждение папы в нём было предусмотрено, и потому можно было считать договор формально недействительным. Но король настаивал на своих правах и грозил войной. Таким образом, великий магистр не только не послал помощь в Лифляндию, но просил со своей стороны лифляндского магистра поддержать его.

Между тем Иван III, предъявляя притязания на некоторые части Литовского княжества, начал войну с литовским князем Александром, женатым на дочери его,

Елене. Александр обратился с просьбой о помощи к Плеттенбергу, который заключил 21 июня 1501 г. с ним союз на десять лет. За четыре дня до заключения договора, 17 июня, скончался польский король Ян Альбрехт в Торне, где он готовился к войне с Пруссией. Известие о смерти короля было получено в Лифляндии, разумеется, много позднее. Александр, брат покойного, выступил кандидатом на польский престол и тотчас же отправился в Польшу. Но он обещал верно соблюдать все условия заключённого с магистром союза и также, что литовское войско недалеко от Острова на р. Великой в назначенный день соединится с лифляндцами. Ибо узнали, что московский князь намерен в ответ на заключённый союз в конце лета здесь напасть на Лифляндию. Не долго дожидаясь, Плеттенберг, с 4000 рыцарей, 2000 ландскнехтов и с тяжелой артиллерией и многочисленным обозом (в котором было много латышей и эстов), перешёл границу. За Нейгаузеном на речке Серице в десяти верстах от Изборска он 27 августа 1501 г. встретился с русским 30000 войском, готовым вступить в Лифляндию. После усиленного артиллерийского боя и нескольких нападений рыцарей, русские обратились в бегство, оставляя свой обоз в руках немцев. Плеттенберг не мог преследовать бежавших, так как уже наступил вечер, да и лошади чересчур утомились.

Затем он отправился в южном направлении и осадил Остров, состоявший из двух замков, соединённых мостом, и взял его 7 сентября. Но так как обещанная литовская помощь не явилась, в немецком войске свирепствовали болезни, наконец, другое войско шло к Нарве, то магистр отступил; 14 сентября он находился в Нейгаузене. Войско было распущено; он сам заболел и в течение нескольких недель был прикован к постели.

В день всех святых (1 ноября) огромное русское войско, в котором находились татарские отряды, вторглось между Нейгаузеном и Мариенбургом в Лифляндию и проникло с одной стороны до Гальмта и Феллина, а с другой — до Вендена, на своем пути всё опустошая. Время года, разлившиеся повсюду реки мешали немцам соб-

рать войско. Таким образом, русские, сделав богатую добычу и набрав 40000 пленников, могли удалиться между Нарвой и Нейшлосом, и магистр, лично выступивший против них, не мог их догнать. Лишь маловажные стычки случились под Гельметом. Первое донесение о вторжении русских не дошло до великого магистра и затерялось в пути. Польский король медлил с ответом, наконец он сделал самые выгодные обещания. К сожалению, эти обещания никогда не были исполнены. Политика короля Александра только к тому стремилась, чтобы отвлечь Лифляндию и таким образом получить возможность расправиться в Пруссии. Серьёзно поддерживать орден не было в его интересах, тем не менее, что он уже не думал о возвращении занятых русскими пограничных областей.

На ландтаге, происходившем в январе 1502 г. в Вольмаре, Плеттенберг, хотевший продолжать войну, достиг после долгих и бурных прений того, что была принята новая подать.

Дерптский епископ, земля которого снова опустошалась русскими, просил о помощи, но и не отказался бы вступить в переговоры с неприятелем. Рыцари Гаррии и Вирляндии отказывались от военной службы за пределами Лифляндии. Города требовали прекращения войны. Средства ордена и епископов были истощены. Для того, чтобы получить средства для продолжения войны, было объявлено отпущение грехов что на нас, детей XX века, производит в высшей степени неприятное впечатление, но в современниках не вызывало осуждения. «Правители противились продаже индульгенций исключительно из экономических соображений, а не потому, что считали её недопустимой с точки зрения религиозной или нравственной» (Ульман). 1500 г. был юбилейным годом. Потому папа разрешил продажу индульгенций только в 1503 году и с 1503-1506 гг. действительно продавали индульгенции в пользу ордена в Лифлиндии и северо-германских епископствах, а с 1507-1510 гг. — в Майнце, Кёльне, Триере, Бамберге и Мейсене. Главным комиссаром был позднейший дерптский епископ Хрис-

тиан Бомховер; в числе многочисленных продавцов встречается доминиканец Иоанн Тецель. По-видимому, дело было вполне целесообразно организовано и дало хорошие результаты, ибо продажа индульгенций 1516 г., которой заведовал кардинал Альбрехт Бранденбургский и которая для Германии получила столь большое значение, была организована по примеру лифляндской. Кроме магистра высказывался решительно за продолжение войны престарелый рижский архиепископ Михаил, два раза лично выступивший в поход, но умерший до истечения срока перемирия.

В марте 1502 г. ревельский командор одержал победу около Нарвы, а новый ландмаршал Иоанн фон дем Бреле генант Плятер проник мимо Розитена до Красного. Благодаря этим успехам удалось окончить вооружения. Плеттенберг сам нанимал и убедил и других нанимать немецких ландскнехтов; то были дикие, непослушные, вечно пьяные и жадные люди, думавшие лишь о жаловании и добыче. Как в орденском, так и в русском войске служили в то время немецкие ландскнехты. Точно также торговые интересы безусловно преобладали над всеми другими. Немецкие купцы доставляли в Россию серу, селитру и другие товары по морскому пути и по сухому через Литву и Финляндию. После войны были выставлены в Вендене отнятые у русских пушки, которые были отлиты в Вестфалии.

Когда в первой половине августа 1502 г. вооружения ордена были окончены, явилось в Вендене посольство от короля Александра и сообщило, что король не может, как обещал, идти на Псков, что ему угрожают крымские татары, он должен защищаться от них и ждёт помощи против татар и от Плеттенберга. Уже раньше до магистра доходили слухи, что король вступил через посредство литовских магнатов в переговоры с Москвой, но магистр, добросовестно соблюдавший договор, долго отказывался им верить. Теперь он заявил, что помочь королю против татар он не намерен, и один, оставив войско, тихо двигавшееся вперед, на границе, с лучшими силами (только 2500 всадников и 2500 пехоты, из которых 200

были присланы от великого магистра Фридриха, и едва ли могли считаться существенным подкреплением) быстро пошел на Псков. Русские не думали, что Плеттенберг пройдёт по тому же пути, где он шёл в предыдущем году, а скорее ждали его вторжения между Нарвой и Нейшлосом и сосредоточили свои главные силы под Новгородом, откуда они тихо приближались к границе. Немцы взяли и сожгли предместья Пскова и готовились к штурму самого города. Но 13 сентября 1502 г. к югу от Пскова при Смолинском озере произошла решительная битва между немцами и русскими, подошедшими для выручки Пскова. Хотя у немцев было меньшее войско, Плеттенберг одержал победу. Русские овладели лагерем и обозом ордена, но под конец всё-таки должны были бежать. Немецкая конница под начальством ландмаршала и архиепископа окружила противника, и центр под личным предводительством Плеттенберга так упорно напирал на него, что он уступил. В пылу сражения всадники ускакали так далеко, что их уже считали погибшими. Русское войско было совершенно расстроено. Плеттенберг одержал, несомненно, полную и важную победу. Три дня немцы простояли на поле битвы, затем они отступили в Лифляндию. С небольшим войском и в осеннее время магистр ничего более не мог предпринять.

Орден остался вооружённым, но военных действий больше не было; и победа при Смолинском озере не принесла плодов. Польско-литовские послы спешили заключить мир в марте 1503 г. в Москве, по которому литовские области, занятые русскими отходили к Москве. Лифляндских послов, бывших в то же время в Москве, они всё время уверяли, что они не заключат мира без их участия. После того лифляндцы должны были согласиться на шестилетнее перемирие. На этом основании летом 1503 г. в Новгороде подписан договор, который должен был действовать до 1509 г., о торговых сношениях в нём не упоминалось. Договор этот был продолжен в 1509 г. до 1522 г., а в 1522 и 1531 гг. до 1551 г., но его условия не были удовлетворительны. Король Александр имел в виду возобновить войну и переговаривался по этому делу с ма-

гистром. Магистр указывал на то, что нарушение мира было бы безнравственно, и требовал ручательства в искренности намерений короля. После смерти Александра в 1506 г. брат его Сигизмунд приглашал магистра к новой войне, ибо союз ордена с Литвой был действителен до 1511 г. Плеттенберг не соглашался, так что Сигизмунд осенью 1508 г. заключил с Москвой новый договор. Когда же он один начал войну, то за исключением победы при Орше в сентябре 1514 г. не имел более или менее замечательных успехов.

Великий магистр Фридрих, не желая присягнуть польскому королю, устроил так, что его избрали коадъютором магдебургского архиепископа Эрнста (его двоюродного брата) и вследствие этого мог сделаться преемником его (но он умер раньше Эрнста). Это небывалое ещё соединение разнородных должностей в одном лице было утверждено папой. После свидания с Плеттенбергом в Мемеле Фридрих в 1507 г. назначил правителя и уехал из Пруссии. После его смерти (в декабре 1510 г.) орден тотчас же опять избрал принца великим магистром, а именно маркграфа Альбрехта Бранденбург-Кульмбахского, родившегося в 1490 г. и бывшего из дома Гогенцоллернов, начинавшего соперничать с домом Веттинским, и в тоже время племянником (сыном сестры) короля Сигизмунда. Император и некоторые князья побуждали и его не присягнуть польскому королю, но король от своего права добровольно не отказывался, хотя этот вопрос обсуждался неоднократно на съездах в Петрокове, Бреславле и Познани.

Поэтому великий магистр Альбрехт стал готовиться к войне. Сначала Иоахим I, маркграф Бранденбургский, его родственник, обещал ему поддержку, но, когда император Максимилиан на свидании в Вене в июле 1515 г. из личных интересов заключил договор с Владиславом, королём венгерским и чешским, и с братом его, королём польским, и вследствие этого отказался поддерживать орден, то и другие князья отступились, и орден оказался совершенно изолированным. В начале марта 1516 г. Альбрехт и Плеттенберг имели свидание в Меме-

ле, и последний советовал не воевать с Польшей ввиду отсутствия союзников. При этом он указывал на то, что из Лифляндии может быть оказана лишь незначительная помощь, как войском, так и деньгами. (Войско могло быть почти только наёмное, число его, следовательно, зависело от денежных средств). Великий магистр, однако, с жаром преследовал свою цель, отмену всех постановлений Торнского мира, возвращение утраченных орденских земель (западной Пруссии с Данцигом, Эльбингом, Торном) и восстановление прежнего могущества ордена. Плеттенберг, старший годами и более дальновидный, предлагал сохранить мир, предвидя неудачу в случае войны. Он убедился, что орден, которому он служил и хотел служить до своей смерти, двигался по наклонной плоскости и что коренные преобразовании, без которых орден не мог быть спасён, едва ли были осуществимы. Альбрехт глубоко уважал Плеттенберга, но его совета не послушался. Он отправил Дитриха фон Шенберга в Москву и заключил союз с Василием III, всё ещё продолжавшим войну с Польшей. Но субсидии, обещанные Василием, на которые Альбрехт твёрдо рассчитывал, никогда не были уплачены, так как и Альбрехт не исполнил своих обязательств и не вёл и не мог вести войну с Польшей энергично. Тем не менее, в 1519 г. война началась. Успехи Альбрехта были ничтожны, зато поляки наводнили весь край. Великий магистр был принуждён заключить перемирие, затем он поехал в Германию искать помощи. Он заехал и к Лютеру в Виттенберг, который посоветовал ему секуляризировать орденские владения. Под влиянием этого совета Альбрехт, уже начавший колебаться, заключил мир с Сигизмундом I и, приехав в Краков в апреле 1525 г., принёс ему присягу в качестве его вассала и наследственного прусского герцога. Орден в Пруссии перестал существовать, лишь немногие начальники не сочувствовали нововведению и покинули Пруссию, в которой распространялось лютеранство, и епископства тоже (Эрмландское только впоследствии) переходили к светской власти. Лифляндский орден после того потерял связь с Пруссией. В Германии Тевтонский орден ещё

имел владения, правда, рассеянные, зато богатые, но в то время сильно страдавшие от крестьянской войны (Мергентгейм, Горнек). Скоро, в 1527 г., тевтонский магистр (Deutchmeister) получил от Карла V титул администратора должности великого магистра, а над Альбрехтом, впавшим в ересь, была объявлена имперская ахта.

Обращая орденские владения в светское герцогство, Альбрехт за 24000 гульденов отказался от всех прав на Гаррию и Вирляндию, которые вследствие этого присягали с марта 1525 г. только лифляндскому магистру. Герцог и магистр не доверяли друг другу. Альбрехт, умерший в 1568 г., был ещё свидетелем окончательного падения старой Лифляндии.

Плеттенберг ещё в начале своего управления завёл сношения с имперским правительством. Действительной помощи он из империи не получил, но он получил право взимать таможенную пошлину, которую в течение трёх лет собирал для себя король Максимилиан. Пошлина на самом деле не взималась, и торговля в Лифляндии оставалась беспошлинной. Но в связи с этим правом находилось предоставление магистру верховных прав. Так как отношение Лифляндии к империи было неопределённым, то Плеттенберг старался установить, по крайней мере, идеальную связь. В один из имперских округов по разделению 1495 г. Лифляндия не вошла, но ей предлагали платить имперские подати как, например, Gemeiner Pfenning от 1495 г. и сборы против турок. Лишь после секуляризации Пруссии Плеттенберг достиг того, что Карл V признал Лифляндию частью империи. 24-го декабря 1526 г. в Эсслингене была составлена об этом грамота, а в июле 1530 г. Карл V наделил в Аугсбурге представителя магистра Лифляндией. С тех пор Лифляндия посылала своего представителя на рейхстаги и платила подати на содержание рейхскаммергерихта. Таким образом, лифляндский магистр сделался князем Римской империи, между тем как рижский епископ достиг этого достоинства уже в 1207 году.

ГЛАВА XXII
Внутреннее состояние. Введение реформации

Во внутренних отношениях за эти годы достаточно было недоразумений. В особенности отношения сословий обострились и общее настроение было возбуждённое после войны, окончание которой никого не удовлетворяло. Крестьяне постепенно сделались зависимыми. Только очень немногие из них сохранили свободу (один свободный крестьянин в Гольдингенской области получил кличку «курляндский король»). В этом состоянии зависимости крестьяне остались до падения Старой Лифляндии; переход к полному крепостничеству должен быть отнесён к позднейшему времени. Наследственное право крестьян ещё не было ограничено, но свобода передвижения была уничтожена, крестьяне были прикреплены к земле подобно крестьянам в Западной Европе. Лифляндские ландтаги часто, и особенно в это время, обсуждали переход крестьян в города. Лучше всего мы можем проследить это движение в Эстляндии, но есть много известий о нём и из других частей Лифляндии. В Ригу переходили крестьяне даже из Курляндии, ибо «городской воздух делал свободным». Горожане охотно принимали беглецов, а помощники жаловались на то, что им не доставало рабочих сил. Уже в XV столетии были сделаны постановления, часто затем повторявшиеся. Города получили право принимать крестьян, не имевших земли, но должны были выдавать крестьян, ушедших от земли, семейства и имущества.

Среди вассалов большое волнение вызвало дело рыцаря Германа Зойе. Он имел тяжбу с рыцарем Гансом фон

Розеном, и когда тяжба окончилась не в его пользу, он счел себя обиженным и вступил в переговоры с королями польским и датским. Так как магистр поступал очень резко в отношении к Зойе и о личном нерасположении не может быть речи, то нужно полагать, что у него были компрометирующие, ныне утраченные сведения. В переписке с великим магистром Плеттенберг сравнивал Зойе с прусским рыцарем фон Байзеном, который был виновником тринадцатилетней войны и, следовательно, потери лучшей части орденских владений. Зойе был схвачен и судился в 1510 г. в Феллине перед судом, составленным из магистра, гаррийско-вирляндского совета и двенадцати вассалов. Суд приговорил его к смерти. Но по просьбе товарищей вассалов он был помилован и должен был поклясться, что не примет в этом деле никаких больше мер. Тем не менее, он тайно покинул Лифляндию и искал поддержки у королей, с которыми он ещё раньше завел сношения. При нём находился Иоанн Веттберг, декан эзельской церкви, порочный человек, желавший незадолго до того получить достоинство коадъютора эзельского епископа и, нуждаясь для этой цели в деньгах, выдавший векселя на значительные суммы с подделанной подписью орденского магистра. К счастью, он не достиг своей цели; папа назначил в 1513 г. коадъютором и преемником престарелого епископа Иоанна Оргиеса, его же кандидата, которого поддерживал и капитул, Иоанна Кивеля.

В Пруссии Зойе и Веттберг были задержаны, но после неудачной попытки бежать не выданы лифляндскому магистру, который требовал этого, а оставлены в Пруссии в заключении около полугода и затем выпущены с обязательством через год опять явиться в Кенигсберг. Они, конечно, не явились. Веттберг встречается ещё в 1530 г. в Швеции. Зойе подал в курию жалобу на магистра. Но, лишившись всех средств, он, бывший некогда богатейшим вассалом Эстляндии, должен был покинуть вечный город и умер в 1516 г. на чужбине. Его дело, по-видимому, оставлено без последствий. Обвиняемого магист-

ра перед курией защищал опытный прокуратор ордена, Иоганн Бланкенфельд, епископ Ревельский.

В то время Любек и несколько присоединившихся к нему городов вели войну с датским королем Гансом. Хотя лифляндские города в этой войне не участвовали, они немало от нее страдали, так как датские каперы нападали на лифляндские корабли. На жалобы их владельцев или вовсе не обращали внимания, или в неудовлетворительной степени. Насилия каперов продолжались, впрочем, и после войны при молодом короле Христиане II. Одним из знаменитейших морских разбойников того времени был Зерен (Северин) Норби, «морской лев», для «здоровья которого, по его словам, было необходимо порыться в кладовых любекских купцов и понюхать запах их мешков с травами». Он же неоднократно беспокоил берега Лифляндии.

С рижским архиепископом Михаилом Плеттенберг жил в дружбе, и отношения его к преемнику Михаила Ясперу Линде тоже большею частью были хороши. Магистр и архиепископ поддерживали друг друга и, несомненно, оказывали влияние и на замещение других епископских кафедр. В это время почти одновременно освободились ревельская и дерптская кафедры. На первую был назначен кандидат ордена Христиан Цернеков, бывший ревельско-эзельским каноником и в течение многих лет городским писарем. После его скоро последовавшей смерти папа от себя назначил тогдашнего прокуратора Тевтонского ордена в Риме доктора Иоганна Бланкенфельда из Берлина. В сан дерптского епископа папа утвердил избранного капитулом и поддерживаемого магистром и архиепископом Иоганна Дусбурга. Но затем папа отменил это распоряжение и назначил дерптским епископом Христиана Бомховера, уроженца города Ревеля и бывшего прежде на службе у ордена, но последние годы прожившего в качестве каноника в Кёльне и Майнце и вследствие этого потерявшего живую связь с родиной. Он умер уже в 1518 г., его место занял Бланкенфельд на основании буллы от 1517 г., по которой он должен

был получить при первой вакансии все лифляндские и некоторые финляндские епископства. (Такое соединение должностей в одном лице было небывалое явление). Действительно, он был одновременно ревельским и дерптским епископом. Когда он впоследствии сделался архиепископом, он передал ревельское епископство, но дерптское оставил за собой. Он имел влияние на других лифляндских епископов. Как известно, архиепископ, а также епископы Дерптский и Эзельский считались вассалами императора и, следовательно, князьями Римской империи. Но последние епископы о своих отношениях к империи не заботились и не получили утверждения от императора, а епископы Курляндский и Ревельский (не имевший почти никаких земельных владений) никогда не думали вступать в вассальные отношения к императору. Бланкенфельд достиг того, что все епископы сообща обратились к императору и получили от него свои владения в лен, а их представитель присягнул императору Карлу V на рейхстаге в Вормсе в январе 1521 года.

В Дерпте Бланкенфельд скоро поссорился с вассалами и правителями города. Не обращая внимания на права и обычаи, он пытался делать нововведения. Встретив более серьёзное сопротивление, нежели он ожидал, он, однако, уступил. 9 апреля 1522 г. последовало соглашение дерптских вассалов, совета, обеих гильдий, в силу которого участники обещались поддерживать друг друга. Подобные соглашения заключались как раз в Дерпте и раньше (5 августа 1458 г., 17 сентября 1478 г.).

За последнее время в Лифляндии наблюдалось одичание нравов, которое приписывали повсеместно проявлявшейся распущенности. Такое объяснение имеет некоторое обоснование; но важнее то, что волнения умов, замечавшиеся и в Лифляндии, были признаками глубокого недовольства и искания новых лучших форм жизни. Архиепископ Михаил старался успокоить умы частными религиозно-церковными мерами. Он старался усилить почитание святых и учредил несколько новых монастырей, которым дал устав св. Франциска (в Кокен-

гузене, Лемзале, Газенпоте, Везенберге, Феллине; в Ревеле и Пернове его старания не увенчались успехом). И после Михаила ещё были учреждены монастыри, так, например, в 1514 г. в Дерпте женский монастырь францисканцев (III регулы), в 1521 г. доминиканские монастыри в Нарве и в Рахкюле при Везенберге. Рижские «чёрные головы» заказали ещё после 1503 г. в Любеке большую драгоценную серебряную статуэтку, существующую доныне, прежнего своего патрона св. Георгия, и в 1522 г. поставили при входе в свой дом изображения (тоже ещё существующие) Богоматери и св. Маврикия. Панихиды и молитвы за упокой души заказывались ещё в начале 30-х годов, а кое-где ещё позднее. Денежные ассигновки на эти цели, как видно из ревельских духовных завещаний, были очень значительны. (Архив рижского совета лишился многих бумаг вследствие пожаров, а дерптский архив того времени исчез).

В этих завещаниях есть немало следов истинно трогательного душевного беспокойства. Но число священников с каждым годом уменьшалось; ландтаг в 1513 г. постановил не предъявлять священникам преувеличенных требований — «ибо и они люди» — чтобы не совершенно их лишиться. Синодальные правила, изданные в 1505 г. эзельским епископом Иоганном Оргиесом указывают на недостатки церкви.

Сначала великий магистр хотел поручить управление Эстляндией провинциальному магистру и сделал таковым Бурхарда фон Дрейлебена, сложившего с себя ещё в декабре 1345 г. обязанности лифляндского магистра. Но уже в 1347 г. он передал Эстляндию лифляндскому магистру Госвину фон Герике, который так же, как и преемники его, до 1525 г. от имени великого магистра принимал присягу от городов и вассалов, выдавал наделы и творил суд. Орден щадил все особенности новых своих подданных. Ревель, в то время уже богатый и сильный торговый город, сохранил введённое в нём любекское право и при столкновениях с командорами находил внимание и сочувствие у магистров. Такие споры, какие

возникали между орденом и Ригой, стремившейся, правда, к большему могуществу, здесь остались неизвестными. Для рыцарей существовали при выходе из-под снисходительного датского управления более существенные опасения. Ибо здесь в областях Гаррии и Вирляндии образовалось ещё в конце XIII столетия прочно организованное дворянство, которое представляло и имело действительную силу. Путём переговоров была установлена военная повинность дворян. Епископ Ревельский ещё в датское время не имел большой власти даже в самом городе; уже рано епископские права в отношении к городским церквам перешли к городу. Епископ имел лишь надзор и суд. Уже в 1352 г. был сделан ревельским епископом член ордена Людвиг фон Мюнстер, и с тех пор орден остался более столетия патроном этого, правда, довольно не важного епископства, т.е. епископ не мог назначаться без согласия ордена. Члены капитула не были членами ордена, как в Курляндии, где орден действительно провёл инкорпорацию (см. выше). Ревельский епископ всегда оставался суффраганом лундского архиепископа; зависимость его, впрочем, была чисто формальная. В делах немецкого населения епископ Ревельский принимал участие и находился также в сношениях с рижским архиепископом.

После воссоединения Эстляндии, утраченной в 1238 г. по договору в Стенби (см. выше), немецкая колония в прибалтийском крае заняла пространство, за пределы которого она никогда не выходила.

ГЛАВА XI
Борьба ордена за преобладание

Архиепископы удалились из Лифляндии, чтобы не присутствовать при борьбе города Риги с орденом. Они поселились при курии в Авиньоне. Управление архиепископством перешло к соборному капитулу, на который вместе с тем была возложена задача поддерживать, следуя указаниям архиепископа, все его права. Вследствие сего между ним и орденом загорелся спор о верховной власти над городом Ригой или, следовательно, о действительности договора 1330 г. Кроме того, капитул требовал, чтобы орден приносил архиепископу ленную присягу, к чему он в теории был обязан, но которую он фактически считал излишней. Находясь в Авиньоне, архиепископ удобнее всего мог подавать жалобы на ненавистного противника. Епископ Дерптский настаивал тоже на том, чтобы орден признавал свою ленную от него зависимость. И епископ Эзельский поддерживал естественно притязания своих товарищей.

Архиепископ Фридрих умер в 1341 г., его преемник Энгельберт фон Долен, бывший дерптский епископ, тоже уехал в Авиньон и ходатайствовал о своих правах перед курией. Следовавший за ним владыка Фромгольд фон Фифгузен (с 1348 г.), родом из Любека и бывший член рижского соборного капитула, в 1350 г. даже приехал в Лифляндию, но затем в раздражении тоже удалился. По его просьбе в 1354 г. орден за непослушание был отлучен от церкви и на его владения наложен вердикт. При этом опять всплыли старые, отчасти никогда не доказанные обвинения против ордена.

О древней истории дерптского и эзельского капитулов мы имеем мало сведений. В это время эзельский капитул является «светским», т.е. составленным из каноников не монашествовавших. Дерптский капитул первоначально состоял из монашествовавших (августинцев), но около 1360 г. состав его был такой же, как и эзельского. Когда он был преобразован в этом смысле, мы не знаем. Члены одного капитула переходили в другой; случалось даже, что член эзельского или дерптского капитула делался членом ревельского и получал оттуда доходы. Случалось также, что мнения в одном капитуле расходились и что часть членов становилась на сторону ордена. Курия не признавала избирательного права капитулов в случае освобождения епископской кафедры и назначала епископов по своему усмотрению и тем усиливала существовавшее возбуждение.

Временного примирения удалось достигнуть на съезде представителей от ордена из Пруссии и Лифляндии, от архиепископа и некоторых епископов, происходившем в мае 1366 г. в Данциге. Посредником являлся великий магистр Винрих фон Книпроде. Орден сделал более и менее важные уступки, между прочим, он освободил город Ригу от присяги на верность ему, т.е. ордену, и был за то объявлен совершенно независимым от духовной власти; архиепископ никогда более не должен был требовать от него присяги. Этот договор не был утвержден курией и потому не мог вступить в силу. Примирение было недолговечно: архиепископ Зигфрид (1370–1374) был убежденный противник ордена, также как и его преемник, Иоанн фон Зинтен, бывший приор рижского капитула. Большим успехом в их глазах было то, что папа Григорий XI по их просьбе издал 10 октября 1373 г. так называемую «буллу о платье» (bulla habitus). Члены рижского капитула, как принадлежавшие к ордену премонстрантов, носили до сих пор белое платье, какое носили и орденские рыцари; теперь они стали носить черное платье августинцев, чтобы и в наружном своем виде выразить полную свою от ордена независимость. Вместе с тем было преобразовано устройство рижского капи-

тула: монастырское общежитие каноников отменено и отдельным каноникам отведены доходы от церковных имений.

В то же время происходило брожение и в других епископствах. Эзельский епископ Генрих, восьмидесятилетний старец, поссорился со своим капитулом. В конце концов каноник Больне заключил его в тюрьму и задушил там в Аренсбурге в 1381 г. Враждебные партии продолжали борьбу. В 1383 г. Дитрих Икскюль забрался в темную ночь с отрядом нанятых слуг в замок Гапсал, перебил всех жителей — духовных и светских, — ограбил церковь и арсенал и в заключение зажёг замок со всеми пристройками и жилищами каноников. Не сразу нашелся охотник занять освободившуюся кафедру. Авиньонский папа Клемент VII предложил ее Генриху фон Гессен (или Лангенштейн), вице-канцлеру Парижского университета, но он не желал уехать в варварскую страну, где были частые туманы, нравы грубы и пища проста (не так-то думали Мейнгард и его первые преемники за 200 лет до этого!); от другого, назначенного даже эзельским епископом, мы знаем только имя. Лишь в лице Винриха фон Книпроде, племянника великого магистра с тем же именем, приглашённого в 1383 г. и утверждённого в 1385 г., удалось найти епископа, нравившегося ордену и получившего утверждение от римского папы Урбана VI, на сторону которого стал после некоторого колебания орден.

Даже в курляндском (пильтенском) епископстве, которое один позднейший писатель называет «спокойнейшим», в котором орден имел менее всего ограниченную свободу, происходили в это смутное время насилия. Здесь принадлежала рижскому капитулу принесённая ему в дар приморская полоса Донданген и Таргельн. Курляндский епископ Оттон, член Тевтонского ордена, и, наверно, с его согласия, стал притеснять священников, собиравших десятину для рижского капитула. Курия поручила расследовать это дело комиссии, заседавшей в Любеке; епископ был отлучен от церкви (1384 г.)

И в дерптском епископстве происходили по случаю перемены на кафедре бурные события. Капитул избрал

в епископы Дитриха Дамерова, бывшего секретаря императора Карла IV, который был утвержден папой Урбаном VI, а орден поддерживал Альберта Гехта, бывшего пропста, опиравшегося на авиньонского папу Климента VII. Орден, правда, скоро изменил свою политику и перешёл на сторону римского папы. Но не легко было ему отделаться от бывшего своего друга. Гехт скоро овладел епископскими замками и в Нейгаузене вступил в переговоры с русскими. Только в 1380 г., получив от ордена крупные суммы и обещание, что орден ничего не предпримет против него, Гехт выдал замки и уехал из Лифляндии. Конечно, он поехал в Авиньон, где стал гоняться за доходными местами. Епископскую кафедру занял Дитрих, который, хотя и был обязан своим возвышением ордену, был его убеждённым врагом. Орден не мог препятствовать тому, что епископы сообща действовали против него, и дерптский епископ вмешался в его дело с архиепископом.

Против архиепископа Иоанна фон Зинтена орден принял более действительные меры. Он сумел найти приверженцев среди его вассалов. В числе их были многие находившиеся из-за имущественных вопросов в натянутых отношениях к архиепископу или каноникам. Орден поддерживал этих вассалов; обременённых долгами, он ссужал крупными суммами, за что они закладывали у него свои имения, а других (например, Питкевер), которых за нарушение ленного права церковь хотела лишить их имений, он спасал от этой опасности. Когда в 1388 г. рыцарь Герман Икскюль заложил у ордена свой замок и обширные земельные владения, архиепископ подал в курию жалобу на орден. Орден был отлучён от церкви, но вследствие того нисколько не отказался от своих действий против архиепископа. Он имел в руках доказательства совершённой этим последним измены и вызвал владыку на суд собрания представителей от всех сословий. До открытия этого собрания, весной 1391 г. Иоанн фон Зинтен с частью каноников удалился за границу и искал помощи не только у курии, но и у короля Венцеля. Орден же завладел архиепископскими замками и сумел

через своего представителя при курии подействовать на папу Бонифация IX, нуждавшегося в деньгах и возмущённого сношениями бежавшего архиепископа с германским королем. В ряде булл от осени 1393 г. до весны 1394 г. папа отменил все осудительные приговоры против ордена, назначил Иоанна фон Зинтена александрийским патриархом (т.е. лишил его всякого влияния), а Иоанна фон Валленродта (племянника великого магистра Конрада фон Валленродта) рижским архиепископом и разрешил ему вступить в Тевтонский орден. Папа даже издал такое распоряжение, чтобы никто в рижском архиепископстве не мог получить духовной должности, не сделавшись предварительно членом ордена, и чтобы капитул, как только большинство его каноников будет состоять из членов ордена, назывался капитулом не августианского, а Тевтонского ордена. Проведение этих распоряжений в жизнь привело бы к инкорпорации. Орден сделал, по-видимому, большой шаг вперёд на пути к единодержавию, к которому он стремился.

Но новый архиепископ не всеми был признан. Часть архиепископских вассалов, и во главе их восьмидесятилетний рыцарь Варфоломей фон Тизенгаузен, не хотели присягнуть и бежали к дерптскому епископу, тоже не желавшему присягнуть Иоанну фон Валленродту. Завязав сношения с бежавшими за границу рижскими канониками, он выставил в согласии с ними малолетнего принца Поммернштеттинского Оттона избранником архиепископства и заключил союзы со всем родом Оттона и с великим князем литовским Витовтом. Вместе с тем он приступил к обширным вооружениям и привлёк к себе многих, опасавшихся успехов ордена.

Орден со своей стороны не медлил. В июле 1396 г. он начал войну с дерптским епископом и вёл её беспощадно до февраля 1397 г. Так как литовцы на помощь не явились, то орден мог бы нанести своему противнику самое полное поражение, но он, не окончив борьбы, вступил в переговоры и сам себя лишил всех уже достигнутых выгод. Как в 1366 г., так и теперь хотели съехаться в Данциге и там восстановить мир. После долгих совещаний

договор был заключён 15 июля 1397 г.; многие вопросы были не разрешены: вопрос о возмещении понесённых с обеих сторон, как орденом, так и епископом, убытков остался открытым. На орден было возложено освободить вассалов епископств: рижского, дерптского, эзельского, курляндского — от безусловной воинской повинности, которую они должны были отбывать в походах по недавнему распоряжению папы. Таким образом, орден не только ничего не выиграл, но формально и в действительности понес существенный ущерб. Еще 12 июля последовало примирение архиепископа с бежавшими вассалами. В тот же день дворянство Гаррии и Вирляндии, тоже имевшее своих представителей в Данциге, получило от великого магистра Конрада фон Юнгингена важную привилегию, т.н. гнаде (милость); по этой привилегии наследственное право в ленных владениях распространено не только на оба пола, но и на все боковые линии до пятого колена, вследствие чего возможность возвращения ленных владений к верховному сеньору из-за недостатка в наследниках почти была устранена. И эта привилегия означает умаление прав ордена.

Однако и епископу Дитриху Дамерову это унижение ордена не принесло пользы. Он поссорился со своими же подданными и должен был летом 1400 г. уступить свою кафедру местному уроженцу, бывшему рыцарю и канонику, Генриху Врангелю. Дамерову, наделавшему много долгов, назначено было жалованье; он жил в Риге еще в 1408 г. Бежавшие, т.н. старые рижские каноники (в том числе пропет Иоанн фон Зост) не вернулись в свою церковь. Они выдали взятые с собою драгоценности и грамоты, орден же обязался выплачивать им жалованье. Первоначально определенный размер жалованья каноники признали неудовлетворительным, вследствие чего договор, уже заключенный, по-видимому, никогда не применялся. Некоторые из этих каноников встречаются в Любеке двадцать лет спустя. В Риге же был составлен новый капитул из членов Тевтонского ордена и в полной от него зависимости.

Архиепископ Иоанн Валленродт тоже не остался в Лифляндии; зависимость от орденских начальников сделалась для него невыносимой. Он уехал в 1403 г. из Риги и поступил на дипломатическую службу к королю Рупрехту. В 1405 г. он «отдал в наём» (это именно выражение употребляется) архиепископство ордену на двенадцать лет и после того туда приехал только один раз (в 1416 г.) и то на весьма короткое время. Эти ожесточенные споры создали странное и едва ли нормальное положение. В духовных делах отсутствовавшего архиепископа замещал декан капитула, в светских — лифляндский магистр. В качестве таких заместителей встречаются в грамотах Конрад фон Фитингоф (Vietingof) и Зигфрид Ландер фон Шпангейм (Spanheim).

ГЛАВА XII
Кёльнская конфедерация. Немецкий двор в Новгороде

Датский король Вальдемар IV, отказавшийся от Эстляндии, вновь завоевал прежние датские провинции на скандинавском полуострове, между прочим — Шонен. В 1361 г. он занял Готланд и разрушил город Висби. Вследствие сего Ганза начала с ним войну. Сперва война шла для нее несчастливо; при Гелсинсборге флот вендских городов был совершенно разбит (1362 г.), так что ганзейские города в ближайшие годы не могли возобновить войну. Но так как король, не довольствуясь этим, продолжал теснить Ганзу и затруднять торговлю её, то съезд представителей от многих ганзейских городов, происходивший в ноябре 1367 г. в Кёльне, постановил возобновить войну с ним. К этой «кёльнской конфедерации» присоединились также лифляндские города. Их депутаты, избранные из членов совета крупных городов, и эти совещания были для них хорошей дипломатической школой. Города же, высылавшие их благодаря участию в союзе, стремившемся к возвышенным целям, не отстали в общем культурном развитии. В это время происходили съезды представителей городов также в Лифляндии. Обыкновенно предметом совещаний служили торговые вопросы. В Лифляндии никто не тормозил торговлю взиманием таможенных пошлин. Теперь лифляндские ганзейские города, согласно решению кёльнского съезда, сами наложили на себя пошлину для покрытия военных расходов. Этот налог, взимавшийся ещё часто впоследствии, но всегда только в течение определён-

ного времени, получил название фунтовой пошлины (Pfundzoll), потому что он уплачивался с каждого фунта фламандских грошенов (весьма распространённой на Западе монеты) объявленной ценности товаров. Размер его составлял тогда немного менее процент, и он уплачивался со всех товаров привозимых и вывозимых. Пошлина взималась во всех городах, имевших отношение к ганзейскому союзу; в Нарве, никогда не принадлежавшей к союзу, она не существовала. В числе городов, где её платили, были Гольдинген и Виндава (Виндава служила гаванью для Гольдингена) и Лемзаль, который имел гавань на устье реки Залис и через эту гавань участвовал в заморской торговле. Рооп получил городовое положение от владетеля этой местности Вольдемара фон Розена.

Для ганзейского флота лифляндские города снарядили один большой и два мелких военных корабля. Война велась настойчиво и с успехом для Ганзы. В мае 1368 г. Копенгаген был взят и разорён, затем занята область Шонен. Осенью 1369 г. был заключён мир с Данией в Стральзунде. Условия его были для Дании сравнительно довольно выгодны, и тем не менее Дания не исполнила их в полном объеме. Княжеская власть усиливалась; Мекленбург и Померания вступили в родство со скандинавскими династиями. Составленная в 1397 г. в Кальмаре при королеве Маргарите, дочери Вальдемара IV, уния трёх скандинавских королевств составляла при всех своих недостатках большую для Ганзы опасность. Но в XV веке ганзейский союз, несмотря на серьезных соперников, в числе которых выступали голландцы, сохранил преобладание среди государств северной Европы, занимавшихся морской торговлей.

Торговля с востоком всегда имела важное значение для лифляндских городов. Рига забрала еще в XIV столетии в свои руки немецкую контору в Полоцке; зато с ковенской конторой она не имела сношений; этой конторой пользовался более всего Данциг. В этом отношении всё зависело от речных путей.

Главный торговый пункт на востоке был все-таки Новгород; здесь были две конторы, или двора: готский

двор, процветавший ещё до открытия Лифляндии, и немецкий двор Св. Петра. Правила о времени отправления (летом и зимою), о путях (сухой и морской) в Новгород, об управлении старост, о дозволенных и недозволенных товарах, о сожитии находившихся в Новгороде немецких купцов были собраны и записаны в т.н. скра. Такие скра сохранились — от, приблизительно, 1269 г. (по счёту Гельбаума), 1296 г., от начала XIV столетия, и позднейшая — от 1514 г. Сравнивая их, мы замечаем, каким изменениям подвергалась немецко-русская торговля в течение времени. Четверо старост (из купцов из Висби, Любека, Зоста, Дортмунда) должны были первоначально иметь ключи от ящика в г. Висби, в котором хранились денежные капиталы новгородской конторы. Постепенно руководство конторой перешло сперва к Любеку, а затем, в течение XIV и XV столетий, к лифляндским городам. В то время Рига управляла двором, хотя как и прежде купцы из всех ганзейских городов ездили в Новгород, а купцы из городов, не принадлежавших к Ганзе, вовсе не допускались. Когда рижские купцы перестали торговать с Новгородом, Ревель и Дерпт получили главное влияние. Частые войны сильно вредили немецко-русской торговле; бывало, что торговля во время войны совершенно прекращалась и возобновлялась только после заключения мира.

Считаю уместным здесь напомнить читателю о том, что южногерманские города, преимущественно Аугсбург и Нюрнберг, не имевшие, впрочем, никогда подобную ганзейскому союзу организацию, содержали в Венеции контору для восточной торговли (il Fondaco de Tedeschi), которая имела большое сходство с новгородской конторой. Отдельные северогерманские купцы, главным образом из Любека, ездили в средние века тоже в Венецию.

Торговые нравы всё более суживали свободу действий и всё более стремились ограничить конкуренцию иногородних купцов. Уже в XV столетии распространилось правило, «что гость (приезжий купец) не должен торговать с гостем», и на лифляндские города. Гостю разреша-

лось товары закупать и вывозить, но не продавать другому гостю. Подобные ограничения, имевшие целью устранить по возможности внешнюю конкуренцию, встречались в то время везде. Также для кредитных отношений существовали разные правила. Получать ссуды под залог товаров, которые в данное время на месте ещё не находились, а должны были быть доставлены через некоторое время, было совершенно запрещено; тем не менее это тайно практиковалось. Размер процентов имел убывающую тенденцию: в XIII и XIV столетиях платили от 10% до 12 %, после 1400 г. уже только от 6% до 8%.

ГЛАВА XIII
Правовые отношения

Страна, с судьбой которой мы знакомимся, была немецкой колонией и зависела от тех главных сил, которые в средние века вели беспрерывную борьбу между собою: от императора и папы. Первый, в это время уже потерявший большую долю прежнего своего могущества, лишь изредка давал чувствовать своё влияние. Но уже епископ Альберт был ленником императора и получил регалии от него; нам известны также сношения дерптского и эзельского епископов с империей, и орден испрашивал от императора утверждения важных привилегий. Папство же пыталось в Лифляндии осуществить новую и великую идею, и смысл древней истории Лифляндии остается совершенно неясным, если мы не принимаем во внимание влияние папства и западноевропейских церковных порядков. Орден следует рассматривать как духовное государство, а духовные государства не могли не зависеть от церкви. Естественно, что мы наблюдаем зависимость колонии от метрополии и в общекультурном отношении. Развитие правовых отношений, политического устройства, как территориальных, так и городских государств, движение в областях литературы и художества происходили в том же направлении и на тех же основаниях, как и в Германии. При этом в большинстве случаев образцы брались из северной Германии, ближе лежавшей, из которой приехали и основатели колонии. Но не рабски перенимались учреждения Германии; насаждая германские порядки в колонии, колонисты умели приноравливать их к местным потребностям.

Рига получила уже рано автономию, т.е. относительно городского устройства независимость от епископа, которому была обязана своим существованием. В 1226 г. город имел уже совет, членов которого жители избирали, а также другие основные права и свободы (суд, управление, право распоряжаться землёю, назначать налоги, объявлять войну). Первоначально рижане придерживались готландского права, но уже в XIII столетии оно было вытеснено гамбургским правом (гамбургский статут от 1270 г.). Из него образовалось в течение времени рижское право, которое было принято и в других городах Лифляндии: в Дерпте, Гапсале, Феллине, а также впоследствии в городах Курляндии — Гольдинген, Виндава, Пильтен, Газенпот. (О древнейшем устройстве этих городов мы не имеем сведений). В сомнительных случаях мелкие лифляндские города обращались к Риге. Ревель, имевший сначала тоже готландско-рижское право, принял окончательно любекское право, которое король Эрих IV ввёл в Ревеле в 1245 г., и орденский магистр Госвин фон Герике вновь подтвердил в 1348 г. любекское право из Ревеля и, если Ревель не находил удовлетворительного решения, в Любеке. Верховный суд («Oberhof»), находившийся до XIV столетия в Висби а затем в Любеке, остался до конца XVII столетия высшей судебной инстанцией для всех городов с любекским правом, и приговоры его были безусловно обязательны.

Дополнения к городскому праву, т.е. собрания постановлений городских советов, назывались «Burspraken» (Burgersprache, Civiloqium). Они от времени до времени прочитывались перед ратушей для всеобщего сведения и, конечно, на немецком языке (рижская «Bursprake» от 1376 г. написана на немецком языке). Эти собрания знакомят нас с развитием городских прав в средние века; в них содержатся изменения и прибавления, вытекавшие из потребностей места и времени. Каждая «Bursprake» была действительна лишь в том городе, где она была составлена. Вследствие сего мы находим в Риге, Дерпте, Ревеле, Старом и Новом Пернове, Виндаве, Феллине дополнения, хотя и возникшие при весьма сходных условиях, но во многом значительно друг от друга отличающиеся.

Писцами при городских советах состояли в первое время исключительно духовные лица, которые предпочитали писать на языке церковном, т.е. латинском. На этом языке писались до XIV столетия все городские книги, представляющие важные источники для истории городов. Сюда относятся долговые, счетоводные, земельные, ипотечные и другие книги, в которых городская жизнь со всеми своими проявлениями находила отражение. В этих книгах мы находим богатый материал не только для истории права, но и для истории культуры вообще. Они сообщают нам в высшей степени ценные сведения для истории отдельных мест и личностей, расширения территории городов, состава населения, строительного и монетного дела.

Мы уже сделали некоторые указания на развитие товарищеских (корпоративных) учреждений в нашем крае. Уставы гильдий и цехов (это название вошло позднее в употребление), так назыв. «Шраген» (первоначально свёртки, позднее листы и книги), составлялись и записывались параллельно с городским правом и теперь служат важным источником для истории торговли и промышленности, главных устоев городской жизни. Составление этих уставов происходило не без участия совета, который утверждал их и позднейшие добавления к ним и следил за их применением. Даже столь своеобразное товарищество, каким являются «черные головы» (Schwarze Haupter), бывшие все иностранцами и, следовательно, не находившиеся под властью городского управления, которое лежало в руках совета и Великой и Малой гильдий, сносилось при составлении своего устава с городским советом. Рижские уставы (шраген) изданы В. Штидой и К. Меттигом (1896 г.), историю рижской гильдии Св. Иоанна (Малой гильдии) составил Фр.Брунстерман (1902 г.).

Своеобразная попытка, в виде так назыв. «Фемгерихта» (тайного суда), составить во времена полного упадка государственных судебных учреждений нечто в роде частного суда, возникшая в Вестфалии, «на красной земле», оказала некоторое влияние даже в прибалтийском крае.

В Эстляндии было записано ленное право. Здесь жили почти только вассалы немецкого происхождения, и король Эрих VI Менвед в 1315 г. утвердил для них так назыв. вальдемаро-эриховское ленное право, распространившееся с разными изменениями и на другие части края. («древнейшее рыцарское право»). Под влиянием «саксонского зерцала», свода, составленного в Магдебурге в промежуток времени от 1215 до 1235 г. неким Эйке фон Ренгов первоначально для частных нужд и получившего скоро общеофициальное значение, было составлено викэзельское, так назыв. «среднее рыцарское право». Древнейшая сохранившаяся земельная книга (Liber census Daniae, составленная скоро после 1240 г.) тоже относится к Эстляндии. Так назыв. Wakenbucher, т.е. книги, в которых определялись повинности крестьян перед помещиком, сохранились из средних веков только в небольших отрывках, которые однако вместе с кое-где встречающимися известиями доказывают, что такие книги и, следовательно, такие определения существовали сравнительно рано. Кроме книг для той же цели существовали бирки (и даже ещё до половины XIX столетия).

Римское право ещё не проникло сюда; в области права господствовали древнегерманские воззрения, в числе их и то, что обвиняемого должен судить суд, составленный из крестьян. Мотивировать приговор должен был председатель суда (каковым мог быть и крестьянин), а произносить приговор — особый назначенный член суда (Urteilsmann).

ГЛАВА XIV
Источники древнего периода лифляндской истории

Главные источники, из которых мы черпаем исторические сведения, суть исторические сочинения и грамоты. Но хроники существуют не для всех периодов истории, и даже для тех, для которых они существуют, грамоты как средство контроля и проверки имеют большое значение. Кто не обращает на них внимания, непременно впадает в заблуждение. Уже в конце XVII столетия и в XVIII столетии некоторые к Лифляндии относящиеся грамоты были напечатаны, но в сборниках более общего содержания (Kaspar von Geumern Theatridum Livonicum, Patkuls Deduktionen). Первое более содержательное, обнимающее значительный период собрание лифляндских грамот составил каноник М. Догель (Godex diplomaticus. Том V. Вильна 1759), который имел доступ к польскому государственному архиву. Большая часть напечатанных им грамот находится в старом архиве Тевтонского ордена в Кенигсберге, куда был переведён также архив из Мариенбурга. Точно также в Кенигсберге хранятся грамоты из периода от 1200 г. до 1600 г., с которых около 1800 г. за счет балтийского дворянства были отчасти сняты копии, отчасти сделаны регесты и перечень которых напечатал К.Э. Напьерский в Index в 1833–1835 гг. В то время ещё не решались публиковать полный текст грамот, который не может быть заменён более или менее полными извлечениями. Только Фридрих Георг фон Бунге предпринял это смелое дело и, поддерживаемый благородными покровителями, стал собирать всякого рода сохранившиеся

грамоты и публиковать их. В 1853 г. был напечатан первый том его собрания, получившего название Liv-, Est-, Kurlandisches Urkundenbuch, и до 1873 г. им же выпущены ещё пять томов. Затем собрание при содействии дворянства и городов продолжали г. Гильдебранд (Тома 7, 8, 9) и Ф. Шварц (Тома 10 и 11) и А. фон Бульмеринк (Т.12). Ныне это издание доведено до 1471 г. Вместе с тем было предпринято Л. Арбузовым новое собрание грамот, начиная с 1494 г. Это издание пока обнимает три тома и доходит до 1510 г., акты и грамоты ландтагов и городских съездов издаются отдельно; первый выпуск, обнимающий время от 1304 г. до 1404 г., обработанный О. Ставенгагеном, вышел в 1907 г., третий выпуск, обнимающий время от 1494 г. до 1535 г., обработан Л. Арбузовым. Акты, относящиеся к ганзейскому союзу и весьма важные и для Лифляндии печатаются в двух капитальных собраниях: 1) Hanserezesse до 1500 г. (до сих пор 23 тома изданы К. Копиманом, г. фон дер Роппом, Д. Шеффером) и 2) Hansisches Urkundenbuch (грамоты до 1500 г.), рассчитанное на 11 томов и изданное К. Гельбаумом, К. Кунце и В. Штейном.

Молодая, только что основанная колония нашла историографа в лице Генриха, немецкого священника, несправедливо называвшегося латышом. Он был только священником латышей. Так внимательно, как он, наблюдает только иностранец. Он был учеником епископа Альберта и находился в Лифляндии уже в 1208 г., служа миссионером. Он научился говорить как по-латышски, так и по-эстонски; часто он находился при начальствовавших лицах, так что был свидетелем важных событий. Другие известия он получал от знакомых; ему был открыт доступ к архиву епископа. Он начал свой рассказ с деятельности Мейнгарда и довел его до 1227 г., стало быть не до смерти Альберта (17 января 1229 г.). Легат Вильгельм Моденский побудил его составить исторический труд. Генрих был духовным лицом и служил церкви, но его нельзя было обвинить в пристрастии. Он ведёт своё повествование просто и бесхитростно, считая по годам правления Альберта, начинавшимся весною. По меткому выражению Курта фон Шлецера, он описал героичес-

кий период лифляндской истории. К сожалению, он не составил продолжения своего труда, хотя он в 1259 г. был еще в живых и жил тогда священником в Папендорфе.

Из другой среды произошёл автор старшей лифляндской рифмованной хроники (Reimchronic), изд. Leo Meyer в 1876 г. Имя и положение его нам не известны, но мы можем предположить, что он не был духовным. Может быть, он был рыцарем или орденским слугою («Ordensdiener»). Хроника описывает в 12.017 стихах события с самого начала до 1290 г., более отдалённые сильно путая, и была написана скоро после 1290 г. Язык её — так называемый средненемецкий; поэтический талант автора довольно выдающийся. Он вводит в свой рассказ мелкие оживляющие черты, наблюдает жизнь как природы, так и простых обывателей и умеет выражаться на языке народном. Эта черта напоминает о процветавшей одновременно поэзии странствовавших певцов (Spielmannsdichtung). Он ценит воинские доблести также у неприятеля. Начиная с 1280 г., он был свидетелем описанных им событий; данные о прежнем времени он черпал из устных, но и из письменных, ныне уже не существующих источников.

От летописей, ведённых в Риге и Дюнамюнде, мы имеем только отрывки; точно также сохранились только в отрывках списки умерших (некрологи), притом в позднем переводе. Сохранившиеся отрывки составлены для ордена в Роннебурге.

В XIV столетии нашёлся, в лице орденского капеллана Варфоломея Гунеке (Hoenecke) из Оснабрюка, писатель, составивший, по всей вероятности, на нижненемецком наречии продолжение рифмованной хроники. К сожалению, это сочинение в полном виде, изображавшее время от 1315 г. до 1348, до сих пор не отыскано и, может быть, совершенно утеряно. Мы знаем его только по отрывкам, встречающимся в других сочинениях.

Другой орденский капеллан Герман фон Вартберге написал на латинском языке хронику, идущую до 1378 г. Из иностранных сочинений мы отметим рифмованную хронику прусского рыцаря Виганда фон Марбурга, описывавшую время от 1298 г. до 1398 г., так как

она касается также Лифляндии; но от неё сохранились только небольшие отрывки. В XV столетии эта хроника была переведена на латинский язык, но перевод не может заменить подлинник. О других, менее важных, сочинениях мы здесь не говорим.

О началах драматического искусства в Лифляндии мы находим указания уже в хронике Генриха. Как везде, так и здесь, первые драматические представления устраивались церковью. Так, во время великого поста 1206 г. в Риге давались представления, содержание которых было взято из писаний пророков. Зрителям давали переводчики необходимые объяснения. Когда была представлена борьба Гедеона с филистимлянами, то крестьяне, бывшие в числе зрителей, так испугались, что убежали.

О литературе туземцев ни в этот период, ни в ближайшие следовавшие за ним не может быть речи. Гердер указал на народные песни латышей. Эти песни отчасти очень старинны и передавались долго устно от одного поколения к другому. Между прочими Барон сделал богатое собрание латышских народных песен. Народную поэзию эстов изучал Яков Гурт (1907) г.)

Особую ценность имеет эстонский национальный эпос Калевипоиг (= сын Калева), некоторые части которого возникли очень давно. Финляндские финны имеют подобный эпос. Первоначальный вид его однако нам неизвестен, хотя новейшие исследователи, в том числе Др. Ф.Р. Крейтцвальд в Верро, много работали над этим вопросом. То, что мы имеем, есть позднейшая переработка с разными добавлениями. Калевипоиг переведён на немецкий язык К. Рейнталем, Д-ром Бертрамом (псевдоним Гоерга Юлиуса Шультца) и в новейшее время Ф. Леве.

ГЛАВА XV
Кое-что из истории культуры; внешнее устройство городов; церковное зодчество

Заселение Лифляндии немцами происходило в связи с беспрерывными войнами. По мере завоевания страны распространялись участки (лены) немецких вассалов или дворы (аллоды), первоначально укреплявшиеся валом, рвом и деревянным забором. Строить каменные укрепления было привилегией, которую давала верховная власть и которую получили далеко не все вассалы и то в позднейшее время. Каменные укрепления были в Фикеле, Рингене, Кавелехте, Роопе, Гохрозене, Каленцау, Берзоне, Эрле и др. Пришельцы приспособляли свои сельскохозяйственные работы к климатическим и другим особенным условиям новой родины, и нельзя сомневаться в том, хотя и нет на то прямых указаний, что они приобретённые прежде знания и опыт применяли также на новых местах. Немцы получали более обильные урожаи, чем туземцы, ведшие свое хозяйство ещё долго самым первобытным способом. В свободной земле не ощущался недостаток, хотя и некоторые области оставались необработанными вследствие бесконечных войн туземцев между собой и литовских набегов. Рабочие силы доставались не без труда. Сначала военнопленные (Drellen) обращались в рабочих. Повторявшиеся в разных областях восстания привели к тому, что свобода сельских жителей подвергалась ограничениям. Но многие жители еще пользовались полной свободой и владели землёй, которую обрабатывали. Древнейшая ленная

грамота, которую мы знаем, дана была ливонцу Манегинте из Зегевольда магистром Вено, следовательно, до лета 1209.

По всему краю рассеяны так назыв. крестьянские замки (Bauernburgen), которые имели соответственно данной местности очень различные формы и величину, но часто могут быть опознаны до настоящего дня. Это были земляные укрепления иногда небольших размеров, иногда обширные с двояким и трояким валом. Во встречавшееся редко мирное время в этих замках находился гарнизон. При опасности они служили убежищем для всего окрестного населения. Не раз неприятель должен был под таким замком повернуть назад. На земляных укреплениях некогда стояли деревянные постройки с выступавшими башнями; описания их в древних хрониках дают возможность сделать себе о них некоторое представление. Обгоревшие остатки указывают нам, что деревянные постройки большей частью погибли от огня. Каменные постройки в них вовсе не встречались, туземцы не знали известкового раствора. Также и огромные из камней сложенные кольцеобразные валы, встречающиеся редко и только у эстов, не показывают никаких следов какой-либо замазки. Вал в Варболе в Гаррии существует поныне: вал на острове Моон лишь недавно разрушен, когда камни его понадобились в другом месте. Первые каменные замки построены в нашем крае немцами.

Первые города возникли здесь также в XIII столетии. Рига всегда была самым большим городом. Число жителей городов в средние века невозможно определить. Территория, которую города занимали, в некоторых случаях, так в Риге и Ревеле, может быть указана по остаткам городских стен и другим приметам. В Дерпте пространство между гостиным двором и Карловой было занято предместьем; в противоположном направлении город простирался немного дальше, чем ныне; возвышение, на котором стоял собор (Domberg), принадлежало епископу; на другой стороне реки Эмбаха находились сады и огороды. В средние века люди жили теснее, и в городе находились кроме жилищ ещё склады и мастерские.

Вдоль городского рва расположены были огнеопасные мастерские, раньше всего кузницы, в которых в то время делалось всё, для чего ныне имеются различные мастерские. Все помещения дома, начиная с подвала и кончая чердаком, были так или иначе использованы. Уличные фасады домов были узки, зато дома имели значительную глубину; дворы или вовсе не существовали, или были очень невелики. Жители были очень стеснены; весьма понятно, что они с таким нетерпением ждали Пасхи и вместе с нею наступления весны.

Строительное искусство явилось сюда также только в конце XII столетия. И в Западной Европе романский стиль держался до XIII столетия, лишь кое-где уступая переходному и в редких случаях новому, из Франции переходившему готическому стилю. В прибалтийском же крае зодчие были еще консервативнее. Хотя позднейшие поколения на церковных и светских строениях очень многое изменили по вкусу времени, всё же многое в романском стиле сохранилось. Так, в Риге уцелели каменные колонны около собора, несколько веков бывшие закрашенными. Само здание собора, особенно колокольня, подвергались неоднократным изменениям. В старой Риге, кроме соборного участка и участка, принадлежавшего к замку, было два прихода — св. Петра и св. Иакова. Церковь св. Петра, ныне существующая, построена в начале XV столетия строителем Иоанном Румешоттелем из Ростока. Колокольня её построена была позднее, но и её уже ныне нет. Церковь не раз делалась добычей огня. Ныне стоящая тонкая и высокая, из трёх этажей состоящая колокольня, господствующая над Ригой, построена строителем Иоанном Генрихом Вюльберном в 1746 г. по старым планам страсбургского архитектора Рубберта Бинденшу (1688 г.), творение которого погибло в мае 1721 г. от удара молнии. Главные части церкви св.Иакова построены ещё в XIII столетии, но позднейшие перестройки совершенно изгладили первоначальный их характер. Церковь св. Иоанна принадлежала к доминиканскому, а церковь св. Екатерины — к францисканскому монастырю. Лестницеобразный фронтон первой церкви

указывает на прусский образец; она возникла в конце XV столетия. Остатки второй церкви сохранились в одном доме в Сарайной улице. Также поныне стоит здание бывшей церкви св.Георгия, возникшей в начале XIII столетия, но оно служит уже более 400 лет амбаром. Ратуша построена только в XVIII столетии, а верхний её этаж ещё позднее. Первая ратуша стояла, по всей вероятности, на том же месте. Напротив ратуши находящийся дом «чёрных голов» построен в первой половине XIV столетия. Высокий передний его фронтон сооружён только в XVI столетии, а некоторые украшения ещё позднее; задний фронтон стариннее, пристройки носят интересные барельефы, сделанные в 1522 г. В доме большой гильдии есть очень старинный зал. На городской земле, окружённой стенами, уже в XIII столетии лежало два дворянских двора: Розенгоф (близ монастыря миноритов) и Резенгоф (в старом городе).

В Ревеле главный собор (Ritter- und Domkirche) был построен уже в XIII столетии, но он несколько раз перестраивался вследствие больших пожаров (в мае 1433 г. и в июне 1684 г). Точно также церкви св. Николая (покровителя моряков) и св. Олая встречаются уже в XIV столетии. Нынешний вид церковь св. Олая с чрезвычайно высокой и острой колокольней получила лишь после опустошительного пожара в 1820 г. на основании старых планов. От церкви св. Екатерины, принадлежавшей к доминиканскому монастырю, уцелели небольшие остатки среди позднейших построек. Вокруг ратуши прежде находился крытый ход, а вблизи от неё красивый домик в чистом стиле ренессанса для городских весов. Долго держался здесь готический стиль. Это видно, между прочим, из сохранившегося городского герба, приделанного в 1529 г. к воротам, идущим к морскому берегу (так назыв. Strandpforte). Чрезмерно тонкие колокольни ратуши и церкви св. Духа воздвигнуты в XVII столетии. От старых городских стен сохранились значительные части и целый ряд башен, в том числе так назыв. Dicke Margarete, Kiek in de Kok. За пределами города в начале XV века (1407-1436) был построен монастырь св. Бригитты (или

вернее Биргитты). В городе находились еще дворы (или дома) феллинского командора, иервенского фогта, аббатства Фалькенау и Падис. Дворяне имели дома около самого собора. И в Ревеле, как и в других городах, много старинных предметов погибло навсегда, благодаря преувеличенным представлениям о требованиях нового времени.

Гансальский собор есть самая большая церковь с одним кораблём не только в прибалтийском крае, но вообще в пределах германской архитектуры (36+11,5 метр. по Dehio). Он был тесно связан с замком и построен во второй половине XIII столетия. Тем не менее, многие детали на нём носят чисто романский характер, рядом с ними встречаются раннеготические узоры. В замке в Аренсбурге на Эзеле, обитаемом до сих пор, уцелели как снаружи, так и внутри многие старинные особенности. В церкви в Каррисе, тоже на Эзеле, мы находим мраморные скульптуры. Каменные постройки возводились из кирпича, только в Эстляндии употребляли чаще добываемый на месте известняк.

В Дерпте, нужно полагать, был тоже рано построен собор. Но величественное здание, развалины которого производят ныне столь сильное впечатление на зрителя — некогда собор св. Петра и Павла — возникло только в XIV столетии. При постройке служила образцом любекская церковь св. Марии, позднее сооружённые хоры создал художник из школы Парлеров в Гмюнде, которые славились в конце XIV столетия и построили, между прочим, церкви во Фрейбурге, в Брейсгау, в Коллине и Куттенберге. Эти хоры назывались ещё в 1477 г. новыми. Это объясняется тем, что в средние века подобные постройки строились очень долго. В ночь на день св. Иоанна 1624 г. близ собора был разведён костер, от которого произошёл пожар, разрушивший все деревянные части и крышу. Обе колокольни стояли ещё около 150 лет и были снесены только в 1764 г. в связи с работами по укреплению Дерпта. Церковь св. Марии стояла на месте нынешнего университетского здания и уже давно совершенно исчезла.

Другая церковь св. Иоанна существует поныне; на ней замечателен рельеф, сделанный и выжженный из глины подобно кирпичам. Аббатство Фалькенау имело двор в Дерпте. Дерпт особенно страдал от больших пожаров, каковые случались в 1261, 1329 (погибло около 2500 людей), 1335, 1667, 1708 и 1775 годах и которые способствовали переменам во внешнем виде города. Только новейшие исследования Р. Отто пролили свет на многочисленные монастыри в Дерпте и их местоположение. Они находились на улице, ныне называемой Магазинной; только женский монастырь св. Екатерины лежал на склоне домберга и простирался до Старого рынка и Широкой улицы.

Есть также старинные сельские церкви, и было бы весьма желательно позаботиться о сохранении их, наравне с другими памятниками старины. По нынешней форме и основному плану можно эти церкви разделить на территориальные группы. В Курляндии нет особенно старых зданий; и в городах нет церкви, построенной раньше XVII столетия. От Старого собора в Пильтене так же, как и от епископского замка, сохранились лишь развалины. Относительно церкви св. Сильвестра в Пильтене даже не известно, в каком месте она находилась.

Следы стенной живописи конца XIII столетия сохранились в Риге в соборе и в церквах св. Екатерины и св. Иакова. От более древнего времени живописных произведений мы не имеем. Имена живописцев встречаются в Риге и в Ревеле в XV столетии. В Ревеле сохранились произведения любекских художников конца XV столетия, на которых лишь новейшие исследователи обратили внимание (Герман Роде, работавший с 1468 до 1501 г., и Бернт Ноткен — 1440-1517). На великолепном алтаре, находящемся ныне в доме «чёрных голов» в Ревеле, заметно некоторое влияние Ганса Мемлинга; в ревельской церкви св. Николая имеется алтарь голландской работы начала XVI столетия, к сожалению, искажённый позднейшими дополнениями. Там же находится интересная картина (XV столетия), изображающая пляску мёртвых. В указанных алтарях в церквах св. Николая и св. Духа в Ревеле

замечательны деревянные резанные части; выдающиеся резные работы, отражающие смерть св. Марии (в доме большой гильдии в Риге) и венчание св. Марии (в церкви в Кармеле на Эзеле), — обе возникшие в XV столетии.

Из художников других специальностей встречаются многочисленные золотых дел мастера. Устав их цеха в Риге составлен в 1360 году. Замечателен большой ковчег, который ревельский золотых дел мастер Ганс Риссенберг в 1474 году сделал для церкви св. Николая и который свидетельствует о чрезвычайном даровании своего автора. Это произведение сохранилось и ныне находится в Императорском Эрмитаже в С.-Петербурге. Там же сохраняется хрустальный рог в серебряной изящной оправе, изготовленный в первой половине XVI столетия, вероятно, тоже в Ревеле и некогда принадлежавший некоему Бруну Дрольсгагену. Жители Риги и Ревеля делали заказы также у заграничных, преимущественно любекских, мастеров. Серебряная статуя св. Георгия 1507 г., находящаяся в доме «чёрных голов» в Риге, есть иностранное произведение. Древнейшие сохранившиеся колокола сделаны в XV столетии. В Риге сохранились пушки с красивыми украшениями XVI столетия.

ГЛАВА XVI
Архитектура замков до XV столетия

Можно предполагать, что на месте некоторых замков, как и некоторых в глуши находившихся церквей, первоначально стояли деревянные постройки, но немногие из этих деревянных строений стояли долго. Обыкновенно их скоро заменяли солидными каменными постройками. Хронологический перечень замков мог бы дать ценные указания о времени и ходе завоевания страны и этим дополнить часто довольно бедные письменные источники. Но такого перечня пока у нас нет. Некоторые замки, наверное, существовали раньше, чем упоминаются в наших источниках, о других мы ничего более не узнаем, но нельзя сомневаться, что они продолжали существовать. Такие замки, рано потерявшие первоначальное значение, были: Ватах, Тальсен, Цабельн, Туккум в Курляндии; Нитау, Шуен, Лембург, Юргенсбуг в южной Лифляндии, наконец, Арраш близ Вендена. В Адзеле сначала жил командор, но когда был построен далее на востоке Мариенбург, он уступил этому последнему свое значение. Точно также, должно быть, первоначальная роль Волькенбурга перешла к Динабургу, Лудсена к Розиттену, Альтоны к Ашерадену. Зато мы ничего не знаем о первом времени замков Вольмар, Трикатен, Эрмес, Руен, Буртнек.

Камни для фундаментов встречались везде. Для этой цели служили разбросанные по всему краю эрратические камни или плита, которую ломали в руслах рек. В Вассуламе ломали мрамор, который употреблялся при постройке Мариенбурга в Пруссии. Из Ревеля даже

вывозили надгробные камни. Для верхних частей построек употребляли кирпич, а в Эстляндии известняк. Кирпичи были высокого качества и делались от времени еще крепче. Вследствие этого строители позднейшего времени охотно пользовались старыми кирпичами, и несколько замков совершенно исчезли с лица земли именно благодаря тому, что материал их был взят для новых построек (например, Гольдинген). Украшения, найденные в Вендене и особенно в Феллине, доказывают, что и в старое время старались удовлетворять художественные потребности. Так как они имеют романский характер, то они принадлежат древнейшей эпохе (Венден построен до 1210 г., Феллин — около 1225 г.).

За исключением древнейших сооружений Икскюль и Хольм все замки были построены на местах, указанных стратегическими соображениями; лишь впоследствии они стали центрами просвещения и управления. Отчасти они появились на месте или вблизи старого крестьянского замка (Bauernburg), иногда сохраняя старое название в германизованной форме (Феллин из Филиенде). Чаще всего строили замок на возвышении, но встречаются замки и в низменных равнинах, на берегах рек, как, например, Митава, даже в болотистой местности, Цабельн на реке Абау в низменном месте, хотя недалеко есть значительное возвышение, на морском берегу (Тольсбург, Пернов, Бауск, последний между двумя реками), на берегу озера (Феллин, Мариенбург). Замки имели разное назначение, одни защищали дороги на суше, другие переходы через реки. План замка зависел от устройства поверхности; главное здание строилось, обыкновенно, по установившейся в ордене традиции, в виде квадрата; в нём помещались церковь, помещения для собраний (Remter), общие столовые (Refectorien) и общие спальни (Dormitorien) и отдельные помещения для начальников. Заседания суда происходили в крытых ходах. Орденские замки были, в конце концов, ничто иное, как укреплённые монастыри, служившие одновременно и казармами; точно также наши источники называют укреплённые аббатства (Дюнамюнде, Фалькенау, Падис)

«castra». Хозяйственные постройки вместе с огородами находились во внешнем укреплении (Vorburg). Некоторые замки имели несколько таких укреплений. За пределами укреплений обыкновенно образовывалось селение (Hakelwerk) и иногда из него настоящий город. Епископские замки были проще и меньше, так как в них не нужно было иметь столько же помещений, но и здесь приходилось устраивать жилища для многочисленных слуг. Вассалы с разрешения своих сеньоров тоже строили замки, например, Берзон, Эрла, Гросс-Рооп, Гох-Розен, Зоммерпален, Вердер, Фикель, Педдес, Этц.

Рижский епископ имел уже в старом городе замок, который он впоследствии подарил доминиканскому монастырю св. Иоанна. После пожара в 1215 г. новый собор и с ним епископский замок были построены на самом конце нового города, окружены стеною и рвом отделены от города.

(Уже предшественники Оргиеса издавали подобные правила, но те не сохранились). Оргиес старался в духовенстве своего епископства установить более строгий порядок, убедительно просил священников действительно заботиться о религиозных нуждах своих прихожан, запрещал всё более распространявшееся ростовщичество. Преемник его Иоганн Кивель, находивший ещё более недостатков, действовал в том же направлении.

Наши источники не говорят о том, как именно произошла перемена религиозных воззрений. Мы можем проследить только внешний путь, по которому распространилось в нашем крае учение виттенбергского монаха. Сперва ждали церковной реформы от папы; когда выяснилось, что реформа от верховного первосвященника не будет предпринята, всеми овладело глубокое разочарование и тем охотнее все приняли новое учение. Но в духовных государствах Лифляндии новое учение должно было встретить сильное противодействие. Тем не менее, оно удивительно скоро распространилось; в городах приняли его раньше всего простые обыватели, «чёрные головы», купеческие гильдии, увлекшие за собой членов правительственных коллегий, естествен-

но более консервативных и опасавшихся социальных переворотов. И дворянством овладело сильное волнение. Затем движение приняло более тихий ход; обнаружились затруднения. Некоторые группы населения особенно сильно страдали от нововведений, так, например, монашество, и епископы принимали меры против новаторов, но введение реформации в Лифляндии обошлось без крови мучеников.

Ещё до 1520 г. существовала в Трептове на р. Рега в Померании знаменитая школа под управлением двух выдающихся учёных Иоганна Бугенгагена и Андрея Кнопкена. Эта школа в 1521 г. была закрыта по распоряжению Эразма Мантрейфеля, тогда ещё коадъютора, ибо престарелый каминский епископ Мартин Карит был ещё в живых, потому что в ней обнаружены были реформационные идеи. Кнопкен тогда, вместе с несколькими учениками, бывшими из Лифляндии, переселился в Ригу, где жил брат его в качестве каноника, где он имел старых учеников и скоро нашёл новых друзей. Он был, по словам источников, человек мягкий и миролюбивый. Архиепископ Яспер Линде разрешил ему иметь в церкви св. Петра публичный диспут с некоторыми монахами (состоялся 12 июня 1522 г.). Путём частных бесед он приобрёл из числа граждан многих последователей, например, Ратмана Готке Дуркопа. В конце октября 1522 г. совет назначил его проповедником при церкви св. Петра. Приходскими священниками (plebani, rectores) в двух городских церквах до сих пор были младшие каноники, но помимо их и в прежнее время существовали особые проповедники; таким проповедником при церкви св. Петра был Кнопкен в течение двух лет, около 1517 г., до переселения в Трептов. Между тем явился в Ригу другой проповедник, более молодой и увлекавшийся Сильвестр Тегетмейер. Он приехал осенью 1522 г. по делу о наследстве, но скоро приобрёл последователей и уже 30 ноября начал проповедывать в церкви св. Иакова; беспощадно и с большим жаром он раскрывал все недостатки и злоупотребления старой церкви. Не подлежит сомнению, что совет, назначив своей властью двух проповедников, нарушил права

архиепископа. Но последний был бессилен. Уже встречалось, что народ на улицах издевался над монахами и священниками и грозил им. Иоанн Ломюллер, родом из Данцига, бывший городским писарем, затем синдиком в Риге, обратился с письмом к Лютеру; о переменах в религиозных воззрениях жителей Риги он, должно быть, сообщал правду, но то, что он писал о склонности магистра и ордена к новому учению, соответствовало его желаниям, а не действительности. Впоследствии Ломюллер оказался человеком бесхарактерным и интриганом. Лютер напечатал в августе 1523 г. письмо на имя советов Риги, Ревеля и Дерпта и посвятил рижскому совету своё толкование на 127 псалом (по православному счету 126). Архиепископ отправил трёх францисканцев: магистра Антония Бомховера (брата дерптского епископа), Августина Альфреда и Буркарда Вальдиса к императору с жалобой и просьбой о помощи.

Послы не застали императора в Германии, представили дело имперскому правительству и потом поехали в Рим. В Нюрнберге Бомховер сделал предложения кардиналу легату Лоренцу Кампеджио о борьбе с движением, вызванным Лютером. Они вернулись в июне 1524 г. с угрозами и строгим приказанием отменить все нововведения. Бомховер и Вальдис при возвращении были арестованы. Первый был обвинён в клевете и государственной измене, преступлениях, которые карались смертной казнью. Лишь по истечении года, главным образом по ходатайству магистра, он был освобождён.

Между тем дело дошло в разных местах до насилий против старой церкви и её порядков. В 1523 г., по одному известию, был разрушен францисканский монастырь в Газенпоте. В марте 1524 г. в Риге, в церквах св. Петра и св. Иакова, разрушены были священные предметы, в мае все обитатели монастырей изгнаны из их обителей (за исключением благородных девиц цистерцианского монастыря), в августе происходили новые беспорядки, распространившиеся и на собор, были разбиты алтари и т.п. В сентябре 1524 г. вспыхнуло иконоборство в Ревеле; в церквах доминиканского монастыря св. Духа и св. Олая

были разбиты все духовные предметы и украшения. Церковь св. Николая удалось спасти церковному старосте Генриху Бушу, который убрал все драгоценности и, кроме того, залил все замки свинцом, так что фанатизированная толпа не могла проникнуть во внутренность церкви. Довольно скоро совет сумел остановить движение и предупредить повторение насилий. Требования магистра и епископа о полном восстановлении старого порядка остались неисполненными. Монахини, вышедшие из монастырей, выходили замуж.

В 1525 г. город принудил доминиканцев удалиться. Ещё в 1524 г. Иоанн Ланге, прежде католический священник, и Захарий Гассе назначены были проповедниками при городских церквах. Из Ревеля движение перешло и в села, но там оно скоро улеглось.

Особенно бурно было введение реформации в Дерпте. Представитель нового учения Герман Марзов, родом из Риги, начавший проповедывать ещё до июля 1524 г., был выслан по приказанию епископа Бланкенфельда и удалился в Ревель. Зато в конце 1524 г. прибыл в Дерпт скорняк Мельхиор Гофман, родом из Швабии, религиозно настроенный и страстный, обладавший природным красноречием человек, перед тем бывший в Вольмаре и высланный оттуда по приказанию магистра за возбуждавшие население проповеди. В Дерпте он проповедывал о скором наступлении Страшного суда, о праве всех исполнять обязанности священника, о ненадобности твёрдой церковной организации. Впоследствии он усвоил идеи перекрещенцев-коммунистов. Следствием его речей было иконоборство, более насильственное, чем в Риге и Ревеле. 10 января 1525 г. толпа с участием «чёрных голов» разграбила церкви св. Марии и св. Иоанна; между ней и слугами епископа происходили уличные схватки; домская гора и собор на ней были захвачены, жилища каноников ограблены. Епископ сам в то время не был в Дерпте, его фогту, Петру Штакельбергу, удалось насилиям положить предел. Для дальнейшего успокоения умов Гофман по распоряжению совета был выслан, и Сильвестр Тегетмейер в феврале 1525 г. приглашен из Риги.

В 1525 г. была разрушена часовня около Вендена, и в ноябре того же года происходили беспорядки в Феллине. В марте 1526 г. беспорядки, вызванные «кумпанией», т.е. «черными головами», повторились в Пернове.

Настроение всего населения было таково, что о восстановлении старого порядка нельзя было и думать, и борьба с реформационным движением не имела успеха. Имперское правительство оставалось равнодушным. Когда изгнанный приор рижского доминиканского монастыря подал жалобу рейхстагу и в рейхскаммергерихт в Шпейере, то в 1528 г. был отправлен судебный вестник в Ригу с объявлением о постановлении суда, но никто на него не обратил внимания. При таких условиях лишь путём открытой борьбы возможно было бы достигнуть какого-нибудь результата. Но на неё ни магистры, ни епископы не решались, а может быть, и не могли решиться. Старая церковь в Лифляндии была осуждена на погибель, и она погибла, не ознаменовав свои последние дни новой гражданской войной.

ГЛАВА XXIII
Иоганн Бланкенфельд

Желая изобразить распространение нового учения вне городов в связи с другими явлениями того времени, мы должны несколько возвратиться назад. Упомянутый уже ревельский и дерптский епископ Иоганн Бланкенфельд был убеждённый сторонник старой церкви и её учреждений, и его действия, а также его упущения получили против его воли в эти критические годы решающее значение. Он вызвал оппозицию и поддерживал её своим поведением.

Первый намёк на начинающее религиозное движение в Лифляндии (в ревельском епископстве?) мы находим в письме Бланкенфельда из Берлина от июня 1518 г., в котором он убеждает не изменять старой церкви, напротив, всеми мерами поддерживать её. По его совету местные прелаты съехались в конце июля 1521 г. в Роннебург и обсудили церковные вопросы и светские дела, находившиеся в связи с управлением епископов. Вопрос об учреждении высшей школы в Старо-Пернове или Дерпте, поднятый уже в 1512 г. на ландтаге, обсуждался также в Ронненбурге, но, хотя в 1522 г. знаменитый учёный Экберг Герлем из Ростока приехал в Лифляндию, чтобы содействовать открытию школы, исполнение плана было отложено на более спокойное время. Наконец, собрание в Ронненбурге постановило, что надлежит читать и объяснять папскую буллу об отлучении Лютера во всех кафедральных соборах и строго исполнять все предписания папы. В сентябре 1521 г. эзельское дворянство высказалось по вопросу о народной школе в том смыс-

ле, что крестьянских детей следует обучать латинскому языку, дабы из них могли выйти священники.

Дворянские общества имели более широкое наследственное право (т.н. Granderecht), но тяготились т.н. uphedinge, т.е. обязанностью не закладывать и не продавать своих поместий, не предложив их сперва своему сеньору или не получив от него формального разрешения. На ландтаге в Вольмаре в июне 1522 г. прения по этому вопросу приняли настолько острую форму, что эзельский епископ обиделся и уехал до закрытия ландтага. Все ожидали от дерптского епископа такого же решительного сопротивления, но он, к всеобщему удивлению, объявил, что освобождает своих вассалов от «uphedinge». Несмотря на это вслед за тем были подняты вопросы, в обсуждении которых Бланкенфельд не желал участвовать. Рыцари во время совещаний ландтага вступили в частные переговоры с депутатами трёх главных городов. Результатом этих переговоров были постановления, одобренные и ландтагом. Одно из них обязывало всех участников к сопротивлению, как только какой-нибудь иностранный князь предпримет что-либо против церкви в Лифляндии. В этом постановлении нельзя не видеть ответа на роннебургские решения. Первоначально резкая форма его по желанию оставшихся духовных была смягчена. По другому постановлению, положено в деле церковной реформации не предпринимать ничего нового, пока надлежащие власти не разрешат этого вопроса. Таким образом, требование прелатов и ордена отменить нововведения и восстановить старые порядки было отклонено.

В декабре 1522 г. архиепископ Яспер Линде дал своим вассалам новую привилегию, по которой он освобождал их от «uphedinge», а в августе 1523 г. он утвердил постановление, сделанное в марте 35 вассалами в Лемзале, в силу которого их земли не должны были переходить к тем семействам, которые получили свои поместья «zu samender Hand», т.е. с правом приобретать новые земли не только путём покупки или путём брака и наследства, а, так сказать, владеть ими на правах фидеикоммис-

са. Как видно, прелаты шли на уступки, но они и таким образом не могли остановить религиозное движение. Ещё в 1523 г. Бланкенфельд добился в Риме того, что он был назначен коадъютором архиепископа. Когда Линде умер в июне 1524 г., то он тотчас был признан архиепископом и оставил за собою ревельское и дерптское епископство. В маленьких городах, например, Лемзале и Кокенгузене, он удалил проповедников и учителей, склонившихся к новому учению.

Епископ Эзельский Иоанн Кивель сначала не хотел исполнить желания своих вассалов. Тогда вассалы устроили съезд в Ревеле (17–24 июля 1524 г.), в котором приняли участие также вассалы гаррийско-вирляндские, архиепископские и дерптские и представители городов Риги, Ревеля и Дерпта. Съезд решил принудить епископа освободить вассалов от «upbedinge». Кроме того, съезд объявил, что все бывшие на нём согласились отстоять святое евангелие и пожертвовать для этой цели жизнью и имуществом. Под впечатлением этого решения в эзельском епископстве отказались платить церковные подати. С другой стороны, Бланкенфельд предоставил своим вассалам (в архиепископстве 20 сентября, в дерптском епископстве 19 сентября) широкие привилегии, и, наконец, уступил тоже эзельский епископ и отменил 15 декабря «upbedlinge». Он даже формально обещал не препятствовать церковным нововведениям.

В течение 1525 г. происходили в Лифляндии важные события и перемены. В самом начале были смуты в Дерпте; затем Бланкенфельд отказался от Ревеля (с чего начался постепенный его упадок), Гаррия и Вирляндия были освобождены от присяги великому магистру, в Пруссии Тевтонский орден перестал существовать; в Лифляндии реформация распространялась. Но обнаружились также следы реакции. Полное согласие, проявившееся на ревельском съезде, уже не существовало. Горожан и помещиков снова разделяли сословные интересы. К тому же приверженцы старой церкви соединились и готовились к отпору.

Города действовали решительнее. Рига решила вообще не признавать более архиепископа своим государем и считать таковым исключительно магистра. Эта же мысль проводилась в сочинении городского писаря Иоанна Ломюллера, написанном в то время. Ревель и Дерпт одобряли её. Но другие чины не соглашались на такой крутой переворот. Ландтаг в Вольмаре в 1525 г. способствовал усилению волнения. Сильвестр Тегетмейер должен был говорить проповеди в открытом поле, так как церковь для него была закрыта. Зато его приверженцы вовсе не дали говорить доминиканскому монаху, приехавшему с дворянами из Гаррии и Вирляндии. От прусского герцога явился посол Фридрих фон Гейдек, прежний орденский рыцарь, с поручением извиниться по поводу произведённой секуляризации, но он это поручение не мог исполнить, так как он приехал только тогда, когда большинство депутатов уже разъехалось. Зато он рижским депутатам конфиденциально сообщил, что герцог готов поддерживать Ригу против всех её неприятелей. В общем, ландтаг кончился торжеством архиепископа. Епископы имели у вассалов настолько решительную поддержку, что предложение городов о лишении епископов их владений даже не было рассмотрено.

Плеттенберг, всегда миролюбивый, всегда отвергавший крутые меры, ничем не дал повода городам сделать ему упомянутое предложение. Он вырос и состарился в ордене; и от него нельзя было ожидать переустройства политической организации. Орденская политика всегда была направлена к ограничению прав и силы епископов, но отнюдь не к совершенному их устранению; для этого и в связи с тем для установления новых отношений к папе и императору нужен был более молодой и решительный человек, но такой человек едва ли оставил бы нетронутой полную самостоятельность городов. Исполнить желание городов — значило бы вызвать внутреннюю войну, а вследствие того и нападение всех внешних врагов. Поэтому магистр ответил представителям городов, что он созвал их для того, чтобы их усилить. Затем орден и епископы заключили союз на шесть лет. Сгово-

рившиеся обещали охранять взаимно свои владения; суд должен был делать нововведения. Эти решения были приняты без городов, но им объявили, что они могут присоединиться.

Сношения герцога Альбрехта с Ригой не остались тайной, и Плеттенберг возобновил переговоры с Ригой, не считая себя связанным союзом с архиепископом. (Мы увидим, что он имел основания так поступать). В результате Рига только его признала государём и присягнула ему как единственному своему государю, а Плеттенберг в силу грамоты, данной 21 сентября 1525 г. в Риге, предоставил городу полную религиозную свободу. Скоро после того магистр формально отменил Кирхгольмский договор (от 1452 г.), а город завладел епископским двором и домами каноников.

В феврале 1525 года стали слухи ходить, что Бланкенфельд вступил в тайные переговоры с московским великим князем в своём пограничном замке Нейгаузене. Кроме того, он имел сношения с польским королем, и мы знаем, что между теми и другими существововала связь. Папский легат Иоганн Франциск, епископ Скарский, отправившийся летом 1526 г. через Вильну в Москву, имел поручение, которое было возложено и на Бланкенфельда: подготовить соединение церквей. Другие предметы его совещаний с русскими послами нам не известны. Но уже то, что эти совещания продолжались, хотя слышавшие о них не одобряли их, усиливало подозрения. 22 декабря 1525 г. Бланкенфельд в своём замке Роннебург был арестован.

В Дерпте уже раньше было назначено правление; теперь те же архиепископские вассалы, будучи крайне возмущены его поведением, объявили, что они не могут далее признавать его своим сеньором. Раздражение против него овладело всеми, так что жизнь его даже была в опасности. Гаррийско-вирляндские рыцари и особенно их предводитель Роберт Сталь фон Гольштейн старались местных государей склонить к самым крутым мерам против Бланкенфельда. Но взгляд архиепископских вассалов изменился; очевидно, Бланкенфельд имел

очень сильное влияние, и в феврале 1526 г. последовало примирение между архиепископом и его вассалами. На съезды, собиравшиеся в Руене и Вольмаре по его делу в марте 1526 г., он вовсе не явился, хотя ему дали охранную грамоту. Город Дерпт сделал магистру предложение установить к нему те же отношения, какие установлены были к Риге, но магистр отклонил это предложение, не желая, как он выразился, поддерживать одного чина против другого. На самом деле Бланкенфельду, всё ещё находившемуся под арестом, удалось примирить с собой и магистра, может быть, хотя об этом, естественно, ничего не стало известным, тем, что чистосердечно признался ему во всём. Только на ландтаге, собравшемся в июне 1526 г. в Вольмаре, явился Бланкенфельд. Плеттенберг тут выступал его защитником. Архиепископу разрешили сделать объяснение о сношениях его с русскими послами только в присутствии епископов и орденских начальников. Для городов и рыцарей весьма неожиданным результатом этого объяснения было то, что Бланкенфельд, которого только что обвинили чуть ли не в государственном преступлении и которому грозили смертной казнью, явился вполне оправданным. В воскресенье 17 июня 1526 г. он держал перед собравшимся ландтагом витиеватую речь и просил извинения. Постановления ландтага предоставили ордену чрезвычайные и неестественные права и потому едва ли были выполнимы, но, по-видимому, орден одержал блестящую победу. Все лифляндские епископы соглашались, от своего имени и от имени своих вассалов, присягать магистру как своему сеньору, исполнять все обязанности вассалов, и Плеттенберг брал на себя все обязанности верховного сеньора. Бланкенфельд, сверх того, обязался не предпринимать никаких враждебных действий против Риги, подчиниться приговору третейского суда о вознаграждении его за понесённые убытки и ходатайствовать перед папой и императором об утверждении этих постановлений.

Бланкенфельд готовился к отъезду. На время его отсутствия архиепископство и дерптское епископство обещали платить ему крупную пенсию. В начале августа

1526 г. он с большой свитой выехал из Ронненбурга. Кроме поручения получить утверждение последних вольмарских постановлений он имел разные поручения от магистра, в том числе и исходатайствовать регалии для него и получить поручения в пути от польского короля.

В конце года он приехал в Рим, где у него было много знакомых. Сам папа Клемент VII был некогда, когда он был кардиналом Джулио-де-Медичи и протектором Тевтонского ордена, с ним в близких отношениях. В январе 1527 г. Бланкенфельд совещался несколько раз с самим папой и со многими влиятельными кардиналами. Папа дал ему поручение пообещать Георгу фон Фрундсбергу до соединения с коннетаблем Бурбонским крупную сумму денег и тем убедить его не наступать на Рим (в мае 1527 г., как известно, последовало взятие и ограбление Рима: страшный saco di Roma). Бланкенфельд передал его другому лицу, а сам поспешил в Прагу к королю Фердинанду и провел некоторое время в Регенсбурге при рейхстаге. Мы не знаем, достиг ли он того, что Плеттенберг получил регалии; очень возможно, что это дело было устроено другими. Он старался устроить свидание с феллинским командором Рупертом де Граве, который с 1524 г. совершал паломничество по святым местам и посетил Иерусалим, Рим, гроб св. Руперта, Сан Яго ди Компостелла. Этот благочестивый старик был также у папы и уверял его, что лифляндский орден останется ему верен, на что папа ответил обещанием, что он никогда не оставит Лифляндию. Когда руперт рассказал это своим германским товарищам по ордену в Боппарде, то они осмеяли его. С этими людьми Бланкенфельд тоже имел дело. О нём они были того мнения, что он не уважает ни верности, ни чести и совершенный плут. Другие советовали остерегаться его «римской грубости». Суждения эти принадлежат его противникам, но всё-таки характеризуют его.

Планы его давно были выданы неверными слугами. Он сам изложил их на орденском съезде в Эшенбахе в середине июня 1527 г. Они сводились к тому, что после секуляризации Пруссии достоинство великого магист-

ра должно быть перенесено на лифляндского магистра, а у папы и императора следует выпросить их согласие на это. Он сообщил этот план тоже Плеттенбергу, но должно полагать, что этот последний не одобрял его, ибо он не мог не видеть, что план Бланкенфельда был чересчур фантастичен. Южногерманские члены ордена не скрывали своего убеждения, что епископ «пляшет эту пляску под свою дудку». На съезде Бланкенфельд получил неопределённый, никого не обязывающий ответ, но тевтонский магистр всё-таки ускорил шаги к тому, чтобы он был назначен управляющим должностью великого магистра. Тем не менее, Бланкенфельд отправился к императору в Испанию. В июле мы его находим в Майнце при дворе старого приятеля архиепископа Альбрехта (по словам одного свидетеля он вёл себя здесь грубо и невоздержанно), затем в Кёльне и Калэ. Но до императора ему не довелось доехать. В некотором расстоянии от Мадрида он умер 9 сентября 1527 г. По выражению историка Шульте, Бланкенфельд, которому ещё не было 50 лет, унёс с собою сведения в высшей степени важные и никому более не известные. Известие о его смерти дошло до его престарелой матери, жившей в Берлине, ещё в декабре. Она упоминает об этом в письме к Лютеру, которого она просила помирить дочку её, поссорившуюся с мужем.

ГЛАВА XIV
Последние годы Плеттенберга.
Маркграф Вильгельм

Реформация в Лифляндии продолжала распространяться. После того, как движение потеряло бурный характер, многие присоединились к нему, которые сперва противились. Города приступили к устройству церковных дел. Они обратили денежные суммы, полученные ими по завещаниям прежних времён, на содержание духовенства и церквей, на устройство школ и благотворительных учреждений. При участии пастора Иоанна Брисмана, на время приехавшего из Пруссии, Кнопкен и Тегетмейер составили в Риге устав церковной службы, первое издание которого было напечатано в 1530 г. в Ростоке. Но носители церковной власти оставались верны католичеству. Когда получили известие о кончине Бланкенфельда, то рижский капитул в феврале 1528 г. избрал в преемники его соборного пропста Фому Шенинга, сына рижского бургомистра, а дерптский капитул — дерптского уроженца Иоанна Бея (Beу). Оба получили после некоторого колебания утверждение от папы; курия ещё не вполне доверяла лифляндским клирикам, так как реформация делала в Лифляндии столь удивительно быстрые успехи.

Связь рижского городского секретаря, а с 1532 г. синдика, Иоганна Ломюллера с прусским герцогом и предположение нового архиепископа, что он, с помощью коадъютора из княжеского рода, сумеет вернуть себе прежнее значение, привели к новым осложнениям. Ломюллер поддерживал также связь архиепископских вас-

салов и даже слуг магистра с герцогом, который платил им жалованье. В то же время он, по поручению города, вёл переговоры с архиепископом, уехавшим для получения регалий в Германию, причём он, хотя служил скорее исполнителем, чем автором плана, всё же нарушил свои полномочия. Он имел ввиду убедить архиепископа сделать коадъютором Вильгельма, маркграфа Бранденбургского, младшего брата герцога (род. 29 июня 1498 г.) и вместе с тем заключить договор между городом Ригой и архиепископом. Вильгельм Бранденбургский питал симпатии к реформации. Это рекомендовало его в глазах Ломюллера, но могло ему вредить в глазах Шенинга. Герцог Альбрехт обязывался охранять права архиепископа против всех неприятелей, стало быть, и внутренних, за исключением дяди своего Сигизмунда I Польского и тестя своего Фридриха I Датского.

В октябре 1530 г. Вильгельм Бранденбургский, который был намечен в коадъюторы без участия ордена, приехал в Лифляндию. Ряд архиепископских замков и земель был ему предоставлен, но доходы с них были незначительны. Поэтому он пытался получить должности соборного пропста в Риге и Дерпте, в то время освободившиеся, но без успеха. Тем не менее, было ясно, что Вильгельм был человек жадный, стремившийся к приобретению светских имуществ.

29 декабря 1531 г. герцог Альбрехт заключил новый религиозный договор с городом Ригой. Вслед за тем Рига заключила подобные договоры с разными вассалами, в том числе с главнейшими вассалами Курляндии и даже с виндавским командором Тевтонского ордена Вильгельмом фон Паленом. Все вассалы обещались защищать Ригу, как скоро ей будет угрожать какая-нибудь опасность вследствие её перехода к новому учению. Договор 1526 года, заключённый Бланкенфельдом только для своего оправдания, имевший силу только до 1529 г., был в 1530 г. формально отменён.

Когда в 1530 г. умер эзельский епископ Георг фон Тизенгаузен, то капитул избрал преемником его Рейнгольда фон Буксгевдена, но многие были недовольны этим

выбором и составили враждебную ему партию, во главе которой стоял Георг фон Унгерн-Пюркель.

Все обвиняли Рейнгольда в непристойном поведении и также в неудовлетворительном управлении. Этим воспользовался маркграф Вильгельм. Он составил свою партию, которая под предлогом, что Рейнгольд не получил своевременно папской конфирмации, избрала его эзельским епископом. В ноябре 1532 г. викское дворянство присягнуло ему в Гапсале. Эзельские же дворяне остались верны Рейнгольду. Обе партии вооружались и нанимали ландскнехтов. Дело дошло до регулярной войны. Отряды Вильгельма опустошали остров Даго, а отряды Рейнгольда делали то же самое в Вике. Сам Вильгельм играл в этом междоусобии только пассивную роль. В продолжение нескольких месяцев он был закючён неприятелем в Гапсале и был только зрителем успехов и неудач своих сторонников.

Престарелый Плеттенберг, некогда отклонивший предложения городов только потому, чтобы не довести дело до междоусобия, был ещё свидетелем этих смут. Ему было тогда под девяносто лет, и уже почти сорок лет он управлял орденом. Многие находили, что он неспособен дольше нести бремя управления. Он лично не склонялся к новой церкви, но, несомненно, лишь благодаря его терпимости она стала твёрдой ногой в Лифляндии. Появились планы о назначении ему преемника. Император Карл V, король Фердинанд предложили Иоганна, герцога Мюнстербергского, упрямого защитника старой веры. С другой стороны, Альбрехт VII (Красивый), герцог Мекленбургский, только что потерпевший неудачу в Дании в т.н. «борьбе графов» (Grafanfelide), сам предложил свои услуги.

1-го апреля 1533 г. Плеттенберг и маркграф Вильгельм заключили союз в Вендене; союзники обещались поддерживать друг друга и не мешать распространению нового учения. К этому союзу под влиянием Ломюллера присоединилась и Рига. Согласно этому союзу Плеттенберг назначил своим коадъютором и преемником ландмаршала Германа фон Брюггеней генант Газенкамп, о

котором все думали, что он будет реформатором ордена. Утверждение его со стороны администратора должности великого магистра последовало уже в июне 1533 г. Король Фердинанд признал его (в июле) коадъютором. Но не предоставил ему регалий. Большинство же начальников требовало теперь смещения Плеттенберга, заявляя, что союз Плеттенберга и Вильгельма не отвечает потребностям ордена и епископов. Эти самые элементы провели на ландтаге, бывшем в феврале 1534 г. в Феллине, постановление, что эзельским епископом должен считаться Рейнгольд, так как и папа и император стали на его сторону. Следовательно, Вильгельм должен очистить Вик. При этом указывали на прежнее постановление, по которому все владетели в Лифляндии должны были охранять владения каждого из них, и на то, что это постановление не было отменено.

Маркграф Вильгельм и его партия не хотели подчиниться этому постановлению, и епископ Рейнгольд продолжал борьбу тем более устойчиво. В марте месяце 1535 г. должен был собраться новый ландшаг. Но за несколько недель до его открытия Вольтер фон Плеттенберг, 28-го февраля 1535 г. в воскресенье (третье великого поста), в 6 часов вечера, скончался в замке Венден. Он не был болен и умер не в постели, а сидя в кресле и будучи совершенно одет.

Несомненно, Плеттенберг был самым выдающимся из всех лифляндских магистров. Судить о нём нельзя по колебаниям последних лет, когда в нём стала проявляться старческая дряхлость. Поэтому нельзя его упрекать в небрежности или в опасном стремлении удовлетворить всех. Он стоял выше партий и имел ввиду общее благо, но ему приходилось иметь дело с учреждениями и явлениями, которые не поддавались его влиянию. Стойко, но не упрямо он держал себя в борьбе мнений и убеждений. Когда он вступил в управление орденом, власть магистра была ограничена (со времени магистра Вольтгуса). Он никогда не думал восставать против установленного порядка. Писавшие о нём историки за одним исключением не современники его, но некоторые, например, Горнер и

Реннер, жили недолго после него и могли пользоваться устным преданием. Они характеризуют его как честного, но вместе с тем, скромного, всегда ласкового и снисходительного, строгого и искренне благочестивого человека. Нет повода заподозрить эти свидетельства в пристрастии. Таким же рисуют его акты и грамоты, дошедшие до нас. Он был высокого роста и крепкого телосложения, редкие болезни его быстро проходили. Оружием он владел в совершенстве. Благодаря счастливым обстоятельствам изображение его, сделанное в 1515 г., сохранилось до наших дней.

ГЛАВА XXV
Преемники Плеттенберга

После Плеттенберга сделался магистром Герман фон Брюггеней. Когда он был ландмаршалом, он вёл себя так, что можно было рассчитывать на благосконное отношение его к новому церковному учению. Но как только он сделался магистром, он показал себя убеждённым защитником старого учения. Он удалил из ордена все ненадежные элементы. Действуя вообще сурово и беспощадно, он не стеснялся прибегать и к насилию. Особенно враждебно он отнесся к макграфу Вильгельму, который, желая избегнуть столкновения, уступил и летом 1535 г. отказался от всех видов на Эзель. Приверженцы его разбежались. Некоторые (Булгерин, Гейнце, Засс) искали убежища в Пруссии, другие — в Дании. Конрад Икскюль уехал в Любек. Задуманное вмешательство герцога Альбрехта не состоялось. И в этом деле Ломюллер играл роль посредника. Когда магистр узнал о том, то Ломюллер в июне 1535 г. удалился из Риги и уехал в Кенигсберг, на пути навестив маркграфа Вильгельма. По прошествии некоторого времени он, оставаясь в Пруссии, опять вступил на службу города Риги, обещая поддерживать издали её интересы. С теми, кто не бежал, магистр поступал весьма жестоко. Так Дитрих Бутлар, имения которого лежали около Туккума и Бауска, был арестован и отведён в тюрьму в Вендене, где он умер в 1537 г. от пыток. Имения его конфискованы и даны другим. Георг фон Унгерн-Пюркель умер ещё летом 1534 г. в Падуе, но его наследники, как и многие другие, подверглись преследованию и были лишены имений. Рейнгольд,

епископ Эзельский, сложил с себя сан в 1541 г., и управление перешло к Иоанну фон Мюнхгаузену, епископу Курляндскому, который скоро был утвержден и в сане эзельского епископа.

В Ревеле отношения между горожанами и вассалами крайне обострились. Иоанн Икскюль фон Ризенберг схватил и повесил бежавшего от него крестьянина, которого он обвинял в воровстве на городской территории. Когда он скоро после того без стражи, несмотря на все предостережения, явился в Ревель, то городские власти его арестовали, судили и казнили. Это нарушение прав другого сословия случилось не потому, что ревельские власти имели особую вражду к казнённому, а потому, что город твёрдо стоял на принципе, что право уголовного суда на его территории принадлежит только ему. Вассалы пришли в сильное волнение. В феврале 1536 г. магистр приехал в Ревель, и в его честь был устроен турнир. Когда же из него вышел победителем молодой купец, собственно не имевший права участвовать, то между присутствовавшими представителями разных сословий произошла кровопролитная схватка. Переговоры по этому делу тянулись несколько лет, так долго потому, что Брюггеней стал на сторону города и тем усилил волнение.

Ещё в 1535 году магистр подтвердил привилегии Риги. В грамоте его о правах архиепископа не упоминается, зато повторяется оговорка Плеттенберга из привилегии 1525 г.

В августе 1539 г. умер архиепископ Фома Шенинг. (Он был похоронен в Кокенгузене, так как рижский собор был в руках города). Преемником его сделался коадъютор маркграф Вильгельм. Но город не хотел ему присягнуть и выдать ему имения капитула, доходы с которых, по мнению его, должны были идти на содержание церквей, школ, лечебниц и других общеполезных заведений, а не на удовлетворение прихотей корыстолюбивого прелата. Так как Рига 19 ноября 1539 г. в Арнштадте (грамота от 6 ноября 1541 г. в Торгау) приступила к Шмалькальденскому союзу, то она могла опереться на

него. Переговоры архиепископа с городом ни к чему не привели. Орден уже начал вооружаться, чтобы поддержать маркграфа, которому обещал помочь тоже брат его Альбрехт прусский. Но в августе 1542 г. на съезде в Лемзале дело архиепископа приняло благоприятный для него оборот. У архиепископа нашлись сторонники в самой Риге; один из них, бургомистр Конрад Дуркоп, ещё в том же 1542 году написал статью, в которой он оправдывал притязания архиепископа и бранил магистра. Этот потребовал выдачи неизвестного ему автора, вследствие чего Дуркоп бежал в Любек, где он и умер в ноябре 1546 г., не видав больше родного города. Но основные мысли его были усвоены властями и положены в основание договора, заключённого 24 октября 1546 г. в Нейермюлене. По этому договору город обязался присягнуть архиепископу, признавая его князем Священной Римской империи, а архиепископ отказался от духовной юрисдикции (на что он был согласен ещё за несколько лет), признал все привилегии города и обещал не касаться евангельского учения. Вопрос о пользовании имениями капитула решено было подвергнуть особому обсуждению. В январе 1547 г. магистр и архиепископ имели торжественный въезд в Ригу. После этого город формально имел опять двух государей, но пока оставался владельцем церковных имений. Архиепископ пытался получить их через рейхскаммергерихт, но этот суд работал так медленно, что дело не двигалось вперёд. Наконец магистру Генриху фон Галену удалось в декабре 1551 г. заключить соглашение в пользу архиепископа: город выдал дома и имения капитула, но собор, в котором служба давно уже совершалась по лютеранскому обряду, остался за ним.

Магистр Брюггеней ещё в марте 1535 г., тотчас после вступления в управление, по свидетельству русских летописей (которые вовсе не говорят о Плеттенберге), отправил посольство в Москву. С московским князем он так и остался в добрых отношениях. С другой стороны, Густав, король шведский, сумел завязать сношения с соборной гильдией (Domgilde) в Ревеле, состоявшей в XVI столетии преимущественно из ремесленников, и составить себе в ней целую партию.

Брюггеней ещё в 1541 г. назначил феллинского командора Иоанна фон дер Рекке своим коадъютором, и император и заместитель великого магистра утвердили это назначение. После смерти Брюггенея Рекке сделался магистром. Он и после этого продолжал управлять непосредственно феллинской областью, имея ввиду усиление своих доходов, а не подобно магистру Вольтгусу какие-либо преобразования. Его двоюродный брат Иодок фон дер Рекке сделался после смерти епископа Иоанна Бея, когда Иоанн фон дер Рекке был коадъютором, дерптским епископом, из чего мы заключаем, что орден и в XVI столетии старался замещать епископские кафедры своими приверженцами. Епископ Иодок, нашедший лишь в 1547 г. общее признание и не принадлежавший, насколько нам известно, ни к какому лифляндскому капитулу, прошёл именно только благодаря поддержке ордена и родни. Но уже в 1551 г. ему надоела духовная должность, и он удалился в свою родину Вестфалию, однако только два года спустя согласился уступить формально преемнику, избранному дерптским капитулом. Этот избранник капитула был Герман Везель, аббат монастыря Фалькенау. Сделавшись епископом, он остался тоже и аббатом. Подобные неправильности при назначении духовных лиц, встречавшиеся нередко в последние годы старой Лифляндии, свидетельствуют о недостатке в подходящих лицах. Так и ревельский епископ Фридрих фон Амптен остался пропстом и в качестве пропста получал некоторые доходы из эзельского епископства. Всё это вместе с тем свидетельствует о разложении старой церкви. То же самое вытекает из того обстоятельства, что последние лифляндские епископы не получили рукоположения, так как не было уже лиц, имевших право совершить его. Монастыри в маленьких городах держались до падения старой Лифляндии. Точно так же продолжали существовать в трёх больших городах женские монастыри цистерцианского ордена, хотя подвергались разным преобразованиям. Они под конец были скорее воспитательные заведения для дочерей вассалов. В Риге и Ревеле они просуществовали до начала XVII столетия.

Лифляндские магистры имели издавна должностную печать: кроме неё, с 1460 года приблизительно, у магистров встречается личная печать с изображением родового герба (только от магистра Иоанна Фрейгата такая личная печать не сохранилась). Некоторые думают, что введение этого обычая указывает на то, что старые духовные традиции стали забываться. Магистр Рекке даже сделал гаррийско-вирляндскому дворянству предложение явиться к его торжественному въезду в Ревель в цветах его герба. Дворянству, впрочем, не пришлось это сделать, так как везде по случаю свирепствовавшего в Ревеле морового поветрия был отложен и затем вовсе не состоялся.

В Ригу магистр Рекке явился и подтвердил её привилегии. К сожалению же, многие надежды, возложенные на него, были обмануты. Между прочим ожидали от него коренной реформы ордена. Точно так же думали, что он сочувствует лютеранству. В таком смысле толковали письмо, написанное им ещё в бытность коадъютором к ревельскому совету по делу какого-то пастора. Вместо того магистр имел с Ревелем очень неблаговидное столкновение. Магистр предложил ревельским купцам ввести некоторые перемены в торговле солью. Но так как эти перемены обещали выгоды лишь ему, с другой стороны, Ревель так дорожил своей соляной торговлей, что существовала поговорка: «Ревель построен на соли», то город ответил отказом. Этим он возбудил гнев магистра, который немедленно потребовал уплаты всех (довольно значительных) сумм, которые ревельские купцы были ему должны. Вместе с тем он старался придать делу религиозную окраску и ставил городу щекотливые вопросы, не обращая внимания на то, что лютеранство в Ревеле уже давно прочно утвердилось.

Но в 1551 г. умер магистр Рекке. Мы не можем сделать себе вполне ясное представление о партиях того времени в ордене, всё более уменьшавшемся. Но избрание престарелого Генриха фон Галена, бывшего с 1535 г. ландмаршалом, несомненно, указывает на желание угодить всем и никого не обидеть.

Можно было быть вполне уверенным, что Гален не предпримет никаких нововведений. Когда он приехал в Ригу, чтобы принять присягу, то он 1 октября с многочисленными начальниками, сопровождавшими его, слушал в соборе проповедь магистра Петри. Присягу принесла Рига ему и бывшему тут же представителю архиепископа совместно. Два дня спустя Гален угощает городской совет в замке. Из Риги он отправился в Венден. Здесь он остался. В Курляндию он не ездил, и также он не посетил отдельных начальников в их замках. Ревель присягнул 13 января 1552 г. в присутствии представителя магистра. Командоры и фогты вели себя в своих землях почти как неограниченные владетели. В заключение заметим, что архиепископ и магистр в качестве имперских князей исправно уплачивали свои доли на содержание рейхскаммерихта и что грамота о религиозном мире (в Аугсбурге 1555 г.) была подписана от имени магистра его уполномоченным, рижским домашним командором Георгом Зибергом фон Вишлингеном.

ГЛАВА XXVI
Борьба коадъюторов. Начало катастрофы

В 1551 году истёк срок, на который был заключен мир с Новгородом и Псковом, т.е. с московским великим князем, принявшим в 1547 г. царский титул. Только в 1553 г. орденский магистр отправил посольство в Москву для того, чтобы заключить новый мир. Но московское правительство ставило такие требования, что мир, казалось, не мог быть заключен. Дерптское епископство по договорам, заключенным с Псковом во второй половине XV столетия (а может быть, и раньше, но об этом нет свидетельств), обязалось платить дань, но на самом деле не платило её и оспаривало даже её законность. В грамотах об этой обязанности, хотя и лаконически, упоминается; нужно полагать, что имелось ввиду употребить дань на содержание двух православных церквей в Дерпте. Посольство 1531 г. вело в Москве продолжительные переговоры по этому вопросу. С русской стороны тогда соглашались с тем, что дань по праву уже не существует, но вычеркнуть замечание о ней в грамоте не хотели. Теперь, т.е. в 1553 г., вопрос о «дани веры» (Glaubenszins) был выдвинут на первое место, и лифляндские послы, не испросив новых инструкций, заключили 24 июня 1554 г. в Новгороде мир на пятнадцать лет, по которому дерптское епископство обязывалось уплачивать ежегодно по одной марке с каждого жителя, исключая духовенство, и в течение трёх лет уплатить свой долг, накопившийся за истекшие пятьдесят лет. Постановление это касалось только Дерпта и потому должно было быть вставлено лишь в грамоту для Дерпта и Пскова, но оно попало так-

же в общие грамоты, и, таким образом, вся Лифляндия ручалась за исправную уплату дани. Кроме того, по договору 1554 г. русские посольства, а также заграничные художники и мастера должны были иметь право беспрепятственно проезжать по Лифляндии, и если Лифляндия заключит союз с Польшей и Литвой, то Москва имела право, вследствие того, начать с ней войну.

Магистр Гейнрих фон Гален опротестовал этот трактат, справедливо упрекая послов в том, что они превзошли свои полномочия. Их непростительная неосмотрительность связала Лифляндии руки. Канцлер дерптского епископа Юрген Гольцшуэр (из Нюрнберга) советовал принять заключённый трактат, но просить в то же время рейхскаммергерихт объявить дань незаконной. Дерптский епископ сам продолжал переговоры.

Маркграф Вильгельм, который всегда оказывал вредное влияние на судьбу Лифляндии, теперь затеял дело, приведшее в конце концов к гибели ордена и совершенному перевороту политических отношений в Лифляндии. В 1546 г. на ландтаге в Вольмаре он сам поддерживал решение, в силу которого коадъютор для него и особенно таковой из княжеского рода не мог быть назначен без согласия других чинов края. Теперь же он, рассчитывая на поддержку своего брата, прусского герцога, обещавшего ему прислать войско и двоюродного брата короля польского Сигизмунда II Августа и составить себе партию среди орденских начальников, раньше всего склонить на свою сторону ландмаршала Яспара фон Мюнстера, назначил своим коадъютором семнадцатилетнего Христофора, герцога Мекленбургского, который в ноябре 1555 г. приехал в Лифляндию. Рижский капитул признал его. В то же время продолжались интриги в ордене. Магистр, первоначально хотевший сделать своим коадъютором и, следовательно, своим преемником Мюнстера, вместо него назначил феллинского командора Вильгельма фон Фюрстенберга. Письма, захваченные магистром, осведомили его об изменнических намерениях архиепископа и об интригах в ордене, и он начал набирал наёмников в Германии. В мае 1556 г. окон-

чательно выяснилось, что Мюнстер затевал измену. Его подчинённые отказывались принять его в его же замках. Он бежал к архиепископу в Ронненбург, а оттуда в Польшу. На ландтаге были раскрыты планы маркграфа, число его сторонников уменьшалось. Рига разорвала союз с ним, и её наемники соединились с войсками ордена, которые заняли архиепископские земли и в конце июня 1556 г. захватили в Кокенгузене самого архиепископа и коадъютора. Архиепископ был заключён в Адзеле, коадъютор остался на свободе, но под наблюдением. Обещанная из Пруссии помощь не явилась, явилось только посольство. Польский король стянул к литовской границе значительное войско, и коадъютор Фюрстенберг пошёл к нему навстречу, но дело не дошло до столкновения. Старый магистр Гален в это время оставался в Вендене и бездействовал. Архиепископ считался устранённым, магистры с лета 1556 г. называли себя «Божьею милостью». Зимой 1556-57 гг. велись переговоры. В конце мая 1557 г. магистр Гален умер, и его преемником сделался Фюрстенберг. Польское войско, стоявшее на литовской границе, между тем получило подкрепления; магистр, со своей стороны, готовился к отпору, но нападение не последовало, и вместо него начались новые переговоры о мире в Позволе при открытом участии императорского и прусского депутатов и скрытом участии мекленбургского представителя, не желавшего вызвать подозрения, что Мекленбург действует в пользу негерманских держав: Пруссии и Польши, и против ордена. 5 сентября 1557 г. мир был подписан сперва между магистром и архиепископом, потом — между магистром и польским королем. Маркграф Вильгельм был восстановлен в сане архиепископа и Христофор Мекленбургский признан коадъютором. Несколько дней спустя Фюрстенберг лично отправился в польский лагерь и заключил здесь в Позволе 14 сентября 1557 г. с польским королем оборонительный и наступательный союз против России. Из внимания к последнему договору с Москвой этот союз должен был вступить в силу только через 12 лет. Потому Лифляндия, в случае войны с Москвой до этого срока, не

могла рассчитывать на польскую помощь, тем менее, что договор Польши и Литвы с Москвой был действителен ещё в течение пяти лет. Вслед за тем последовало примирение магистра с архиепископом, чем окончилась т.н. борьба коадъюторов.

Союз с Польшей, хотя ещё не действительный, но всё же связывавший свободу действий ордена, имел самые роковые последствия, которые скоро обрушились на Лифляндию. В последнее время постоянно грозила война с окрепшей Москвой. Ещё магистр Гален в этих видах искал союз со шведским королем Густавом Вазой. Но союз не состоялся, и в то время, когда Лифляндия тратила свои силы бесполезно в борьбе коадъюторов, шведы одни вели войну с Москвой и заключили в 1557 г. невыгодный для себя мир. Царь Иван IV Васильевич, называвший Лифляндию своей отчиной и намеренно заключивший договор 1554 г. на столь тяжёлых условиях, имел твёрдое намерение расширить своё государство до берегов Балтийского моря и присоединить Лифляндию к Москве. Теперь, по-видимому, наступило для этого дела благоприятное время, и царь решил не дать возможности Швеции, Дании или Польше осуществить подобные планы и немедленно напасть на дряхлое орденское государство.

Наше повествование может вызвать представление, что в то время происходили исключительно братоубийственные борьба и насилия. Но мы должны были отметить и даже подчеркнуть изложенные события. Следует помнить, что они не мешали внутренней мирной и производительной работе и что торговля в XVI столетии сделала большие успехи. Существует даже мнение, что в это время в связи с зажиточностью распространились изнеженность и любовь к роскоши, а результатом этого явились упадок и порча нравов. Мнение это нуждается в поправке. Оно основано на хронике Руссова, который действительно во всём видел сильное вырождение и тяжёлые удары судьбы, которых он был свидетелем, считал за наказание за грехи современного ему поколения.

Конечно, могут быть приведены примеры безнравственности, но они составляют исключения. Старая Ливо-

ния погибла от слабости своей политической организации. Ей не удалось выработать форму государственной жизни, отвечавшую требованиям времени, объединить и видоизменить отжившие свой век духовные управления. Когда наступила опасность, то отдельные личности исполняли свой долг, но не было единой верховной руководившей власти. Если бы катастрофа XVI столетия была следствием упадка нравов, то погибло бы всё население (не только его политическая самостоятельность).

Нам ничего не передают о правильных вооружениях, подобных тем, какие Плеттенберг предпринял в своё время, несмотря на сопротивление чинов. Многочисленные, рассеянные по всему краю замки скорее мешали, чем помогали. Когда они были построены, способ ведения войны был другой. Отряды вассалов, городов, крестьянских обществ — орден сам почти не имел войска — составляли силу, не имевшую даже при превосходном вожде большого значения. Нельзя было обойтись без наёмников. Но содержание наёмников требовало сумм, какие иметь немыслимо было без благоустроенного финансового управления. К тому же, несмотря на грозную опасность, между властителями края не царило единодушие. Иноземных союзников не находили. Империя безучастно смотрела на далёкую окраину, её дипломатическое вмешательство принесло скорее вред, чем пользу. Таким образом, империя утратила свою старейшую заморскую колонию.

Как было выше сказано, дерптское епископство в 1554 г. обязалось уплатить свой долг московскому правительству в трёхлетний срок. Незадолго до истечения этого срока явилось в Москву дерптское посольство; но так как оно явилось без денег, лишь с тем, чтобы возобновить переговоры, то московский царь, негодуя за несоблюдение договора, послал его обратно. В конце 1557 г. явилось в Москву ещё второе посольство, во главе которого стоял епископский фогт Элерт Крузе, но оно, хотя с ним вступили в переговоры, ничего не достигло и возвратилось домой только после того, как была объявлена война со стороны Москвы, и сильное русское войско вторглось

в епископство. Город Дерпт, куда бежали окрестные жители, был переполнен, и многие могли приютиться только под укреплениями. Лёгкие русские отряды рассыпались не только вокруг Дерпта, но и по Гаррии и Вирляндии, по восточным окраинным частям архиепископства и по всей восточной области собственно орденской Лифляндии, Розитен (Режица), Люцин, и грабили и опустошали эти земли. Жителей без различия пола и возраста или убивали, или уводили в плен. Серьёзного сопротивления русские нигде не нашли. Фюрстенберг собрал все наличные силы между Феллином и Оберпаленом, но не успел выступить с ними. Вторжение русских было большой рекогносцировкой; русские начальники имели приказ тотчас отступить, как только они найдут сопротивление. Они не нашли его и убедились, что Лифляндия не приготовлена была к войне. Опустошив значительную часть восточной Лифляндии, русские отступили. Было заключено перемирие до 24 апреля 1558 г. Известие об этом звучит как насмешка.

ГЛАВА XXVII
Падение старой Ливонии

13 марта 1558 г. в Вольмаре собрался ландтаг, с тем, чтобы отыскать источники, откуда можно было взять сумму в 60000 талеров. В зависимость от уплаты этой суммы царь Иван IV поставил заключение мира. После долгих совещаний и мелких ссор, которые доказывали, что многие отнюдь не понимали серьезности положения, наконец решили собрать сумму путём контрибуций и займов и отправить в Москву. (При этом не щадили и церковных драгоценностей, как, например, в Пернове). Дерптский епископ по совету своего канцлера Гольцшуэра отправил своего особого посланника (Люстфера) в Москву и изъявил готовность вступить в частные переговоры с царём. Этим он испортил всё дело. Царь отказался принять деньги и начал вести частные переговоры, но требовал для того, чтобы придать делу больший вес и авторитет, чтобы магистр, архиепископ и дерптский епископ лично приехали в Москву.

На вольмарском ландтаге впервые выделилась личность, до сих пор осторожно державшаяся на заднем плане, но всё же умевшая составить партию против Фюрстенберга, Готтард Кетлер, только что сделавшийся феллинским командором. Он уговорил несколько отрядов ландскнехтов, бывших на службе у г. Риги, но отпущенных ею, вместе с некоторыми эстляндскими начальниками отправиться на помощь к Нарве. Под Нарвой военные действия возобновились ещё до истечения перемирия. Из Ивангорода русские стали бомбардировать Нарву. Тогда городской совет отправил одно посольство

в Москву, другое — к Филиппу II в Брюссель; к последнему, которого как супруга Марии Английской считали особенно могущественным государем, обратился тоже магистр через посредство командора Георга Зиберга. Царь требовал безусловного подчинения, но обещал сохранить за жителями свободу, собственность и старые обычаи. 4 мая 1558 г. орденский фогт Эрнест фон Шнелленберг покинул нарвский замок. Часть города сгорела, и русские заняли её без сопротивления. Тогда орденский начальник сдался с остальной частью и замком русскому военачальнику, разрешившему ему с войском свободно отступить. Так пал важный пограничный пункт, и Кетлер, собиравшийся спасти его, опоздал. Говорили, что он не знал точно, в каких условиях находилась Нарва.

После этого ближайшими начальниками овладело полное малодушие, и целый ряд замков сдался русским без боя. Нейгаузен под начальством Георга Искскюля держался шесть недель, но не получил обещанной магистром помощи, 29 июня тоже должен был сдаться. Фюрстенбергу удалось собрать очень небольшое войско, с которым он, ожидая других начальников, занял укрепленную позицию при Киррумпэ. Но после падения Нейгаузена он отступил сперва на Валк, потом на Венден. Войско его было так незначительно, что он не смел думать о наступлении. Тем не менее, бездействие его было ему вменено в вину и ведение войны пручено Кетлеру, сделанному 9 июля 1558 г. коадъютором. Вся надежда направлена была на него, но Кетлеру приходилось бороться с теми же затруднениями, как и Фюрстенбергу.

Между тем сильное русское войско осадило Дерпт. Город обстреливался раскалёнными ядрами. Но укрепления были в неудовлетворительном состоянии, и запасы амуниции и продовольствия были недостаточны. К тому присоединилась измена: на одной из городских башен неизвестно кем в знак сдачи была вывешена шляпа. Жители волновались, и под их давлением епископ вступил в переговоры. 19 июля 1558 г. русский военачальник, князь Петр Иванович Шуйский, въехал в город. Часть жителей была переселена во внутренние области мос-

ковского царства. Сам епископ Герман, удалившийся в Фалькенау, должен был переехать в Москву, где он умер в 1563 г. До самой смерти он надеялся, что ему разрешат возвратиться; в этом случае он нашёл бы совершенно изменившуюся Лифляндию. Городское управление продолжало действовать ещё несколько лет, так как нелегко было заменить его чем-нибудь новым. Большинство каноников рассеялось; многочисленные семейства покинули Дерпт ещё до начала осады.

Казалось, что уже теперь, после падения Дерпта, наступит полное разложение. О защите северной части края уже не думали, так как положение её ухудшилось. Ревельский командор Франц фон Зегенгаген генант Анстель уехал в Данию и передал орденский замок и другие укрепления фогту эзельского епископа Христофору фон Мюнхгаузену (брату Иоганна, епископа Эзельского и Курляндского), который выдавал себя за уполномоченного датского короля и занял ревельские укрепления от его имени. Орденский магистр хотел отступить в Дюнамюнде, было приказано устроить оборонительные позиции на Двине, следовательно, страну к северу от неё держать считали невозможным. Царь сделал Риге и Ревелю предложение сдаться на выгодных условиях. Появились планы призвать иностранную державу на помощь и признать её верховную власть. Магистр Фюрстенберг обратился к Дании, архиепископ Вильгельм и коадъютор Кетлер искали сближения с Польшей и старались направить туда же и Ригу. Эстляндское дворянство и Ревель склонялись к Швеции. Лето 1558 г. было необыкновенно жарко, так что всадники задыхались в своей броне; во многих местах горели леса. Были уничтожены посевы. Грозил голод. Тем не менее и несмотря на все затруднения, Кетлер осенью перешёл в наступление. 29 октября он отнял у русских замок Ринген и подошёл к Дерпту. Но в сражении при мосте в Эльве 8 ноября он был тяжело ранен, после чего отвезли его в Ревель. Оправившись, Кетлер овладел ревельским орденским замком, который Мюнхгаузен хотел продать городу и который наместники Дитрих Бер и Генрих Икскюль, не получив помощи из

Дании, уступили ему. 8 декабря Кетлер восстановил орденское управление в Ревеле. Вместе с тем он назначил отряд в укреплённый монастырь Падис и усилил гарнизон Вейсенштейна, единственного замка, не сдавшегося и упорно и удачно отразившего все приступы русских. Скоро после этого Кетлер сделал начальником Вейсенштейна ещё молодого рыцаря Каспара фон Альтенбоккума, продолжавшего столь же упорно защищаться. В то время коадъютор архиепископа Христофор, герцог Мекленбургский, отправился к своему брату герцогу Иоганну Альбрехту, зятю прусского герцога, чтобы просить его о помощи.

В конце 1558 г. прибыло в Ригу посольство датского короля Христиана III. Но Христиан умер в начале 1559 г., и сын и преемник его Фридрих II держался других взглядов. Сношения с Данией были завязаны, с одной стороны, епископом Эзельско-курляндским, обратившимся к Христиану III, с другой — магистром. Датское посольство, получив новые инструкции, отправилось через Ревель и Нарву дальше в Москву.

В январе 1559 г. сильное русское войско вторглось в архиепископство. Войско архиепископа встретилось с ним 17 января при Тирсене, и было совершенно разбито; предводитель его, декан капитула Фридрих фон Фелькерзам пал. Русские отряды подступали далеко в Курляндию. Но когда распространился слух (ложный), что коадъютор Христофор идёт из Пруссии со значительным войском, то они быстро, но всё опустошая, отступили вверх по Двине.

Датское посольство, которое предъявило в Москве старые притязания на Гаррию и Вирляндию, но без какого-либо успеха, достигло, однако, того, что царь согласился на перемирие (с весны до осени 1559 г.). Оно возвратилось через Ревель, где оно старалось ознакомиться с настроением. В то же время Кетлер стал смелее высказывать свои предложения относительно магистра Фюрстенберга. Уже поговаривали о его отречении; с другой стороны, Кетлер хотел искать помощи в Польше и в империи. Он отправился в путешествие через Вильно;

в мае 1559 г. он находился в Вене при дворе императора. Здесь он не нашёл никакого сочувствия и потому не поехал вовсе в Регенсбург к рейхстагу, как он намеревался первоначально. Когда-то империя согласилась платить субсидию Ливонии, но субсидия в самом деле никогда не платилась. Теперь её не платили под предлогом, что Кетлер — самозванец и как таковой не имеет никакого права на субсидию. Кетлер поехал обратно, в июле он был в Кракове, с июля и до сентября — в Вильне. Здесь велись переговоры об изменении условий Позвольского мира; или Польша должна была немедленно помочь, или Ливония была потеряна. Король Сигизмунд II Август согласился лишь постепенно на предложения Кетлера, и только 31 августа 1559 г. он в качестве великого князя Литовского подписал договор: он обещал защищать Ливонию против русских, за что ему безусловно была уступлена область на средней Двине и были заложены у него орденские замки: Динабург, Зельбург, Люцин, Розитен и Баускенбург. Апхиепископ Вильгельм присоединился к договору 15 сентября, формальная ратификация с его стороны последовала, впрочем, только в феврале 1560 года в Риге; и он должен был выдать полякам свои важнейшие замки в южной Ливонии (Кокенгузен и др.).

На съезде в Вендене Кетлер убедил Фюрстенберга отречься, утверждая, что польский король согласился помочь лишь под этим условием. Действительно, это условие встречалось в договоре, но Кетлер сам вставил его. Фюрстенберг уступил неохотно; однако большинство начальников стояло за Кетлера и его предложения и дела решались по количеству, а не, как прежде, по качеству голосов. Когда был поднят вопрос о содержании старого, т.е. бывшего магистра, то сперва назначили ему Пернов. Так как, однако, перновский командор не хотел ему уступить, то он, когда 17 и 20 сентября формальности отрече[illegible] были исполнены, получил Тарваст и Гельмет. В 1560 г. он получил сверх того еще Феллин, и тогда только он передал должностную печать Кетлеру. Также он медлил освободить от присяги Ригу и Ревель. Венденский съезд произвёл, кроме того, некоторые пе-

ремещения начальников. В общем, приверженцы Кетлера оставались на своих местах или получали повышения. Ландмаршалом был назначен Филипп Шаль фон Белль, человек достойный и заслуживающий полного доверия.

Только в конце осени и года поляки заняли предоставленные им замки; войско их, предназначенное действовать в открытом поле, было незначительно и медленно собиралось на границе. Город Рига, хотя получил приглашение, не примкнул к договору и не признавал никаких прав польского короля. Рига и Ревель получали помощь, т.е. деньги, орудия и военные припасы от некоторых ганзейских городов. Вместе с тем они поддерживали торговые сношения с русской Нарвой. К сржалению, торговля сильно страдала от каперов и морских разбойников, которые расплодились как во время «Vitalienbruder». Сам Кетлер выдавал полномочия на каперство; оправданием этого могло служить то обстоятельство, что осенью 1559 г. под Ревелем были задержаны ганзейские корабли с грузом военных припасов, назначенным для русских.

Заручившись польской помощью, Кетлер мог действовать против русских. Для того чтобы иметь средства для найма наёмников, он продолжал закладывать недвижимости и заложил между прочим двор Кегель близ Ревеля. 22 октября 1559 г. он держал при Нюгтене последнюю победу над русскими. В ноябре он напал на русский лагерь под Дерптом и пытался взять, но без успеха, самый Дерпт. В декабре он осадил Лаис и бомбардировал его, но все его приступы были отбиты, хотя у осаждённых истощились все запасы. В конце года Кетлер отступил к Оберпалену. Время года не допускало дальнейших операций: уже отступление от Лаиса и перевозка орудий в Оберпален были связаны с величайшими затруднениями.

В начале 1560 г. вторглись русские войска в разных местах в Ливонию. От поляков помощь не приходила. Последний замок, защищавший восточную границу, Мариенбург, сдался в феврале почти без сопротивления. Об обратном его завоевании немцы не могла и думать, и вход в Ливонию ничем более не был прикрыт. Русские отряды доходили до Феллина; кто выступал против них,

терпел по слабости своей поражения; беглецов, спасавшихся в леса, ловили и либо на месте убивали, либо уводили в неволю. Ландскнехты постоянно бунтовали, так как жалованье уплачивалось неисправно. Для того чтобы удовлетворить их, Кетлер должен был закладывать всё новые недвижимости. Так он заложил Гробин у прусского герцога за 50000 гульденов (Гробин только в 1609 г. был выкуплен курляндским герцогом); Гольдинген, Виндаву, Туккум — у польского короля. Все войска, находившиеся в замках, были выведены в поле; на их место являлись поляки, которые действовали вяло и нерешительно.

26 сентября 1559 г. Иоганн фон Мюнхгаузен, епископ Эзельский и Курляндский, продал свои владетельные права (если о таковых вообще может быть речь) датскому королю, а в 1560 г. он удалился в Ферден. Зато в апреле 1560 г. высадился близ Аренсбурга молодой герцог Голштинский Магнус, брат короля, которому последний за то, что он отказался от своих прав в Голштинии, передал Курляндию и Эзель. Магнус принял епископский титул. К сожалению, нужно сказать, что его, учившегося в Виттенбергском университете, злой рок привёл в Ливонию, где влияние его затормозило последние попытки зашиты. Он вступил в сношения с коадютором Христофором и другими начальниками. Когда орденский фогт в Зонебурге на Эзеле Генрих Вольф фон Людинггаузенг оказал ему сопротивление, то он взял его в плен. Магистр Кетлер заступился за фогта и достиг его освобождения, но отношения между Кетлером и Магнусом остались враждебны. Один старался вредить другому, но вредил тем самым более себе. Магнус купил также права на ревельское епископство у Морица Врангеля, последнего епископа, никогда, впрочем, не получавшего ни посвящения, ни утверждения. В то же время курляндский соборный пропст Ульрих Бер, получив Эдвален и некоторые другие имения в наследственное владение, уступил ему управление Курляндией. Наконец, Магнус старался подчинить своему влиянию и соседние области Ливонии. Но о борьбе с русскими он никогда не думал.

Между тем в мае 1560 г. князь Курбский и Адашев с новыми войсками вступили в Ливонию, чтобы сломить последнее сопротивление. В конце июля собрался в Пернове ландтаг. Магистр, архиепископ Вильгельм, герцог Магнус были тут налицо. Но о самом важном — о защите Ливонии — не говорили. Тратили время на попытки примирить Кетлера и Магнуса. Скоро, т.е. уже в начале августа, плохие вести с театра войны, из Дюнамюнде, Кокенгузена, Аренсбурга, разогнали участников этого последнего ландтага в старой Ливонии.

Сильное русское войско окружило Феллин. 2-го августа 1560 г. при Эрмесе, недалеко от Валка, небольшое орденское войско под начальством ландмаршала Филиппа Шалля встретило неожиданно главное русское войско. Это была последняя битва Тевтонского ордена в Ливонии. Рыцари сражались храбро, и большинство пало в бою. Взятые в плен были казнены в Пскове и в Москве. Этой участи подвергся и ландмаршал в октябре 1560 г., вызвав дерзким замечанием гнев царя. Победившее русское войско отправилось к Феллину. Защитой этого замка, хорошо укреплённого и снабжённого всем необходимым, руководил бывший магистр Фюрстенберг. Город Феллин скоро сгорел, но замок не особенно страдал от русских снарядов. И всё-таки Феллин должен был пасть. Кетлер, которого Ферстенберг просил о помощи, не мог её оказать. У него не было войска, пути были в руках русских, поляки не шевелились. Кетлер сделал попытку пройти к Феллину, но был задержан и отступил в Дюнамюнде. Наконец, взбунтовались ландскнехты, требуя жалованья, и тем принудили Фюрстенберга к сдаче. 20 августа 1560 г. Фюрстенберг сдался, а 21 августа он был отправлен в Москву. Так как ландскнехты ускорили сдачу Феллина, то им дозволили свободно выйти. Они удалились с богатой добычей и взяли с собой также имущество своего взятого в плен начальника. Кетлеру, впрочем, удалось перехватить и повесить зачинщиков бунта.

После этого русские отряды доходили до Вендена, Пернова, Ревеля и Вика. При этом они взяли все замки, за исключением одного Вейсенштейна, который Яспар

фон Альтенбоккум защищал с успехом. Только в позднюю осень русские отступили, оставив, однако, войска в Вирляндии и дерптском епископстве. Поляки в войне не участвовали, но в стране они утвердились. Кетлер выдал им ещё в 1560 г. Венден, Вольмар и другие замки; временно они занимали даже ревельский замок. Силы ордена и всего края были совершенно истощены. Кетлер обратился через своего секретаря Соломона Геннинга к молодому, только что вступившему на престол шведскому королю Эриху XIV и просил его оказать помощь, обещая за это сделать территориальную уступку. Но шведский король ответил отрицательно. Эстляндское и иервенское рыцарство и город Ревель, которым поведение Кетлера внушало справедливые опасения, ещё раньше вступили в переговоры со Швецией. Кроме того, положение вещей в Ливонии было таково, что Швеция могла надеяться получить часть её и без согласия Кетлера. В мае 1561 г. депутация от города Ревеля и от рыцарства совещалась с магистром в Митаве. Кетлер узнал о сношениях Эстляндии со Швецией; но в Эстляндии знали, что Кетлер был готов признать верховную власть католической Польши. Скоро после того город Ревель и рыцарства объявили присягу, принесённую магистру, недействительной, а 4 июня 1561 г. рыцарства и 6 июня Ревель подписали акт о подданстве Швеции и присягнули шведскому королю. Яспар фон Альтенбоккум, командовавший под конец в вейсенштейнском и ревельском замках, не получив никакой помощи, вступил в переговоры со шведским фельдмаршалом Клаусом Горном и с его согласия 24 июня удалился с небольшим оставшимся у него отрядом.

С октября 1561 г. велись переговоры в Вильне при участии архиепископа, магистра, представителей города Риги и временном участии короля; руководил переговорами литовский великий канцлер князь Николай Радзивилл. О вознаграждении орденских начальников должны были заботиться король и особенно Кетлер. 28 ноября 1561 г. акт о подчинении (pacta subjectionis) был подписан в Вильне; подписанную и опечатанную копию с него польское правительство выдало только в феврале

1562 г. Курляндия была объявлена светским герцогством в ленной зависимости от Польши, по примеру Пруссии и Готгард Кетлер, с мужским своим потомством, был признан обладателем герцогского престола Курляндии и Семигалии. Нынешняя Лифляндская губерния (т.н. Задвинское княжество) с включением рижского архиепископства была подчинена непосредственно королю; архиепископу и коадъютору были предоставлены некоторые области в пользование. Город Рига отстоял свою самостоятельность. Всем чинам, рыцарствам и городам дана была королём особая жалованная грамота — privelegium Sigismundi Augusti, обнимающая 27 статей. В ней польская корона обещает охранять и защищать новых подданных, а также получить согласие Римской империи на новый порядок вещей. Вместе с тем она признаёт богослужение по аугсбургскому исповеданию, старое свободное устройство церкви, старые права, привилегии, законы, обычаи, а также, в частности, все права землевладельцев на их земли. Польская корона соглашается с тем, что все должностные лица, после заключения мира также начальники замков, всегда будут назначаемы из немцев и по возможности из местных уроженцев. С января 1562 г. Радзивилл вёл ещё долго длившиеся переговоры в Риге с целью убедить город тоже подчиниться Польше, но Рига не подчинилась.

В рижском замке совершились последние события разложения старой Ливонии. 3 марта 1562 г. Кетлер отпустил город из зависимости от него. 5 марта князь Радзивилл, от имени польского короля Сигизмунда II Августа, принимал присягу нового герцога курляндского (Тевтонский орден в Лифляндии в этот день перестал существовать), архиепископа и других чинов, кроме Риги. 7 марта герцог Готгард дал чинам герцогства привилегию (Provisio ducalis). Рижский замок герцог уступил полякам только в 1578 г., но Дюнамюнде, которое сперва было обещано ему, он передал полякам уже 17 марта.

Таким образом совершалась коренная перемена в жизни Ливонии. Орден бесславно прекратил своё существование.

ГЛАВА XXVIII
Буркгард Вальдис и ливонская историография в XV и XVI столетиях

От этого беспокойного времени сохранилось, или стало известно, мало литературных произведений. Есть песни неизвестных авторов, в которых выразилось недовольство Кетлером и другими начальниками и вообще всем орденом.

Например:

De adel kumpt van dogeden her,
Dat togel uns an dar Romer her.

Или:

De Liflendischen eddelluide togen uth
Se heddeen wedder loth oft kruth и т.д.

Стихотворение, озаглавленное «Der Ludsensche Totengesang», вошло в собрание народных песен, изданное Людвигом Уландом.

К началу реформации относится деятельность Буркгарда Вальдиса. Он родился около 1490 г. в Аллендорфе в Гессене и поступил около 1520 г. во францисканский монастырь в Риге. С двумя монахами он был отправлен в 1523 г. в Германию. При возвращении весной 1524 г. он был арестован и заключён, но получил свободу, когда принял учение Лютера, к которому он склонялся и раньше. После того он жил в Риге в качестве мастера металлических изделий и составлял мнения по вопросам монетного дела. 17 февраля 1527 г. в Риге была представлена его пьеса «Притча о блудном сыне», наиболее удачная обработка этого библейского сюжета. Так как он по своим делам часто ездил за границу, то Иоганн Ломюллер поручал ему перевозить переписку его с прус-

ским правительством. За это орденский магистр Брюггеней велел его схватить в 1536 г. около городка Бауска и заключить. В заключении он написал свои переложения псалмов. Только в 1540 г., после того как он был подвергнут пытке, он, по ходатайству Филиппа, ландграфа гессенского, был освобождён и с братьями, приехавшими за ним, навсегда покинул Лифляндию. Зиму 1541 г. он провёл в Виттенберге и слушал лекции у Лютера, с которым он и раньше имел сношения. Он умер пастором в Абтероде в Гессене в 1556 г. Кроме указанных сочинений он писал басни, часть которых возникла в Лифляндии (Esopus 1548 г. посвящён рижскому бургомистру Гансу Бутте), и церковные песни. Автором церковной песни «Ach Godt willst my erhoren» считается, может быть, справедливо, орденский магистр Вильгельм Фюрстенберг.

Августин Эвденций (Augustinus Eucadius), настоящее имя которого до сих пор не известно, был гуманист и написал поэму «Aulaeum Dunaidum», посвятив её архиепископу Вильгельму. Это есть подражание древнеклассической поэзии, которое содержит мало фактического материала для того времени. Сочинения Даниила Германа (1600 г.) богаче содержанием и имеют вместе с тем большее поэтическое значение.

И в городах старой Ливонии жили люди, писавшие повествования в виде хроник. Из этих произведений кое-что, может быть, потеряно, кое-что и сохранившееся пока не отыскано. Ценная повесть о времени с 1454 г. до - 489 г. возникла в Риге, и автором её считают городского писца Германа Гелевеха. Но мы имеем эту повесть только в переработке Иоганна Витте (члена рижского городского совета, заведывавшего строительным делом и призрением сирот 1657 г.), присоединившего к ней очерк истории предшествовавшего времени. Подлинник, писанный на нижненемецком наречии, нужно считать погибшим. В Ревеле бургомистр Иоганн Геллинкгузен в 1504 г. описал современные события из городской истории, но от его сочинения сохранились только отрывки.

Весьма ценную повесть, как по количеству и качеству использованных источников, так и по редкому для современника беспристрастию, написал упомянутый выше Христиан Бомховер. Сочинение его, озаглавленное «Schone Historie», описывающее время от 1492 г. до 1508 г., в частности столкновение с Москвой, было написано с целью поддержать индульгенцию, предоставленную ордену, т.е. с целью увеличить сумму подаяний. Но для нас оно весьма ценно. Подлинник, по-видимому, потерян; сохранилась только копия с печатанного издания. Честь открытия и образцового издания этого сочинения принадлежит Карлу Ширрену. Прусский орден посоветовал однажды ливонским товарищам записывать всё происходящее для поучения молодых рыцарей и начальников, указывая на то, что представители церкви располагают подобными записями и извлекают из них существенные выгоды. Мы не знаем, насколько этот совет был приведён в исполнение; во всяком случае, мы имеем немного сочинений, возникших в ордене. Между прочим, относившаяся сюда хроника рижского соборного пропста Дитриха Нагеля (1468 г.) должна считаться потерянной. Сохранилось несколько хроник на немецком и латинском языках, написанных с точек зрения магистра или архиепископа, но они изобилуют хронологическими и орфографическими ошибками вследствие поздних переписок, в особенности в правописании имён, и вообще не отличаются литературными достоинствами. Немного более в подробности входят сочинения Фомы Горнера (напечатано 1551 г.). К последнему прибавлены некоторые документы. Иоганн Газентетер, родившийся в 1517 г. и живший некоторое время в Ливонии в качестве секретаря, написал и издал в 1569 г. в Кенигсберге всемирную хронику в стихах «для простых людей», в которой есть также известия о Ливонии. Он же делал сообщения о Ливонии Севастиану Мюнстеру, составителю «Cosmographey» (1-е издание, Базель 1544 г.), в которой (но только в изданиях после 1561 г.) мы находим древнейший, более или менее верный, хотя не показывающий подробностей вид г. Риги. Так называемая «Родовая

дедукция» Генриха фон Тизенгаузена в Берзоне содержит известия о его семействе и показания о земельных владениях этого семейства. Сообщаемые в прибавлении в немецком переводе 37 грамот отчасти известны только из этого источника.

Бальтасар Руссов (Russow — неправильная форма) родился в Ливонии около 1525 г. и был около 1541 г. студентом в Ростоке, затем пастором в Ревеле в 1600 г. Он составил «Ghronik der Provintz Liffland» и издел её сперва в Ростоке в 1578 г., а потом, переработав её, в Барте в 1584 г. Важно его описание тех событий, которых он был свидетелем или очевидцем. Он писал на нижнегерманском наречии, которое в церкви и семейном кругу держалось до начала XVII столетия, из суда и литературы, однако, было вытеснено раньше и располагает читателя в свою пользу простотой и чистосердечностью своего изложения. Но он вместе с тем преувеличивает пороки своих современников и видит в них причину всех бедствий, постигших при нём Ливонию. Уже в числе современников нашлись писатели, как, например, упомянутый Генрих фон Тизенгаузен и Эйларт Крузе (Gegenbericht), указывавшие на эти преувеличения Руссова.

В 1870 г. И. г. Коль, библиотекарь городской библиотеки в Бремене, нашёл подлинную рукопись сочинения Иоганна Реннера, имеющего заглавие «Liflendischer Historien negen boker» (= девять книг ливонской истории). Реннер был впоследствии императорским нотариусом в Бремене и Шпейере, где находился рейхскаммергерихт, а с 1556-1560 г. жил в Ливонии, служа «писцом», сначалаа у иервенского фогта, а потом у перновского командора, и умер в 1583 или 1585 году. Он лично познакомился с населением и делами Ливонии. В основу своего сочинения он положил книжку Горнера. Хронику Генриха и большую хронику великих магистров он не знал, и ими он не пользовался. Зато он пользовался старшей ливонской рифмованной хроникой и хроникой Гунеке, а также сочинением Руссова. Время, которое он провёл в Ливонии, он описывает подробно; он также приводит тексты документов, которые ему в его должности были известны.

Он довёл повествование до 1582 г. Рассказ о последних годах опирается на мелкие публицистические произведения, которые в то время начали выходить часто с рисунками и обыкновенно состояли из описания какого-нибудь современного события. К сожалению, эти листки далеко не всегда заслуживали доверия. Были и такие, содержание которых с первой до последней буквы было вымышлено.

Записки младшего рижского городского писаря Иоганна Шмидта (Schmiedt) обнимают время от 1558-1562 г. и писаны в те же годы. Они сохранились в рукописи со многими поправками. Нельзя не жалеть, что Шмидт не мог написать продолжение и обработать записанное. Соломон Геннинг в своей хронике больше скрывает, чем рассказывает. Это вызывает тем большее сожаление, что Геннинг был много лет секретарем Кетлера, вёл важные дела и, имея пристрастье к сочинительству, мог бы описать и объяснить современные ему события лучше, чем многие другие. Важное значение имеют «северные истории» («Septentrionalische Historien») Лаврентия Мюллера, находившегося на службе сначала у герцога Готгарда, потом у польского короля. Дионисий Фабриций, пропст феллинской иезуитской коллегии, написал ливонскую историю до 1611 г. на латинском языке и с католической точки зрения.

Собрания грамот для XVI столетия ещё не изданы, хотя при немногочисленности литературных памятников грамоты имеют особенное значение. Отдельно кое-что напечатано в разных местах. Сказанное не относится к критическому четырёхлетию с 1558 г. до 1562 г. Для этой эпохи мы имеем собрание Карла Ширена в 11 томах (грамоты из копенгагенского и стокгольмского архивов) и собрание Фридриха Бинемана в 5 томах (грамоты из ревельского и рижского архивов). Грамоты, имеющие значение для генеалогии, хозяйственных отношений и истории культуры, имеются в издании барона Роберта фон Толя: Est- und Livlandische Brieflade (Brieflade = частный фамильный архив) в 4 томах и в 6 частях. Два первых тома содержат грамоты до XVIII столетия. Том III, издан-

ный Филиппом Шварцем, содержит хронологические исследования. Том IV, изданный доктором Заксендалем, содержит изображения печатей и монет. Ко второму тому существует указатель, составленный П.Т. Фальком. Грамоты о земельных владениях в Лифляндии издали в 1908 г. Г. фон Бруинингк и Н. Буш. Земельные хроники для Лифляндии издали фон Гагенмейстер и Эдуард фон Фиркс. По истории отдельных семейств мы имеем несколько сочинений, не лишённых значения и для истории всего края. Историю фамилий Унгерн-Штернберг и Сталь фон Гольштейн написал К. Русвурм; фамилии Икскюль — Г.О. Гансен; фамилии Штакельберг — А. фон Гернет, фамилии Тюре — М. фон Таубе. Центром этих исследований и работ по истории отдельных семейств служит общество генеалогии, геральдики и сфрагистики, которое с 1893 г. в Митаве издаёт свой «Jahrbuch» (ежегодник).

II. ЛИФЛЯНДИЯ И ЭСТЛЯНДИЯ КАК ПРОВИНЦИИ СОСЕДНИХ ГОСУДАРСТВ. КУРЛЯНДИЯ КАК ГЕРЦОГСТВО В ВАССАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЛЬШИ

ГЛАВА XXIX
Эстляндия в XVI столетии

В 1562 г. Ливония распалась на шесть независимых друг от друга частей: 1. Эстляндия под властью Швеции. 2. Прежнее дерптское епископство с Нарвской областью и частью Вирляндии под властью Москвы. 3. Т.н. задвинское княжество Лифляндия с прежним архиепископством (архиепископ Вильгельм умер в 1563 г.) 4. Герцогство Курляндия в ленной зависимости от Польши. 5. Остров Эзель с Виком и пильтенским епископством под властью герцога Магнуса, предъявлявшего притязания также на ревельское епископство (не имевшее почти территориальных владений) и именовавшего себя господином (или епископом) Ревельским, Эзель-викским и Курляндским. 6. Город Рига, сохранивший как вольный город Римской империи свою самостоятельность до 1582 г.

В первые годы после присоединения к Швеции Эстляндия не страдала от войны с русскими благодаря перемирию, заключённому в 1561 г. на два года. Но затем притязания, с одной стороны, герцога Магнуса, с другой — поляков, не желавших очистить некоторые пункты, привели к многолетней борьбе. Дания, уступившая некогда свои владения в Эстляндии ордену, всё-таки держалась такого взгляда, что у неё были большие права на Эстляндию, чем у Швеции. Вследствие

этого в 1563 г. началась т.н. семилетняя северная война между Данией и Швецией, окончившаяся 13 декабря 1570 г. Штетинским миром. Любек, всё ещё глава ганзейского союза, утратившего, однако, прежнее значение, из торговых интересов был в союзе с Данией. Данциг, бывший с 1466 г. в зависимости от Польши, сначала пытался остаться нейтральным, но затем должен был примкнуть к польской политике. Большое значение получила торговля с Нарвой, находившейся в руках русских, несмотря на то, что Польша и Данциг изо всех сил старались привлечь к себе русскую торговлю с Западом. В высшей степени важен не только для ближайшего будущего был брак между Иоанном, герцогом Финляндским, братом шведского короля Эриха XIV, и Екатериной, принцессой польской, сестрой короля Сигизмунда II Августа. На судьбы Лифляндии этот брак повлиял уже потому, что Екатерина получила в приданое шесть лифляндских замков (Каркус и др.), которые, однако, были в руках герцога Магнуса и управлялись по его поручению неким графом фон Артцом (Arcys).

Хотя события этого времени касались, в большей или меньшей мере, всех частей прибалтийского края, мы предпочитаем обозреть судьбы каждой части отдельно и просим извинения за неизбежные повторения. Общее обозрение дало бы слишком пёструю картину.

Во время шведско-датской войны плавание по Балтийскому морю было весьма опасно, и корабли часто подвергались нападениям и захватывались. В 1562 г. шведы взяли Пернов. В 1563 г. шотландские наёмники шведского короля взяли Вейсенштейн, Гапсал и несколько других важных замков и опустошили Вик. Эриху XIV удалось продолжить перемирие с московским царём до 1571 г., так что русские не мешали ему вести войну с поляками и датчанами. Брат его, Иоанн, и супруга его, Екатерина, вызвали своим поведением его подозрение и были заключены в замке Грипсгольм. Граф фон Артц попал в руки герцога Готгарда и был им казнён в Риге. В то же время при господствовавшей смуте образовались шайки добровольцев, предлагавших свои услуги за плату вся-

кому желавшему иметь военную силу. Эти добровольцы получили название:

«livlandische Hofleute» (= лифляндские дворовые), которое до тех пор носили только дворяне, хотя в числе их были, кроме дворян, также старые орденские служители, слуги и крестьяне. Одним вождём таких добровольцев, получившим прозвище «крестьянский Ганнибал», был Иво Шенкенберг, сын ревельского гражданина (казнён в 1579 г. в Пскове). Во главе другого отряда, сражавшегося против шведов, стоял бывший вейсенштейнский комендант Каспар (=Яспар) фон Альтенбоккум. Высшим начальником всех войск, сражавшихся за Польшу, был курляндский герцог. Он между прочим занял Пернов, принудив шведов к отступлению. Но под Ревелем Альтенбоккум потерпел полное поражение от губернатора Генриха Горна. Скоро после этого он был убит в сражении при Лоде на 30-м году жизни.

Заключённый финляндский герцог Иоанн строил козни против своего брата и восторжествовал. Так как Эрих XIV впал в душевную болезнь, то он был низложен, и шведским королем провозглашён брат его Иоанн. Иоанн III, царствовавший с 1568 г. до 1592 г., заключил мир с Данией, хотя ещё в июле 1569 г. датско-любекский флот бомбардировал Ревель, но отношения его к другим соседям остались враждебны. Так и герцог Магнус действовал против него. Сторонником Магнуса был Клаус Курсель, составивший в Ревеле заговор против шведов и принудивший губернатора Гавриила Оксенширну к уступкам. Однако благодаря измене шведам скоро удалось уничтожить эти уступки. Курсель был казнён.

Между тем два ливонца, находившиеся в московском плену, Элерт Крузе, бывший фогт дерптского епископа, и Иоганн Таубе, дерптский дворянин, решили провести свои честолюбивые планы, направленные для виду к спасению Ливонии, на самом деле — к пользе московского царя, которому они потом всё-таки изменили. Не находя сочувствия ни у ливонского дворянства, ни у герцога Готтарда, ни у Ревеля, они обратились к герцогу Магнусу. Этот последний находился в стеснённом положении.

Брат его, датский король, и другие естественные союзники не поддерживали его. Поэтому он стал искать других друзей. В 1563 г. он провёл даже несколько месяцев в Швеции с целью устроить примирение. Вместе с тем он искал руки одной из сестёр Эриха XIV, хотя носил духовный сан. В то же время он заискивал у герцога Иоанна и супруги его, Екатерины. С коадъютором Христофором он был тоже в сношениях, причём он поддерживал бессмысленные мечтания Христофора.

Крузе и Таубе приобрели влияние на Магнуса через придворного проповедника и советника Христиана Ш рапфера. В 1570 г. Магнус приехал в Москву и был царём принят милостиво, причём царь изъявил согласие выдать за него свою племянницу. Магнус должен был сыграть ту роль, которую предлагали перед тем Фюрнстенбергу и Кетлеру и которую оба отклонили, первый, считая подобное дело недостойным, второй — не видя в нём для себя достаточной выгоды. Магнус же был в достаточной степени бесхарактерен, чтобы, не имея других средств и путей к достижению своих целей, согласиться на московские предложения. Обязавшись поставлять войско и платить небольшую дань, он был объявлен королем Ливонии под верховной властью царя, причём под Ливонией подразумевалась тоже Эстляндия, которую хотели завоевать. Магнус избрал местом своего пребывания Оберпален. Нашлись и приверженцы. Однако его попытки взять Ревель и Вейсенштейн кончились неудачно. К этим военным неудачам присоединялась крайняя экономическая нужда, так как вполне истощённая страна не давала более доходов. Ввиду этого король Магнус опять отправился в Москву, в сопровождении отряда наёмников, составленного Георгом Фаренсбахом преимущественно из ливонцев для московского царя. В конце 1572 г. царь лично вступил со значительным войском в Эстляндию. 1-го января 1573 г. русские взяли Вейсенштейн, потом Каркус. Оставив войско в Эстляндии, царь уехал в Новгород, где 12 апреля 1573 г. состоялось с большой торжественностью бракосочетание короля Магнуса с царской племянницей Марией Владимировной. (Сначала хотела выдать за Магнуса сестру Марии, но она умерла).

Со своим братом, датским королём, Магнус совершенно поссорился. В Ливонии он не достиг дальнейших успехов и владел только Оберпаленом и Каркусом. В результате похода, предпринятого им в 1575 г. на Ревель, ничего не получилось, кроме опустошения окрестностей Ревеля. Но и шведы владели, строго говоря, лишь городом Ревелем. Все другие пункты были в руках их неприятелей. Пернов пал в июле 1575 г., Гапсал — в феврале 1576 г., Падис — несколько дней спустя (20 февраля). 23 января 1577 г. опять чрезвычайно сильное русское войско подступило к Ревелю и осадило город, который был в большом затруднении, так как шведы не держали в нём ни достаточного войска, ни достаточного запаса военных припасов. Но граждане и «чёрные головы» поддерживали гарнизон так мужественно и успешно, делали столь удачные вылазки и причиняли осаждавшим столь чувствительный урон, что последние русские отряды уже 13 марта отступили.

О поведении короля Магнуса в этот критический год и о его измене царю, открытой в 1578 г., мы скажем ниже. Под влиянием успехов Стефана Батория и шведы стали действовать более решительно. В октябре 1580 г. выступил на военную сцену Понтус Делагарди, который до тех пор служил дипломатическим агентом при католических дворах. Взяв Кексгольм и не имея возможности по причине дурной погоды и дурных дорог идти на Нотебург, он из Выборга провёл своё войско и тяжёлые орудия по льду Финского залива прямо в Везенберг и затем взял Копорье, Ямбург, Ивангород, Гапсал, Лоде, Леаль, Фикель, Вейсенштейн, Тольсбург. В октябре 1581 г. он донёс королю из Нарвы, что все берега Финского залива очищены от неприятеля. Вследствие взятия Нарвы главный морской торговый путь из Западной Европы в Россию перешёл в руки шведов. 5 августа 1583 г. Швеция и Москва заключили на реке Плюсе перемирие на три года, которое 6 января 1586 г. было продолжено на четыре года. И только теперь Эстляндия, в которой города и селения были разорены, поля много лет не обрабатывались, население отчасти погибло, отчасти томилось

в плену, отчасти одичало, могла вздохнуть свободно, и только теперь шведы могли утвердить там своё господство. Они начали с того, что разделили страну на четыре провинции, получившие старые названия — Гаррия, Вирляндия, Иервен, Вик.

В 1590 г. возобновилась война между Москвой и Швецией, но 18 мая 1595 г. был заключён вечный мир в Тявзине (близ Ивангорода). Швеция выдала Ингрию, зато Москва признала её владетельницей Эстонии. Когда шведский король Иоанн III умер в 1592 г., то его сын Сигизмунд III, избранный в 1587 г. польским королём, вступил на шведский престол (царствовал в Швеции до 1604 г.). При избрании своём в Польше, он дал обещание присоединить Эстонию к Польше, а при вступлении на шведский престол он уверял шведские чины, что он никогда не допустит отделения Эстонии от Швеции. Но король, будучи от рождения католиком, всё более подчинялся влиянию польско-католических советников. В 1593-94 гг. он провел несколько месяцев в Швеции, совершил торжественное коронование и по этому случаю утвердил привилегии Эстонии. Затем он навсегда уехал в Польшу, которая ему более нравилась. Вследствие того шведские чины провозгласили дядю его, герцога зедерманландского Карла, управлявшего Швецией уже в последние годы Иоанна III, правителем в 1595 г., и скоро стало известно, что Карл стремился к престолу. Сигизмунд III пытался удержать Швецию, но его нападение было отражено, переговоры не привели ни к чему. Летом же 1600 г. Карл высадился с войском в Эстонии и занял её от своего имени. Хотя авторитет Сигизмунда и здесь уже сильно пострадал, Эстония медленно и лишь постепенно перешла к Карлу, который, тем не менее, старался переманить к себе также Ливонию. В 1604 г. Карл провозгласил себя королём, но Сигизмунд III и даже его преемники продолжали называть себя шведскими королями.

ГЛАВА XXX
Лифляндия в XVI столетии

4 февраля 1563 г. умер в Риге последний рижский архиепископ Вильгельм. Король польский Сигизмунд II Август поручил герцогу Готгарду, бывшему с 1562 г. в то же время королевским наместником в Ливонии, учредить для архиепископских владений особое управление. Попытка коадъютора Христофора Мекленбургского стать во главе архиепископства не удалась. Он ещё при жизни, но без ведома Вильгельма, вступил в сношения со Швецией, а также с герцогом Магнусом, и теперь рассчитывал на помощь своего брата герцога Иоганна Альбрехта и тестя его Альбрехта, герцога прусского. Но король польский оказался и умнее, и сильнее его. Христофор выставил своё войско, но после некоторых бесцельных движений остановился в Далене, и здесь наместник Готгард взял его в плен в августе 1563 г. Несмотря на ходатайства его родственников, он просидел в польском плену (сперва в Вильне, потом в Раве) шесть лет и получил свободу только в 1569 г. после того, как он отказался от всех прав и притязаний. Он после этого вступил в брак и умер в 1592 г. в Темпцине в качестве управляющего ратцебургским епископством.

На ландтаге в Кокенгузене в 1566 г. герцог Готгард, который был заподозрен у короля, должен был передать свои полномочия Яну Ходкевичу, как новому ливонскому наместнику. Ходкевич секуляризовал рижский соборный капитул и хлопотал о полном слиянии Ливонии, названной герцогством, с Литвой. Хотя результатом этих хлопот должно было быть превращение Ливонии в простую провинцию Литвы, а вместе с тем нарушение

данных привилегий, он достиг своей цели. Ливония тогда же была разделена на четыре округа: Рижский (в который г. Рига пока не вошел), Венденский, Трейденский, Динабургский. На люблинском сейме в 1569 г. Ливония была поставлена в тесную связь с Польшей. Здесь же Польша и Литва слились в одну Речь Посполитую, ибо, хотя они со времени Ягелло большей частью находились под управлением одного государя, они считались за два государства. Так, например, договор в Позволе был заключён не Польшей, а только Литвой. Не мешает указать на то, что Западная Пруссия, присоединённая к Польше по второму Торнскому договору 1466 г., только в силу постановлений люблинского сейма была юридически включена в состав польского государства и лишилась особенностей в политическом устройстве. Последствия этих мер скоро обнаружились: несмотря на данные и повторенные обещания, правительственные должности поручались всё чаще полякам или литовцам. Рига, не подчинившаяся Польше в 1561 г., продолжала отстаивать свою самостоятеьность.

Впрочем, Польша должна была свои приобретения в Ливонии защищать против Москвы. В начале 1563 г. царь Иван IV вступил с сильным войском в Литву и взял Полоцк, а другое войско опустошило местность около Вендена и Вольмара. Целый год тянулась мелкая война. В начале 1564 г. литовцы нанесли русским решительное поражение при р. Уле или при Орше. Вследствие этого московский военачальник, князь Андрей Михайлович Курбский бежал в конце апреля из Дерпта в Польшу, спасаясь от царского гнева. Подозрительность царя постепенно принимала болезненный характер. Когда в 1565 г. поляки вытеснели шведов из Пернова, царь, желая предупредить нападение на Дерпт, велел отвести почти всё немецкое население Дерпта вовнутрь московского царства. Царскому приказу должны были все повиноваться: старые и молодые, мужчины и женщины, больные и здоровые, даже умирающие, но многим вскоре было позволено возвратиться. От войны страдали более всего открытые селения. Перемирие, заключённое

в 1570 г., продолжалось не долго. После возобновления военных действий стал во главе польских войск Александр Полубенский, но он вёл войну вяло и нерешительно. Крузе и Таубе, не имевшие успеха в Эстляндии, теперь, опасаясь царского гнева и желания приобрести милость поляков, стали орудовать в Ливонии. 21 октября 1571 г. они пытались передать Дерпт полякам, но это дело не удалось и повлекло за собой только новые страдания для жителей, к нему вовсе не причастных. Тем не менее, Крузе и Таубе были приняты с почетом при польском дворе.

Смерть короля Сигизмунда II Августа, последовавшая в 1572 г., не положила предела войне. Избранный после него Генрих, принц Анжуйский, брат французского короля Карла IX, не получил значения, так как он вскоре вернулся во Францию; старания Иоанна Грозного занять польский престол не увенчались успехом. Зато, когда в декабре 1575 г. был избран трансильванский воевода Стефан Баторий (коронован 1 мая 1576 г.), то война возгорелась с новой силой, и Ливония, предоставленная самой себе, вновь опустошалась русскими и татарскими ополчениями. Стефан Баторий осаждал Данциг, не хотевший ему присягнуть, и делал вид, что не желает заботиться о Ливонии. Вследствие того король Магнус вмешался в дела южной Ливонии. Кокенгузен, Венден, Вольмар и другие замки сдались ему. В июле 1577 г. царь Иоанн IV лично с большим войском вступил в Ливонию. Курляндскому герцогу он дал знать, что в этот раз пощадит его «Божью страну» (Gotteslandchen, с тех пор это название Курляндии вошло в употребление). Зато он взял Динабург, Крейцбург, Зессвеген, Берзон, Эрлу, Кокенгузен и велел в последнем замке перебить весь гарнизон, чтобы напугать других. После того царь подступил к Вендену. Магнус тщетно старался оказать влияние на него. С тех пор, как Магнус сделал попытку овладеть хитростью всей Ливонией, царь ему не доверял и держал его почти как пленника. Предвидя неизбежный приступ и невозможность спастись, часть венденского гарнизона, в том числе духовные, женщины, дети решили покончить с собой. Все собрались в одном помещении

возле дворцовой церкви, и, когда неприятель к ним приближался, один из них, Генрих Бойсман из Ревеля, зажёг бочки с порохом (31 августа). Виновник взрыва был переброшен в неприятельский лагерь и там посажен на кол. К Магнусу царь отнёсся благожелательно, и казалось, что он его простил: «пёстрый епископ» — так называли русские Магнуса из-за его склонности к пёстрой одежде — мог ещё пригодиться. Вольмар имел ту же участь, что и Кокенгузен и Трикатен.

Когда Стефан Баторий взял Данциг, то он показал, что он отнюдь не думал Ливонию оставить в руках Ивана Грозного. 21 октября 1578 г. польско-шведское войско нанесло русскому, значительно большему войску при Вендене тяжёлое поражение. Царь вступил в переговоры со Стефаном и изъявил готовность на уступки, причём он только от Ливонии ни под каким видом не хотел отказаться, а король тем временем от сейма получил средства для продолжения войны. Он перенёс театр войны из несчастной, совершенно истощенной Ливонии в Псковскую область — главную базу русских для отступления. Очистив от неприятеля Литву, Баторий взял в августе 1579 г. обратно Полоцк и затем другие мелкие крепости и дошёл до цепи укреплений, которые Иван IV построил на московской границе. Осенью 1579 г. Баторий должен был выпрашивать у своего сейма новые средства, царь отправил посольства в Вену и Рим; как и раньше, он был готов к уступкам, но от Ливонии, от выхода к морю, он не хотел отказаться. В 1580 г. поляки одержали новые победы. Баторий взял в конце августа Великие Луки, затем Торопец, Холм и другие крепости. Поляки заходили в Смоленскую и Стародубскую области, везде оставляя внушительные гарнизоны; зиму 1580-81 гг. главное польское войско провело в Литве. Теперь Иван IV соглашался уступить часть Ливонии, но Баторий хотел получить её всю. Так как сейм уже неохотно давал средства, то король обратился к займам. В то время Рига начала вести переговоры о своём подчинении польской короне и приняла участие в войне, выставив войска и припасы и уступая королю две трети своих таможенных сборов.

Летом 1581 г. приехал из Рима избранный папой посредник, опытный дипломат иезуит Антонио Поссевино. Тем не менее, Баторий предпринял третий поход. Он взял Остров и осадил Псков, но здесь счастье ему изменило. Все приступы были отбиты, и точно так же поляки осаждали без успеха крепкий Печорский монастырь. Наёмники, не получавшие жалования, подняли ропот. Зима наступала, поляки готовились перезимовать под Псковом. Город не был взят; но, несмотря на эту неудачу поляков, вскоре было заключено перемирие, а потом и выгодный для них мир. В этом следует видеть заслугу Поссевино, который вёл переговоры с большим искусством и терпением. Мир был заключён 15 января 1582 г. в Запольском Яме. Иван Грозный должен был отказаться от всей Ливонии, частью которой он владел с 1558 г. Эстония была признана шведским владением.

Только теперь поляки действительно вступили во владение Ливонией, разорённой и истощённой почти двадцатипятилетней войной. Так как дерптское епископство не участвовало в договоре 1561 г., то король в нём поступал по своему усмотрению. Канцлер Ян Замойский передал дерптскую церковь св. Марии иезуитам и поручил управление польским чиновникам. Город до того опустел, что надобно было вызвать переселенцев. Магнус должен был окончательно расстаться со своими мечтами. Уже в начале 1578 г. он уехал из Ливонии в Пильтен. Осенью того же года состоялось при посредничестве герцога Готгарда в Бауске подчинение Пильтена польской короне. Хотя Магнус при этом и не отказался формально от других владений, от Эзеля (который перешёл к Дании), от Вика, от Ливонии, но фактически всё это было потеряно навсегда и безвозвратно.

В это время и Рига признала верховную власть польского короля над собой, а Баторий обещал оставить её привилегии неприкосновенными. 12-го марта 1582 г. он имел торжественный въезд в Ригу. Вслед затем началась католическая реакция. Ещё иезуит Поссевино собирал сведения о церковных делах в Ливонии. От старой церкви сохранились только ничтожные следы, так, напри-

мер, в одном рижском монастыре уцелело несколько престарелых монахинь. Большинство населения перешло к реформации, которая нашла последователей и в самой Польше и особенно в Литве. Дальнейшему распространению её теперь положен был предел, и в Ливонии была сделана попытка восстановить католицизм, но в том виде, который придал ему тридентский собор. Баторий учредил в Вендене, в самом центре Ливонии, новое епископство и снабдил его многими недвижимостями. Появились иезуиты, и целый ряд церквей в городах должен был быть уступлен для католического богослужения. Такие меры были приняты и в Феллине и Пернове (здесь работал иезуит Квадрантин), и в то же время и в сёлах строились новые церкви или отнимались старые для католиков. Среди простого народа многие переходили в католичество. В Риге католики получили церковь св. Марии Магдалины и церковь св. Иакова. По новому закону (Constitutiones Livoniae), произвольно изданному 4 декабря 1582 г., Ливония разделена была на три президенства: Венден, Дерпт, Пернов — и получила новое управление. В королевские замки и имения были назначены польские управляющие.

Нельзя сказать, что Баторий был покровителем крестьян. Меры его в отношении к этому сословию не имели целью облегчение его, а лишь вытекали из политических или церковных соображений. В королевских доменах ничего не было сделано для улучшения положения крестьян. Зависимость деревенского населения ещё в последние десятилетия самостоятельности Ливонии вследствие рецепции римского права приняла более тяжёлый характер. А в последовавшие затем смутные годы, когда в Ливонии и за неё воевали чужие державы, положение крестьян ещё более ухудшилось. Сами помещики обеднели и с трудом удерживали земли в своих руках, о нововведениях они не могли и думать. Состоятельные иногда в течение нескольких лет не могли заниматься своим хозяйством и жили как бы в изгнании, так, например, Генрих фон Тизенгаузен в Митаве. Множество женщин и детей было уведено в плен, и некоторые пере-

жили весьма замечательные приключения. Кому из них привелось увидеть своё имение, тот видел лишь картины страшного разорения. И как помещики, так страдали и крестьяне. На больших пространствах надолго прекратились всякие полевые работы, и на некогда плодородных полях вырос молодой лес и кустарник. Ещё в начале XVII столетия путешественники в восточной части Ливонии по целым дням не находили человеческого жилья и должны были ночевать под открытым небом. Говорили, что между Дерптом, Ригой и Перновом «не слышно ни собаки, ни петуха». В рабочих силах ощущался самый крайний недостаток: местами всё население было поголовно истреблено. И всё-таки из этих развалин выросла новая жизнь. Население доказало, что оно унаследовало стойкость и энергию первых колонистов и исполнило тяжёлый труд насаждения культуры во второй раз. И под покровительством и по примеру немцев принялось за работу и туземное крестьянское население и увидело новый порядок, но впоследствии и новый упадок.

Когда король приказал ввести в Ливонии грегорианский календарь, то в Дерпте, Пернове и особенно в Риге произошли крупные беспорядки (календарные беспорядки), потому что население не сочувствовало реакции. Рижский городской совет согласился праздновать Рождество 1584 г. по новому стилю, но население ему воспротивилось и обвинило его, что он не заботится о действительных интересах города. При этом ставили ему в вину и передачу церкви св. Иакова католикам. Мартин Гизе, юрист по профессии и настоящий демагог, поддерживал недовольство и вызвал достаточно сильное волнение, чтобы оказать желаемое давление на совете, который высказался теперь против введения нового календаря. Но Гизе и его единомышленники пошли дальше. Они воспользовались сложившимся настроением и потребовали, чтобы управление городской казной было поставлено под контроль обеих гильдий. Это требование вызвало очень ожесточённый спор, решение которого было предоставлено королю. Король отклонил требование недовольных. Тогда Гизе обвинил двух чле-

нов совета, Тастиуса и Веллинга, в том, что они главные виновники передачи церкви св. Иакова иезуитам, и достиг того, что было назначено обследование этого дела. На пытке оба обвиняемые дали желаемые показания, и, несмотря на мужественную и справедливую защиту их со стороны бургмистра Ниэнштедта и городского секретаря Давида Гильхена, суд произнёс под давлением черни опрометчиво смертный приговор, и Тастиус был казнён 27 июня, а Веллинг — 1 июля 1586 г. После этого король изгнал Гизе, который бежал в Швецию, стянул к Риге войска и построил на Двине, напротив Риги, укрепление. 2/12 декабря 1586 г. умер Стефан Баторий, и ему наследовал на престоле Сигизмунд III Ваза (1587-1632). Когда чиновники его потребовали присяги от рижан, эти, по совету возвратившегося из Швеции Гизе, заявили, что они присягнут только в том случае, если король утвердит привилегии города и возвратит церковь св. Иакова протестантам. Опять произошли беспорядки, прекратившиеся только после того, как Гизе и его ближайший товарищ Ганс Бринкен польским судом были приговорены к смерти и этот приговор был приведён в исполнение 2 августа 1589 г. 26 августа был заключен т.н. Северинский договор (26 августа — день св. Северина). Совет сохранил прежние права и власть, но гражданам предоставлено некоторое влияние на замещение городских должностей, и в управлении городской казной должны были впредь участвовать два представителя от гильдий и два от граждан. В том же 1589 году порядок управления, введённый в 1582 г., вновь был пересмотрен.

ГЛАВА XXXI
Курляндия как герцогство

5 марта 1562 г. Готгард Кетлер присягнул на верность польскому королю в Риге в пристуствии князя Радзивилла. Из крушения старой Ливонии он спас для себя не только не всю область, но даже и не большую часть её, как он надеялся, а только южную часть, которая имела то преимущество, что очень мало пострадала от войны. Но и эта южная часть не в полном составе досталась ему. Польский король не выкупил области Гробин, заложенной у Пруссии, хотя он обещал это сделать, и герцог Магнус не обменял пильтенское епископство, состоявшее из четырёх отдельных кусков, на Зонебург, Леаль, Мадзаль и т.д., и данные им обещания не были исполнены. Последний орденский фогт в Зонебурге Генрих Вольф генант фон Людинггаузен передал эту область герцогу Магнусу. Кроме того, между Кетлером и Тисом фон дер Рекке, последним добленским командором, возник долгий спор, потому что Кетлер, надеясь получить всю Ливонию, обещал Рекке вознаградить его землями: Доблен, Аутц и Гофцумберге, а потом не исполнил своего обещания. Реке нашёл поддержку в Польше. Дело дошло до открытой борьбы. Из Доблена он был вытеснен, но он засел в Нейенбурге, который Кетлер предназначил в удел своей супруге. Для неё нужно было искать другие земли. В конце концов, в 1576 г., Рекке удовольствовался Нейенбургом и отказался от Доблена; он умер в 1580 г. и до смерти не признавал над собой власти Кетлера.

Курляндское герцогство представляло собой область к югу от Двины в виде длинной полосы, растянутой от запада к востоку с совершенно открытыми

границами, доступными для всякого неприятеля. Кроме того, оно не представляло одной сплошной территории; внутри его было немало чужих владений. В 1563 г. польский король построил Ново-Динабург, нынешний Двинск, очевидно, для того, чтобы иметь орудие в возможном столкновении с Курляндией. Рижский замок Кетлер держал в руках до 1578 г., он хотел продать его городу Риге, и когда продажа не состоялась, он передал замок полякам. Только после того Митава сделалась герцогской резиденцией. О передаче Дюнамюнде, а также о передаче должности губернатора в Ливонии мы говорили выше.

В марте 1566 г. Кетлер женился на Анне Мекленбургской, дочери герцога Альбрехта VII Красивого и маркграфини Анны Браденбургской и сестре коадъютора Христофора. Этот брак состоялся благодаря стараниям польского короля и прусского герцога; семейство принцессы Анны, особенно герцог Ульрих, первоначально вовсе не сочувствовали ему, но сопротивление его было побеждено. В лице Анны является в Ливонию первая историческая женщина, судьба которой нам более или менее известна.

Герцог Альбрехт вёл до самой своей смерти (20 марта 1568 г.) оживлённую переписку с герцогской четой в Курляндии и, считая Кетлера своим учеником, совершившим секуляризацию Ливонии по образцу Пруссии, относился к нему с особым сочувствием. И это сочуствие не страдало от того, что Кетлер не всегда исполнял желания Альбрехта; по крайней мере, в письмах мы не находим никаких следов какого-либо недовольства. Кетлер оставил по себе, как последнем магистре, в особенности благодаря своим интригам при падении старой Ливонии, а также благодаря своему поведению в отношении к почтенному Фюрнстенбергу, дурную славу, зато он, как первый курляндский герцог, приобрёл неоспоримые заслуги. Когда он вступил на престол, страна находилась в полном расстройстве, и прежние порядки оказались нежизнеспособными. Кетлер, сохранив от старого строя всё, что можно было сохранить, создал долгим и небла-

годарным трудом новые нормы и порядки. В частности, только при нём курляднские города начали развиваться.

Ещё в 1563 г. герцог созвал ландтаг в Ригу, который должен быть назван курляндским, так как члены его были из Курляндии (протокол подписан 21 марта). В Риге собиралось ещё несколько курляндских ландтагов, так же, как и курляндский, придворный суд заседал ещё в течение нескольких лет в Риге. Уже первый ландтаг обратил внимание на положение церкви и школ. В католическое время существовали школы, так, например, упоминается в 1511 г. учитель в Цабельне, а в 1570 г. говорится о старых школах. В наступившее затем переходное время школы пришли в крайний беспорядок. Землевладельцы не сумели создать прочную организацию и отыскать средства для обеспечения школ. Пасторы назначались иногда орденскими начальниками (например, в Туккуме Германом Брюггенеем) или, по крайней мере, допускались ими (в Аутце и других местах). Но, по-видимому, начальники, на которых лежала обязанность заботиться о церковных нуждах, относились к этой обязанности крайне недобросовестно. Ревизии, назначенные герцогом, раскрывали весьма неудовлетворительное положение дел. С 1565 г. производил ревизию суперинтендант Стефан Билау, в сопровождении светских чиновников, а с 1566 г. его преемник Александр Эйнгорн (или Копперсмит) при участии чиновника Соломона Геннинга, верного слуги герцога. Результаты ревизий были доложены ландтагу в Бауске, который постановил 6 мая 1568 г. возобновить целый ряд церквей, школ и богаделен. В 1570 г. митавский ландтаг составил новый церковный устав, напечатанный в 1572 г. в Ростоке под титулом «Kirchenreformation».

В 1586 г. появились первые печатные богослужебные книги на латышском языке (напечатаны в Кенигсберге), в составлении которых принимал главное участие добленский пастор Иоганн Ривиус, умерший до выхода в свет всего издания.

В первых ландтагах принимали участие также представители духовенства и городов, но ещё при герцоге

Готгарде перестали их приглашать, и лишь во втором десятилетии XVII столетия встречаются опять городские делегаты. В 1570 г. герцог дал своему дворянству важную грамоту (Privilegium Gothardinum). Эта грамота определяла отношения герцога к его подданным и сделалась вместе с привилегией Сигизмунда Августа и герцогской провизией основой курляндского государственного права. Вместе с тем было кодифицировано наследственное право. Воинскую повинность несли землевладельцы. Двадцать помещиков, имевших определенное мнение, т.е. мнение половины гакена т.н. Halbhaker, должны были выставлять вооружённого всадника. Но этого было мало; без наёмников Курляндия не могла обойтись. Для того, чтобы держать наёмников, нужны были средства, а финансовое дело стояло ещё на весьма низкой ступени развития. Герцог брал ссуды под залог земель, причём проценты платились натурой, а капитал возвращался в условленный срок. Выгода при этом была только на стороне заимодавца. Сумма долгов герцога была значительна; и кредиторы часто напоминали о них, особенно начальники отрядов наёмников. И эти долги нужно было уплатить. Реформа судопроизводства не состоялась, и также не было составлено уложение. Проект устава о судопроизводстве, выработанный канцлером Михаилом Брунновом (1583 г.), не был одобрен дворянством (1572 г.). Этот проект был составлен на основании обычаев и отдельных распоряжений орденского времени, которые остались действительными, хотя проект устава был отклонён.

Старшая дочь герцогской четы Анна, родившаяся 29 апреля 1571 г. в Риге в январе 1586 г., вышла замуж за князя Иоганна Альберта Радзивилла, королевского гофмаршала, который умер ещё в июне 1592 г. Она перешла в католическую церковь и играла при дворе влиятельную роль. Она умерла в 1619 г. В переписке того времени, особенно во время конфликта, вызванного её братом герцогом Вильгельмом, часто встречается её имя. Младшая дочь Елисавета, родившаяся 3 октября 1575 г., вышла замуж за Адама Венцеля, герцога Шлезиентешенского и умерла в 1601 г.

Готгарду не удалось приобрести пильтенское епископство и таким образом округлить и увеличить своё владение. Признав в 1578 г. над собой верховною власть Польши, герцог Магнус сосредоточился в Пильтене, и в конце концов этот замок был единственным его фактическим владением, так как всё другое было заложено. Но он уверял Готгарда — еще в в 1572 г., — что он усыновит одного из его сыновей и что Пильтен после его смерти перейдёт курляндскому герцогству.

Магнус умер 18 марта 1583 г. Дворянство распалось на две партии. Одна партия на съезде в Дзельдене изъявила готовность войти в состав Курляндии и признать верховную власть Польши. Но другая партия, под предводительством Иоганна Бера, оказалась более сильной. Эта партия хотела отделиться от католической Польши, а потому и не желала соединения с Курляндией и стремилась к сближению с протестанской Данией. Король Фридрих II сперва пошёл навстречу этой партии и прислал вспомогательное войско и военные припасы, но, когда он узнал, что почти вся страна заложена, он отступился, и Иоганн Бер тщетно старался убедить его принять Пильтен под свою власть. Тогда в мае 1583 г. по указаниям наместника, кардинала Георга Радзивилла, вступили польские войска в Пильтен, а курляндский герцог занял пути туда и не пропускал припасов. Все замки, за исключением Пильтена, были заняты поляками, и страна страшно опустошена. Цвет пильтенского дворянства погиб в сражениях; некоторые, например, Христофор фон Закси из Дубеналькена, должны были спасаться в глуши лесов. Перемирие, заключённое 20 декабря 1583 г., не соблюдалось; сами пильтенцы не могли сговориться, потому что, как выразился курляндец полковник Бартольд Бутлар, у них было слишком много управляющих. Наконец Польша и Дания решили участь Пильтена трактатом в Кроненборге 15 апреля 1585 г.

По этому трактату Дания уступила за 30000 талеров все права на Пильтен. Так как указанную сумму уплатил маркграф Георг Фридрих Бранденбург-Ансбахский, управлявший Пруссией за слабоумного герцога

Альбрехта Фридриха, сына Альбрехта, то Пильтен сразу перешёл во владение Пруссии, под верховной властью Польши. В то время большие земельные участки были проданы: Амботен — Вильгельму Кетлеру фон Нессельраду, племяннику герцога; Донданген с его неповторимыми лесами — польскому канцлеру Мартину Берцевичу, передавшему его скоро Левину фон Бюлову; Нейгаузен — поляку Павлу Вернику. Вдова герцога Магнуса с дочерью поселились в одном из монастырей в Москве. Имя же Магнуса во всяком любящем свою родину ливонце вызывает, и будет вызывать, неприятные воспоминания.

Герцог Готгард, умерший в Митаве 17 мая 1587 г., сделал в своём духовном завещании распоряжение, чтобы курляндское герцогство после его смерти было разделено между его сыновьями: Фридрихом, родившимся 25 ноября 1569 г. в Риге, и Вильгельмом, родившимся 20 июля 1574 г. в Митаве. Это распоряжение было ошибкой. До совершеннолетия Вильгельма, Фридрих управлял всем герцогством, но под надзором вдовствующей герцогини и верховных советников.

Но так как герцогиня осталась в Митаве, которая была отдана в её пользование, то герцог Фридрих с двором и с канцеляриями своими переехал в Бауск. Молодые герцоги в разное время предприняли заграничные путешествия, на языке того времени — «перегринации». Вильгельм поехал в 1590 г. в Росток, слушал лекции в тамошнем университете и по обычаю времени трижды занимал должность ректора. В 1596 г. братья произвели раздел в Гофцумберге, и Фридрих получил Семигалию с главным городом Митавой, а Вильгельм получил собственную Курляндию с главным городом Гольдингеном.

В 1600 г. Фридрих вступил в брак в Вольгасте с Елисаветой-Магдалиной, дочерью Эрнеста-Людвига, герцога Штетин-Померанского. В том же году началась война между Швецией и Польшей, и некоторые шведские отряды коснулись курляндской территории. Как ленник польского короля Сигизмунда III и притом искренне преданный, герцог Фридрих выступил в поход со свои-

ми войсками и принимал участие в сражениях в южной Лифляндии, между прочим — в битве при Кирхгольме в 1605 г., и долго находился в лагере при Папендорфе.

Вильгельм в то время находился за границей; имея от природы хорошие дарования, получив порядочное воспитание, интересуясь особенно богословскими вопросами, он при дворах нравился и находил радушный приём. Главным пороком того времени было пьянство. Так и Вильгельм не раз делался жертвой своей невоздержанности, тем более, что в числе его спутников были люди, имевшие ту же слабость, например, Ганс фон Швейнихен и Герт Нольде. Нам сообщают об основательных попойках в Лигнице и Старгарде, в Ансбахе у маркграфа Георга Фридриха пьянство достигало таких размеров, что Вильгельм предпочёл удалиться. Он посетил дворы северной Германии, Копенгаген, Кассель, Штудгарт. В Дрездене он зачислен в саксонскую армию в чине полковника; в том же 1605 г. он находился в Англии при дворе Иакова I, от которого он впоследствии за услуги (какие — неизвестно) получил жалованье в 400 фунтов стерлингов. В 1609 г. он обручился, а в 1610 г. он венчался в Кенигсберге с Софьей (род. в 1582 г.), дочерью прусского герцога Альбрехта-Фридриха и супруги его Марии- Элеоноры, принцессы клевеской.

Между тем курляндцы начали жаловаться на разделение герцогства, двойное управление, назначение иностранцев на государственные должности, частые отлучки герцогов. Последнее было направлено особенно против Вильгельма, но также и против Фридриха, который под впечатлением этих жалоб, обидевшись, в 1597 г. даже покинул Курляндию и передал управление Вильгельму. В 1615 г. Фридрих и Вильгельм вместе заключили торговый договор с Ригой, принесший им лично некоторые выгоды, но для населения неблагоприятный. После своей женитьбы Вильгельм поселился в Гольдингене.

Путём женитьбы он приобрёл Гробин; скоро после того он заключил с Иоганном Сигизмундом, бранденбургским курфюрстом, договор, в силу которого он обязался по частям уплатить сумму, которая была выдана

под залог Пильтена, и по уплате её должен был приобрести Пильтен. Так как он с 1616 г. перестал платить, то Пильтен не достался ему. Вообще Вильгельм относился очень добросовестно к своим обязанностям и заботился обо всём. Несмотря на крайнюю путаницу в финансах и на необходимость погашать долги герцога Готгарда, он сумел увеличить свои доходы и мог надеяться привести финансы в порядок. Но, к сожалению, он был вспыльчив и беспокойного нрава, и вследствие этого поссорился с влиятельными представителями дворянства, например, с предводителем дворянства Иоганном Нольде, который умер в 1616 году. Братья Готгард и Магнус Нольде, с которыми его некогда связывала настоящая дружба, но которых он потом жестоко оскорбил, оспаривая права их на владения, стали во главе недовольных. У гроба своей супруги, умершей после рождения сына Иакова, 24 ноября 1610 г., герцог учредил особый дворянский суд, лишивший Магнуса Нольде большей части владений. Кроме того, герцог обвинил обоих братьев в непокорности. Но обвинённые нашли защиту в Варшаве. Вмешательство герцога Фридриха, собственно не причастного к этому делу, только усилило взаимную ненависть, и под влиянием своего предводителя Оттона Гротгуса всё дворянство стало на сторону братьев Нольде. Насмешки и злые сатирические выходки сопровождали борьбу; герцога называли «соседом Вильгельмом». Наконец герцог увлекся до того, что совершил грубое и тяжкое преступление. В августе 1615 г. его слуги напали на братьев Нольде в Митаве и умертвили их (bei der Gildstude an der Drixe).

Возможно, что Вильгельм хотел не убить, а захватить Нольде, и что слуги его совершили убийство по собственным соображениям: всё-таки, и справедливо, все называли герцога убийцей. Многие считали и герцога Фридриха причастным к делу. Польский король назначил следственную комиссию. Сперва оба герцога не хотели ей подчиниться, утверждая, что дело Нольде есть внутреннее дело. Но затем они приняли её. Фридриху удалось доказать полную свою невинность. Вильгельм

же был объявлен в опале и должен был покинуть Курляндию, а управление его половиной перешло к Фридриху. Впрочем, Вильгельм сделал некоторые распоряжения, из которых нужно заключить, что он надеялся когда-нибудь возвратиться. Управление своим частным имуществом он поручил лицам небезукоризненным. Купца Антония Веймара он назначил начальником в Гольдингене, и, кроме того, он дал широкие и вместе с тем неясные полномочия какому-то Вольмару Фаренсбаху, имевшему нехорошую славу. Поведение его было очень странно. Он наделал много зла и, наконец, сложил с себя свою должность.

И в Польше сперва считали возможным возвращение Вильгельма. Только когда узнали, что он находится у шведского короля Густава Адольфа и, стало быть, ищет поддержки у врагов Польши, его участь там была решена. Но и со шведским королём Вильгельм не поладил и покинул Швецию раньше, чем Густав Адольф мог сделать что-нибудь в его пользу. Около 1620 г. Он поселился в Штетине у герцога Богислава XIV, а в 1628 г. он получил от него имение (некогда духовное) Кукелов близ Каммина. Со временем он отказался от всех надежд на Курляндию для себя, но он надеялся для своего сына Иакова. В Кукелове он вел тихую жизнь мелкого помещика, но однажды, около 1630 г., бури тридцатилетней войны посетили и его. Он умер в Кукелове в 1640 г.

Между тем в Курляндии, при самом деятельном участии королевской комиссии, было составлено новое государственное устройство (Die Regimentsformel), в которое вошли также курляндские статуты (Das Landrecht) от 18/28 марта 1617 г. Это устройство ограничивало власть герцога до крайности, и, можно сказать, герцог не мог сделать ни шага без согласия дворянства. Высшее представительство его составляли четыре высших советника (Oberrate): 1) ландгофмейстер, 2) канцлер, 3) бургграф, 4) ландмаршал; из них же и нескольких учёных юристов состоял придворный суд (Hofgericht или Oberhofgericht). Второе и низшее представительство дворянство имело в лице главных начальников (Oberhauptleute), сперва че-

тырёх, живших в Митаве, Гольдингене, Туккуме и Зельбурге, к которым после присоединения Пильтена прибавился ещё пятый — в Газенпоте. Оттон Гротгус, некогда вождь оппозиции, потом сделался важным и полезным советником герцога.

Во время войны шведского короля Густава Адольфа с Польшей, в которой Курляндия, разумеется, должна была принять участие, герцог Фридрих почти в продолжение полутора десятилетия не мог жить в Митаве.

Чтобы облегчить и ускорить развитие городов, герцог Фридрих дал им уставы (так называемые полицейские уставы). Митава получила устав в 1606 г., Бауск — в 1635 г. (этот устав конфирмован польским королём в 1645 г.). Либава, основанная жителями Гробина, не имевшая в средние века никакого значения, получила устав в 1625 г. Поселению на Двине на земле Альт-Зерен, возникшему в XVI веке, герцог дал права города, и оно приняло название: в начале Нейштедтхен, потом Фридрихштадт.

Курляндское дворянство поручило комиссии, т.н. «рыцарской скамье» (Ritterbank), проследить происхождение всех его членов. Эта комиссия, учреждённая в 1620 г. во время и вследствие войны прерывавшая свою деятельность, закончила свои работы в 1634 г. и внесла 110 фамилий в дворянский матрикул — рыцарскую книгу. До 1642 г. были внесены ещё 9 фамилий.

Так как у герцога Фридриха не было детей, то он убедил польского короля признать наследником курляндского престола Иакова, сына Вильгельма, бывшего герцога, и после смерти Фридриха в 1642 г. Иаков действительно вступил на престол.

ГЛАВА XXXII
Семнадцатый век

Объявив Эстляндию как часть старой Ливонии, с согласия польского сейма (постановление от 12 марта 1600 г.), но без предварительного соглашения со Швецией, владением польской короны, Сигизмунд III нарушел права Швеции и лишил себя бывших у него неоспоримых прав. Вследствие этого дядя его Карл, шведский регент, начал войну и изгнал поляков из тех эстляндских замков, которые были в их руках. Затем он занял всю Лифляндию до самой Риги. Он требовал от лифляндцев, чтобы они присягнули ему и жестоко обращался с приверженцами Польши. Многие колебались, многие, полагая, что Польша оставит Лифляндию в руках шведов, перешли к Карлу. Более значительное сражение случилось только при Вендене 28 декабря 1600 г. (7 янв. 1601 г.). Но поляки оправились. Собрав большие войска и поручив начальство коронному гетману Яну Замойскому, они стали теснить шведов. В 1601 г. происходила серьёзная борьба вдоль Двины. Кокенгаузен был взят, опять потерян и опять взят. В сражении близ Кокенгаузена было уничтожено лифляндское земское знамя и погибло несколько знатных лифляндских дворян, в числе их и бывший предводитель дворянства Иоганн фон Тизенгаузен. Под начальством Радзивиллов, отца Христофора и сына Яна, поляки вновь завоевали все потерянные замки. Герцог Карл уехал в Швецию, оставив в Ливонии в качестве генерал-губернатора Иоганна, графа Нассауского; так как шведы не получили подкреплений, то они должны были отступить. Поляки взяли в 1602 г. Феллин, в апреле 1603 г. — Дерпт. Страна и население переносили тяжёлые

страдания. Поляки поступали в Лифляндии как в неприятельской стране, страшная чума и голод уносили массу жертв. К тому присоединились неурожаи и очень холодные зимы, кое-где нужда заставляла несчастных жителей питаться неестественной пищей. Достоверно засвидетельствованы случаи питания человеческим мясом.

Приняв в 1604 г. королевский титул, бывший герцог Карл, а теперь Карл IX возобновил войну, почти прекратившуюся. С 40 кораблями он пристал к Дюнамюнде в августе 1605 г., и в то же время другое шведское войско двинулось из Эстляндии. Но этим войскам не удалось соединиться. Польский полководец Ян Карл Ходкевич вместе с курляндским герцогом Фридрихом сумел продвинуться между ними. Карл IX, осадивший уже Ригу, снял осаду и занял укреплённую позицию при Кирхгольме. Ходкевич притворным отступлением выманил шведов из этой позиции и нанёс им 17 сентября 1605 г. тяжёлое поражение. (Битва при Кирхгольме). Сам король находился в большой опасности и потерял около 8000 человек. После этого поражения он возвратился в Швецию. Сигизмунд III же дал городу Риге и населению Лифляндии некоторые новые привилегии, желая их расположить к себе; возникшие в Польше беспорядки не позволили ему воспользоваться, как следовало бы, победой при Кирхгольме. Шведы оставались в Лифляндии и поддерживали блокаду рижского порта и очистили Лифляндию только в 1609 г., потерпев ещё несколько неудач.

Сын и преемник Карла IX, Густав Адольф, продолжал раньше всего войну с Москвой. В 1615 г. он взял Гдов на Чудском озере и осаждал Псков, но без успеха. В феврале он заключил мир в Столбове (недалеко от Ладожского озера, ратификованный в Стокгольме в 1618 г.). Швеция получила Ингрию и признала Михаила Фёдоровича Романова московским царём.

В августе 1621 г. Густав Адольф сделал нападение на Лифляндию. Он осадил и бомбардировал Ригу, готовился к штурму. Несколько приступов было отражено. Радзивилл хотел придти на помощь и стоял уже на Двине,

но не решился вступить со шведами в бой и отступил, предоставив Ригу самой себе. Рига должна была сдаться. 16 сентября 1621 года. Густав Адольф сам вступил в город. При этом он отозвался с похвалой о твёрдости, с которой защищалась Рига. Ввиду этого суждения, упреки поляков, будто Рига не защищалась с должным усердием, не имеют веса. Из Риги король отправился мимо озера Бабит вдоль реки Аа к Митаве. Герцог Фридрих со своим курляндским войском находился при польской армии. Митава, в которой находились только небольшой наёмный отряд и городская стража, должна была сдаться 3 октября. Однако шведский, оставленный здесь, гарнизон был так слаб, что князь Радзивилл уже в июне 1622 вновь занял Митаву. Шведский король не придавал Курляндии значения, но в Риге он держал достаточное войско. Вслед затем было заключено перемирие. Поляки им не воспользовались для новых вооружений.

В 1625 г. Густав Адольф возобновил войну. Граф Делагарди (с 1619 г. эстляндский губернатор, в 1622-28 гг. генерал-губернатор Эстляндии и Лифляндии) и Густав Горн подступили к Дерпту и взяли этот город 26 августа. Сам король вторгся в Литву и Курляндию и взял Кокенгузен (17 июля) Позволь, Бирсен, Бауск (17/27 сентября начальник дворца Магнус Бутлар пал) и Митаву (23 сент.). Когда польский полковник фон дер Рекке сделал нападение на Митаву, то Густав Адольф отдел её на разграбление своим солдатам (14-16 октября). 7/17 января 1626 г. король разбил Льва Сапегу при Вальгофе. Отсюда он уехал (ехал чрезвычайно быстро: из Курляндии до Ревеля только четыре дня) через Ревель в Стокгольм. Но шведские войска остались в Лифляндии, и война продолжалась. Поляки выставили теперь генерала Гонсевского, который в мае 1628 взял обратно Бауск, но в остальном не достиг решительных успехов.

У Густава Адольфа были широкие планы; между прочим он хотел сделать из Балтийского моря внутреннее море великой шведской державы. Он воевал с поляками и в Пруссии на южном берегу Балтийского моря. При этом он получал из Лифляндии хлеб и войска. Нема-

ло из офицеров его армии было родом из Лифляндии, и некоторые лифляндцы достигли высоких должностей, как, например, фельдмаршал Герман Врангель. По договору, заключённому в Альтмарке, недалеко от Эльбинга, 16 сентября 1629 г., Густав Адольф получил Лифляндию. При этом Курляндия обязалась уступить полосу земли на нижней Аа со Шлоком; на самом деле Курляндия сделала эту уступку только в 1783 г., когда Лифляндия уже давно перешла к России.

Каковы бы ни были соображения короля, побудившие его вмешаться в тридцатилетнюю войну, он спас, без сомнения, стеснённый протестантизм. Его смерть, последовавшая 6/16 ноября 1632 г. в битве при Лютцене, была и для Лифляндии, и Эстляндии тяжким ударом. Швеция старалась сохранить влияние на общеевропейские дела, приобретённое Густавом Адольфом, и только Северная война лишила Швецию значения первостепенной державы.

Ему наследовала на престоле дочь Христина (родившаяся 8 декабря 1626 г.) под руководством нескольких опекунов, боровшихся друг с другом. В том же 1632 г. произошла перемена и на польском престоле; умер король Сигизмунд III, и ему наследовал его сын Владислав IV, который не отказывался от притязаний на Швецию и продолжал называть себя шведским королём. Также он назначал чиновников для Лифляндии, хотя она вся была в руках шведов. 4/14 сентября 1635 г. шведский канцлер Аксель Оксенширна заключил мир с Польшей в Штумсдорфе (к югу от Мариенбурга в Пруссии, собственно перемирие на 26 лет). По этому миру восточные округи: Динабург, Мариенгаузен, Розитен (Рыжица), Лудзен (Люцин, т.н. польская Лифляндия или Инфлянты) отошли обратно к Польше, всё остальное осталось за Швецией.

Когда Густав Адольф в 1621 г. овладел Ригой, а вслед затем и всей Лифляндией, религиозные притеснения достигли больших размеров. Вопреки данным обещаниям католики старались подавить протестанизм и вызывали частые споры, тем более, что нарушали утверждённые польским правительством права. Так, Рига,

Дерпт и другие меньшие города были принуждены защищать свои привилегии. В Риге явился вождём пастор Герман Самсон (впоследствии сделавшийся генерал-суперинтендантом и получивший от шведского короля дворянское достоинство с прозванием Гиммельшерна). Он составил несколько назидательных и полемических сочинений. В этом критическом положении протестантский шведский король явился спасителем. Он с самого начала обратил внимание на церковную организацию, и благодаря этому был выработан новый церковный устав. Точно так же король приступил к судебной реформе. В Дерпте был учреждён надворный суд. Рига и Ревель зависели от королевского надворного суда в Стокгольме. Вообще судопроизводство в городах было оставлено у магистратов: для сельских жителей были учреждены сельские суды, а потом и сельская полиция. Генерал-губернатор Иоганн Шитте (1628-1634) учредил дворцовые суды в аппеляционные инстанции, но ввиду многих столкновений и осложнений эти суды были упразднены уже в 1639 г. По предложению правительства военный советник Энгельбрехт фон Менгден выработал проект лифляндского земского права (1643 г.), но этот проект не был одобрен. В то же время, т.е. в 1643 г., была учреждена лифляндская ландратская коллегия (в 1648 г. она была расширена), которая состояла из местных должностных лиц, исполнявших эту обязанность в начале безвозмездно.

Король Густав Адольф заботился также об учебных заведениях и, думая о них с особенной любовью, делал относящиеся к ним распоряжения даже среди военного шума. Так, он подписал осенью 1630 г. в лагере при Ильменау акт об учреждении королевской гимназии в Дерпте, а 30 июня 1632 г. в лагере при Нюрнберге акт об учреждении академии или университета в Дерпте. Край нуждался в пасторах, врачах, юристах, и на подготовку их было обращено главное внимание. Число студентов из местного населения было невелико; было несколько курляндцев, большинство составляли шведы; местные жители предпочитали учиться в заграничных универ-

ситетах. Профессорская коллегия состояла преимущественно из немцев. Одним из профессоров был Фридрих Мениус. Он имел намерение подробно изучить и изложить местную историю, но он написал только «Prodromus» (Введение), и это сочинение не производит благоприятного впечатления. Более достойное было сделано им до вызова в Дерпт; так он издал «Englische Comedien» (Английские комедии) в Альтенбурге в 1620 г. Когда в 1656 г. русские взяли Дерпт, преподаватели и учащиеся разбежались. Нечто в роде продолжения этого дела просуществовало в Ревеле до 1665 г., но там записалось в студенты только 60 человек, в том числе 15 ревельцев.

Король датский, Христиан IV, обративший своё оружие на Швецию во время тридцатилетней войны, должен был по миру в Бремзебро в Смоландии (13 авг. 1645 г.) уступить ей последнее датское владение в Лифляндии, остров Эзель, и вместе с тем освободить лифляндские и эстляндские корабли от зундской пошлины.

В 1648 г. умер польский король Владислав IV, и ему наследовал брат его Ян Казимир. Так как и он не отказался от притязаний на шведский престол и часто противился шведским предприятиям, то король Карл X Густав решил нанести Польше сильный удар. Ещё в 1639 г. императорский полковник Герман Бот вторгся с небольшим отрядом из Пруссии через Литву и Курляедию в Лифляндию. Бессмысленно смелое предприятие сперва имело успех, так как ничтожные шведские силы должны были защищать Лифляндию. Затем, несмотря на это, отряд Бота был рассеян и большей частью перебит, но Швеция убедилась, что ей не следует доверять беспокойным своим соседям.

Карл X Густав, бывший герцог Пфальцвейбрикенский, вступил на шведский престол как ближайший родственник королевы Христины, которая в 1654 г. отреклась от престола, желая всецело посвятить себя наукам и художествам, впоследствии перешла в католичество и умерла в Риме в 1689 году. Для войны с Польшей Карл X избрал самый благоприятный для себя момент, ибо Польша тогда воевала с Москвой из-за присоедине-

ния к последней Малороссии. В добавок, Фридрих Вильгельм, великий курфирст Бранденбургский, желавший освободить Пруссию от ленной зависимости от Польши, заключил с ним союз. Таким образом Карл X проник до Кракова и занял большую часть Польши и нанёс полякам, при деятельном участии бранденбуржцев, решительный удар в трёхдневной битве под Варшавой 28-30 июля 1656 г. Но в том же 1656 г. отношения изменились. Царь Алексей Михайлович заключил перемирие с Польшей и начал войну со Швецией. Несколько русских войск вторглось в Лифляндию и Эстляндию. Защита этих областей была возложена на генерал-губернатора графа Магнуса Гавриила Делагарди (сына Якова, был губернатором два раза 1649-52 г. и 1655-58 г.), у которого остались, однако, только небольшие силы, так как главные должны были присоединиться к армии короля.

Сам царь Алексей Михайлович явился с сильным хорошо вооруженным войском на Западной Двине. 30 июля 1656 г. русские взяли Динабург, новые укрепления которого шведы еще не успели закончить. Шведы отступили к Риге, желая защитить и отстоять раньше всего этот важный пункт. 19/29 августа прибыли к Риге передовые отряды русских, и скоро после этого главная армия, при которой находился сам царь. Рига была оцеплена со всех сторон и должна была вынести в течение шести недель настоящую осаду с бомбардированием и приступами. Но хотя шведский гарнизон был так незначителен, что граждане должны были принять участие в деле обороны, 5/15 октября, когда наступила дурная погода, русские сняли осаду и, потеряв под Ригой 14000 войска, отступили вверх по Двине. 12 октября однако сдался Дерпт русским, в руках которых он остался до 1661 г. Русские заняли также в 1656 и 1657 годах Вольмар и несколько других мест. Карл X должен был обратиться против Дании, заключившей 18 июля 1657 г. союз с Польшей. Война с Данией кончилась для Карла X неблагоприятно. По миру в Рескильде (26 февр. 1658 г. по ст.ст.) Дания получила обратно те области на Скандинавском полуострове, которыми она прежде владела. Бранденбургский курфист

заключил с Польшей в 1657 г. договор в Велау, по которому польский король признал полную независимость Пруссии; после этого бранденбургские войска вступили в Курляндию, герцог которой находился в шведском плену и города которой были заняты шведами. Но решительного успеха они там не имели. В феврале 1660 г. скоропостижно скончался Карл X Густав. Силы всех противников были совершенно истощены. Поэтому уже не медлили заключить мир. Представители Швеции, Польши и Бранденбурга съехались в Оливе, старом монастыре под Данцигом, и заключили тут же мир 23 апр. /3 мая 1660 г. Швеции и Москва заключили мир в Кардисе (к северу от Дерпта) 21 июня (1 июля) 1661 г. Лифляндия с островом Эзелем осталась за Швецией. После этого мир не нарушался в течение сорока лет. Но вообще прибалтийский край, после утраты своей самостоятельности и присоединении к Швеции и Польше перенес не мало тяжелых испытаний вследствие ожесточенной борьбы соседей.

ГЛАВА XXXIII
Иаков, герцог Курляндский (1642-1681)

Герцог Иаков родился 28 октября 1610 г. в Гольдингене и был единственный сын герцога Вильгельма и супруги его Софии, принцессы прусской. Его восприемником был английский король. Мать его умерла, когда ему было четыре недели; отец переживал беспокойное бурное время и должен был наконец покинуть Курляндию. Уже в 1612 г. ребенок был перевезен в Кенигсберг и поручен попечению тетки Марии, вдове бранденбургского курфирста Иоахима, Фридриха. Нужно полагать, что мальчик редко видел своего отца во время его скитаний; позднее, когда герцог Вильгельм поселился в Померании, он его навещал от времени до времени. Уже в 1615 г. и также еще в 1621 г. мы находим Иакова в Берлине; воспитателем (гофмейстером) его был Ахатий фон Валленродт, имевший надзор и за детьми курфирста. В 1618 г. был назначен Христиан Петри, сын пастора в Зоркитене в восточной Пруссии его преподавателем латинского и польского языков. В летнем полугодии 1623 г. он был студентом и pro tempore ректором в Лейпциге, что было, разумеется чистой формальностью, но в обычае этого времени. С июля 1624 г. он жил в Курляндии при своем дяде герцоге Фридрихе и сопровождал его на частых переездах, вызываемых условиями военного времени. Так как у Фридриха не было детей, то Иаков считался наследником престола, хотя не вполне были уверены в том, что польский король согласится на наследование принца, отец которого им был объявлен в опале. Все-таки в Курляндии старались дать молодому принцу хорошее образование. Здесь были его наставниками Гейнрих

Гетте, Григорий Тринциус и Иоахим Крюгер, который в этой должности упоминается еще в 1632 году. Из рук этих лиц вышел Иаков с замечательным образованием для того времени и своего положения. Само собой разумеется, что он не меньшего совершенства достиг во всех телесных упражнениях, верховой езде и управлении оружием.

Когда герцог Фридрих приносил присягу королю Владиславу IV в Варшаве 20 июля 1633 г., то Иаков находился при нем. Он также принимал участие в управлении некоторых округов под руководством советника и кандаусского начальника Мельхиора фон Фелькерзама. В мае 1634 г. он отправился с двумя ротами (700 человек) к Смоленску, чтобы принять участие в войне с Москвой и поручил управление вверенными ему округами Фелькерзаму. Но война скоро прекратилась и уже 17 мая 1634 г. заключен был вечный мир между Польшей и Москвой на реке Поляновке (близ Вязьмы). Тогда Иаков отсюда уехал в «перегринацию» (заграничное путешествие). В Италии он не был, но он навестил родственников в Тешене. Путешествовать по Германии во время тридцатилетней войны было небезопасно. Сть известие, что он находился в армии Беригарда Веймарского, когда тот осаждал Брейхаз. Но это неверно. Иаков не мог быть под Брейзахом уже потому, что эта осада происходила в 1638 г. С королем великобританским Карлом I и членами его семейства он вел дружескую переписку, но мы не знаем, когда он был в Англии. В 1636 г. он провел некоторое время в Амстердаме и Париже. Иаков путешествовал инкогнито в начале 1637 г. он возвратился через Вильну в Курляндию. Нельзя сомневаться в том, что все виденное им за границей произвело на него глубокое впечатление. Скоро после возвращения он на свой счет устроил гавань Виндаву и при ней судостроительные заводы.

Владислав IV думал назначить Курляндским герцогом своего брата Яна Казимира. Понадобились довольно продолжительные переговоры и весьма крупные подарки для того, чтобы доставить герцогу Иакову право на курляндский престол. В июле 1638 г. престарелый гер-

цог Фридрих уступил своему племяннику сперва Гольдинген и Фрауенбург, а потом (20 июля) и все герцогство, так как он желел, чтобы Иаков получил надел от короля еще при его жизни. Надел был совершен 16 февраля 1639 г. в Вильне; и 18 февраля 1639 г. Иаков подписал cautio, т.е. обещание, что он в Митаве и Гольдингене построить церкви для католиков и отправлению в них католического богослужения не будет препятствовать.

В августе 1642 г. умер герцог Фридрих. Герцог Иаков, в течение последних лет уже управлявший Курляндией, теперь сделался и по имени и на деле единоличным правителем. В это время приехала в Митаву польская комиссия с перновским палатином Яном Завадским во главе, потому что, якобы была нарушена formula regiminus 1617 г. На деле комиссия была прислана по проискам так наз. нобилистов, т.е. тех лиц, которых «рыцарская скамья» не включила в состав дворянства. Старания их, несмотря на поддержку комиссии, и теперь не увенчались успехом. Зато «композиционный акт» от 19/29 ноября 1642 г. постановил, что дворянские имения могут быть в руках владельцев-горожан лишь в том случае, если владение было приобретено до 1617 г. В декабре 1642 г. присягнули новому герцогу рыцарство, духовенство, должностные лица, городские жители. Города получили еще в октябре 1656 г. приглашение выслать своих представителей на ландтаг. В лице Иакова вступил на курляндский престол государь энергичный, стойко шедший к намеченной цели, очень образованный, с разнообразными интересами и дальновидный.

Можно думать, что герцог Иаков предпринял поездку в Бирсен, принадлежавший семейству Радзивиль в 1629 году с целью найти себе невесту. Однако он женился только 30 сентября (=10 октября) 1645 г. в Кенигсберге на сестре великого курфирста Елизавете (Луизе) Шарлоте (родившейся 3/13 сентября 1617 г. в Кельне на Шпре). 23 октября 1645 г. герцогская чета имела торжественный въезд (Heimfiihrung) в Гольдинген, а 8 января 1646 г. в Митаве. Хотя Иаков был и оставался верен лютеранскому исповеданию, он женился на принцессе

реформатского исповедания и не обратил внимания на религиозную нетерпимость своих лютеранских подданных. Прибалтийский край был и остался еще долго оплотом строгого лютеранства. Впрочем некоторые лица в свите герцогини, а также дочери ее были тоже кальвинистского исповедания.

Мы не знаем наверно, принимал ли герцог Иаков в 1649 г. лично участие в войне с казаками, восставшими под начальством Богдана Хмельницкого; если впоследствии упоминаются курляндские войска, то речь идет о полках, навербованных поляками в урляндии. Герцог был занят делами мира. С одной стороны он вызывал небывалую промышленность с другой — он искал средств и рынков для сбыта изделий курляндской промышленности. В этих целях он организовал большую заморскую торговлю. В 1643 г. он заключил с Францией торговый и навигационный договор, основанный на взаимных уступках. В то же время он старался старое нерациональное хозяйство заменить новым и доставить казне верные доходы. Несмотря на неудачи, грубые кражи агентов правительства (так один агент похитил однажды огромную для того времени сумму в 200000 гульденов), оказывавших начинаниям правительства, а также действиям суда сопротивление, торговля и промышленность постепенно развивались. Начали с обработки болотной руды, встречавшейся на месте. Затем привозили из Норвегии и Швеции сырье, которое обрабатывалось на железоделательных заводах в Балдоне, Ангерне, Бушгофе, Нейгуте, Эдене, на медном заводе в Туккуме, стальном заводе близ Митавы и ружейном заводе близ Шрундена. Дерево и деготь вывозились из Ливонии еще в средние века; герцог устраивал в местностях, богатых лесом, дегтярни, лесопильные и бондарные заводы, а также стеклянные и мыловаренные заводы, селитоварни, писчебумажные (в Тамедорфе) и суконные фабрики (в Мезотене и Анненбурге). Главные гавани для вывоза были Либава, Закенгаузен и Виндава. В Виндаве строились тоже корабли и не только торговые, но и военные. Около 1658 г. Курляндия обладала торговым флотом

в более чем 60 крупных судов и военным в 44 корабля, из которых некоторые имели 70 орудий.

В 1648 г. венецианское правительство было должником герцога Иакова; по-видимому Венеция пользовалась услугами курляндских кораблей, за что должна была заплатить. В 1649 г. герцог искал через посредство своего агента Генри Момбера заморских потребителей, так как Курляндия производила больше, чем она сама и соседи ее, Швеция и Польша, потребляли. Ему хотелось приобрести колонии. Но когда зять его, бранденбургский курфирст в 1650 г., желая сделать заем в Курляндии, предложил ему в обеспечение часть Транкебара в Ост-Индии, который он думал купить у датской компании, он отклонил это предложение. С 1654 г. он вел переговоры с папой Иннокентием X по вопросу о приобретении колоний в Тихом океане, но они ни к чему не привели, так как папа потребовал, чтобы в этих колониях допускались только католические миссионеры. Между тем герцог действовал в пользу протестанских миссионеров, давая пасторам, отправлявшимся в колонии, наказ, чтобы они ласковым обращением старались приобрести влияние на религиозные воззрения туземцев. Попытки герцога примкнуть к одной из действовавших компаний по понятным причинам торговой ревности не увенчались успехом и потому он сам на свой страх завязал сношения с западным берегом Африки. У царя царства Кумбо он купил ненаселенный остров св.Андрея, расположенный в 10 морских милях от устья реки Гамбии а потом он приобрел еще некоторые другие области (напр. Дшиллифре= Dschillifree). На острове и в других местах, занятых курляндцами, были устроены укрепления, поднят курляндский флаг (черный краб в красном поле), начата торговля. Предметами ее служили золото, слоновая кость и другие произведения тропических стран, но никогда невольники (как то бывало у других, торговлею занимавшихся наций). Управление колонией поручалось губернаторам, из которых добросовестным исполнением своих обязанностей отличились майор фон-Фок, Оттон Штиль, Фридрих Вильгельм фон-Тротта генант

Трейден. Не так-то вели себя директора колонии, нидерландца Дюмулен и фон-Зейц, бывшие прежде на датской службе. На пути курляндским кораблям грозила опасность со стороны английских и нидерландских каперов. Принц Рупрехт пфальцский, сторонник Стюартов беспокоил даже самую колонию на Гамбии. Но 28 августа 1654 г. Был заключен договор Оливером Кромвелем, которым Англия обязалась не чинить вреда курляндской колонии. Герцог Иаков вел торговлю тоже с Вест-Индией, где он купил у графа Уоррика остров Табаго; там он устроил Якобсфорт, Казимирсгафен, Фридрихсгафен. Число курляндских переселенцев было в Табаго больше, чем в Африке, в обеих колониях пасторы совершали богослужение (около 1656 г. пастором в Табаго был Энгельбрехт). Агент Преториус написал и издал книгу о колонизации.

Главное управление всех этих предприятий находилось в Митаве; но герцог и лично осматривал ежегодно свои фабрики и заводы. 28 февраля 1648 г. Во время такого объезда он на льду при Либаве находился в большой опасности.

В то время все курляндские горда имели городские школы, в которых преподавали т.н. ректор, конректор и кантор. В Митаве уже в 1621 г. Упоминается учитель, обучавший девочек. Торговые и промышленные предприятия не мешали герцогу думать об общеполезных учреждениях. При его содействии в 1655 г. В Митаве были сооружены больница («fur preszhafte Personen») и убежище для душевно-больных («Dollhaus» «Logiament vor die unsinnigen Leute»).

Как замок, так и город Митава получили новые (земляные) укрепления, насыпи и глубокие рвы. В пределах укреплений были большие не застроенные пространства, занятые садами и огородами. К.К. Тод, совершивший далекие странствования, бывавший в Бразилии, затем в Польше и России, говорит про Митаву: город занимает большое пространство, но поразительно грязен (sehr dreckicht, als ich mein Lebtage keine gesehn). Улицы еще не были мощены.

В замке находилась библиотека, в которую вошла часть библиотеки герцога Вильгельма и которая, соответственно наклонностям герцога Иакова, пополнялась преимущественно книгами из областей мореплавания и техники. Герцогиня часто сопровождала своего герцога во время путешествий. Иногда приезжали в Митаву члены иностранных княжеских фамилий.

В 1654 г. герцог Иаков получил для себя и своих потомков достоинство германского имперского князя.

Герцог и герцогиня вели обширную переписку и оба были любители музыки. Управляющими придворной капеллы были Иоганн Станлей (1642 г.) и Гейзо Рейде (1653 г.).

Штумсдорфское перемирие (см. стр. 198) превратить в прочный мир этот самый договор предоставил курляндскому герцогу и достигнуть этого было весьма важно для него, как равно и для бранденбургского курфирста. Но стоило больших усилий собрать для переговоров все причастные державы. От 1651 до 1653 г. (с перерывами) заседал в Любеке конгресс, сосоявший из представителей Польши, Швеции, Франции, Венеции и Курляндии (Мельхиор фон-Фелькерзам и Иоганн Вильдеман). Этот конгресс разошелся ничего не достигнув, а между тем появились предвестники новой войны. В 1654 г. началась русско-польская война из-за присоединения Малороссии к Москве. Герцог Иаков еще в 1654 г. получил обещание от королевы Христины, что Швеция никогда не нарушит нейтралитета Курляндии, подобные обещания он получил и от других держав, между прочим еще в 1655 г. от Москвы и Польши. Но когда во время войны Карла X Густава с Польшей и Москвой, театр войны был придвинут к Курляндии, особенно в то время, когда Алексей Михайлович осаждал Ригу, Иаков не мог оставаться строго нейтральным. Как польские так и русские войска получали из Курляндии съестные припасы. Польские войска прохоили через Курляндию, но по тем же путям ездили московские послы в Бранденбург и обратно. Тщетно старался великий курфирст убедит своего зятя отказаться от нейтралитета и стать на чью-либо сторо-

ну. Упрямое желание остаться непременно нейтральным должно рассматривать как печальное заблуждение герцога. В добавок герцогиня вмешивалась в политические дела; хотя она жаловалась на поведение австрийского посланника Франца фон-Лизолы, он и его шведский товарищ граф Шлиппенбах от нее узнали ценные для них вещи; в 1657 г. герцогиня Луиза-Шарлотта и ее мать провели довольно продолжительное время в Кенигсберге. Дело дошло до того, что возник план уничтожить курляндское герцогство. Еще Густав-Адольф имел намерение оторвать Курляндию от Польши, но он хотел сделать герцогом изгнанного Вильгельма. Карл X Густав думал просто завоевать Курляндию. Шведы заняли уже Пильтен. В ночь с 28 на 29 сентября 1658 г. шведский полководец Роберт Дуглас овладел митавским замком и тут же взял в плен герцога и семейство его. Герцог должен был передать замки Доблен и Бауск шведам и в ноябре все герцогское семейство было переведено в Ригу. Летом 1659 г. оно было отправлено морем в Ивангород, где его держали в строгом заключении почти год, причем оно должно было переносить всевозможные лишения и находилось все время в полном неведении относительно будущего. Герцог Иаков твердо отказывался признать верховную власть Швеции.

Так как другие верховные советники тоже были арестованы, то управление гецогством перешло к ландмаршалу Вильгельму Руммелю. Шведы еще в 1658 г. заняли всю Курляндию, причем Гольдинген был разграблен. Но в то же время крестьяне, возмущенные насилиями и притеснениями шведов, в частности, арестом герцога, стали составлять отряды и готовились к народной войне. А из Литвы подступали польские, из Пруссии бранденбургские войска, ибо курфирст Фридрих Вильгельм перешел на сторону Польши. Шведы должны были постепенно отступать и очищать замки, так что в начале 1660 г. один замок Бауск остался в их руках. Мир, заключенный после смерти короля Карла X Густава в Оливе (см. стр.201), дал свободу и герцогу Иакову. 10-го апреля 1660 г. он подписал в Ивангороде акт, которым он при-

знавал условия мира и дал обещание, что он не будет мстить Швеции. Кое-какие приобретения Курляндия не сделала. Шведы очистили только Пильтен, но остров Руно оставили за собой. Герцог совершил путешествие из Ивангорода через Ревель и Пернов, не торопясь. 25 июня/5 июля 1660 г. он при пушечной пальбе торжественно въехал в Ригу, где Дуглас принял его с большими почестями и он провел несколько дней.

ГЛАВА XXXIV
Герцог Иаков (продолжение) и его ближайшие преемники

7/17 июля 1660 г. Герцог Иаков возвратился в свое герцогство. Курляндское и пильтенское дворянства и 2000 крестьян встретили его на границе при Кливенгофе. В Митаве герцог не мог поселиться, так как тамошний замок был разрушен и никаких запасов, ни продовольствия, ни оружия там не было. Архив был тоже разграблен. Вследствие этого герцог, который сильно постарел и волосы которого от горя поседели, отправился дальше по своему разоренному герцогству, всюду видя следы беспощадно веденной войны и только в Гробине, наконец, нашел замок, в котором он мог поселиться. Герцогиня оттуда отправилась в Берлин ради дележа наследства, ибо мать ее скончалась весной 1660 г.

Шведская война имеет печальное значение в жизни герцога и его герцогства. До вофны мы видим бодрое движение вперед, несмотря на угрожающие обстоятельства. После войны остались только развалины; заводы стояли; самые важные и искусные рабочие, среди которых было много иностранцев или были изгнаны или погибли. Флот был уничтожен, торговля остановлена. Из колоний долго не получали никаких известий. Ервые сведения, наконец полученные, были весьма печальны. Колонию на Гамбии заняли сперва амстердамская голландско-вест-индская компания, как выражались, для герцога, а затем англичане, и Курляндия во всяком случае потеряла. Герцог с редкой энергией начал дело снова. Но восстанавливать разрушенное не то, что создавать новое. И то, чего достиг герцог после войны, не может сравниться с ре-

зультатами его прежней деятельности. Промышленные заведения были вновь устроены. В 1664 г. был заключен торговый договор с королем Карлом II; переговоры по этому делу начаты были еще при Кромвеле. Сношения с Африкой и о. Табаго, отнятым у Курляндии в 1659 г., постепенно возобновлялись, хотя сначала курляндские корабли ограничивались Балтийским морем. Все это, однако, не могло вознаградить за понесенные убытки.

Дело присоединения области Пильтен тоже не двигалось вперед. В 1617 г. Она была отнята у герцога Вильгельма и дана, как залог семейству Майдель. Польское правительство, называя Пильтен епископством, еще в 1611 г. ввело там новое устройство и назначило даже епископа который, подобно своим преемникам, именовался лифляндским, но оставался in partibus infidelium. Мы не знаем случаев перехода в католичество в Пильтене. Между тем в Курляндии (Шверин в Альшвангене) такие случаи бывали как следствия браков с католичками. Впоследствии там переходили в католичество целые приходы. История Пильтена походит на длительный процесс, который еще в 1656 г. казалось, что сопротивление ослабело и уния с Курляндией возможна, настоящее слияние и теперь после войны не состоялось, а был заключен в Гробине в феврале 1661 г. только договор о подчинении.

Курляндские города все были княжеские; бургомистры и судьи, как и другие начальствующие, избирались, но утверждались в должностях герцогом. Таможенные сборы взимали и мельницами в городах, или около них, заведовали герцогские чиновники. Благодаря попечению герцога города постепенно оправлялись. Население умножалось, как видно из метрических книг, с каждым годом до 1695 г.; в этом году вследствие эпидемических болезней прироста не было, а Северная война и большая чума 1710 г. значительно сократили число населения.

Слобода («Slobodde») на Двине напротив Крейцбурга получила в 1670 г. городские права и название Якобштадт. Из ручья Свете был проведен в Митаву канал Якова для снабжения города питьевой водой. Вдоль канала посажены деревья и построены усадьбы.

В 1669 г. упоминается Михаил Карнал в Митаве в качестве герцогского типографа. Тем не менее курляндский календарь, издававшийся Георгом Крюгером, бывшим впоследствии пастором в Бартау, печатался с 1680-1692 г. в Кенигсберге, и только с 1693 г. у Георга Радецкого, открывшего свою типографию в Митаве в 1685 г.

Из дочерей герцога Иакова вышли замуж Луиза Елизавета за Фридриха, ландграфа Гессен-гомбургского, отличившегося в битве при Фербеллине, Мария Амалия — за Карла, ландграфа Гессен-кассельского. Шарлота София была с 1688 г. начальницей общежития благородных девиц в Герфорде и умерла в 1728 г. Супруга герцога Иакова скончалась 18 августа 1676 г., смерть ее сильно потрясла герцога, удалившегося после нее на некоторое время от дел. Он сам умер в Митаве в двенадцатом часу ночи 31 декабря 1681 г. = 10 января 1682 г.

Преемником его сделался его старший сын Фридрих Казимир (1682-1698). Он мог бы поднять хозяйственное положение Курляндии на прежнюю высоту только в том случае, если бы сумел продолжить начатое отцом в его же духе. Он старался это сделать, заботился о промышленных заведениях и о заморской торговле, но результаты его стараний мало походили на успехи отца. У него не было хозяйственных дарований, которыми Иаков обладал в широких размерах. Фридрих Казимир был любитель блеска и роскоши, устраивал всевозможные блестящие празднества, содержал итальянскую оперу, придворную капеллу, соколиную охоту, конюшню, особый парадный отряд, состоявший из 66 конных лейб-гвардейцев, 95 пехотинцев и 70 драгун, возводил большие постройки и разводил большие сады и парки. Все это вызывало крупные расходы и на покрытие их не только уходили сделанные сбережения, но и суммы, которые получались путем разорительных финансовых операций. Опять, как и прежде, закладывались домены и вместе с тем промышленные заведения. Из первого брака с Софией-Амалией, принцессой Нассау-зигенскою (1688 г.), у Фридриха Казимира было трое дочерей, которые после его смерти вышли замуж в Германии. 29 ап-

реля 1691 г. герцог вступил во второй брак в Берлине с Елизаветой-Софией, дочерью великого курфиста. Так как молодая герцогиня разделяла вкус и наклонности своего супруга, то великолепие митавского двора еще увеличилось. В мае 1697 г. царь Петр на пути в западную Европу провел несколько дней в Митаве. В то время, как он в Риге не желал быть узнанным, шведский генерал-губернатор граф Эрих Дальберг тем не менее имел о нем все сведения — он в Митаве снял строгое инкогнито. Вслед за Петром и его многочисленная свита проехала тоже через Курляндию. В 1685 г. герцог заключил с Пильтеном новый договор, идя навстречу желаниям тамошнего дворянства. Ему хотелось сломить сопротивление оппозиционной партии, имевшей поддержку в Польше.

Фридрих Казимир умер 22 января 1698 г. Его сыну и наследнику Фридриху Вильгельму, родившемуся 19 июля 1692 г., было только пять лет с половиной. По закону правление должно было перейти к верховным советникам. Тем не менее младшему брату Фридриха Казимира, принцу Фердинанду, родившемуся 2 ноября 1655 г., удалось получить от польского короля должности опекуна и правителя. Понятно, что дворянство относилось к нему за это враждебно. Впрочем, герцогиня — мать Елизавета София была тоже назначена опекуншей. В январе 1701 г. она навсегда уехала из Курляндии вместе со своими падчерицами и своим сыном. Она поехала в Кенигсберг, где приняла участие в шумных торжествах, устроенных по случаю принятия королевского титула и коронования Фридриха I, ее брата (18 января 1701 г.) и оттуда в Берлин. Когда Северная война коснулась Курляндии и Карл XII разбил поляков в битве при Спильвэ близ Риги, где принц Фердинанд командовал артиллерией, этот последний тоже покинул навсегда Курляндию и поселился в Данциге. Курляндия, оставшаяся без герцога, переходила то в руки русских, то в руки шведов.

В 1702 г. опека над малолетним герцогом Фридрихом Вильгельмом была отнята у его матери. В 1703 г. она вступила во второй брак с Христианом Эрнстом, маркграфом Бранденбург-байретским (в 1714 г. она вступила

в третий брак с Эрнстом Людвигом, герцогом мейнингенским и умерла в 1748 г.) и поселилась вместе со своими детьми в Байрейте. Через несколько лет Фридрих-Вильгельм должен был расстаться с матерью и переехать сперва в Берлин, потом в Эрланген. В то время он вел оживленную переписку со своими сестрами и из его писем мы узнаем его симпатичный характер и доброе сердце. Петр Великий, посещавший в те годы иностранные курорты в то же время старался завязывать новые связи. Так он с 1707 и до 1711 г. хлопотал о браке своего сына Алексея Петровича с Шарлоттою, принцессой брауншвейг-вольфенбюттельскою, и, как известно, бракосочетание состоялось в 1711 г. Теперь он обратил свое внимание на Фридриха-Вильгеьма и искал сближения с ним через посредство прусского короля Фридриха I желая выдать за него свою племянницу. По желанию Петра верховные советники объявили герцога уже в ноябре 1709 г. совершеннолетним. В мае 1710 г. Он приехал в Либаву и был принят всей страной с восторгом, ибо беспорядки междуцарствия достигли крайней степени.

Фердинанд, живший в Данциге, и честолюбивая герцогиня-мать боролись друг с другом за преобладание. Нужно признаться, что герцогиню связывали с Курляндией весьма реальные интересы. Она, как вдова бывшего герцога, имела право на получение крупных сумм, и ее падчерицы на получение приданого. Вот почему она добивалась того, чтобы на влиятельные должности назначались ее сторонники.

Кроме того страна страдала от частых проходов и постоев войск и более всего от чумы. Первые случаи заболевания чумой, занесенной из Лифляндии, были еще в 1709 г. Болезнь распространилась с необыкновенной быстротой по всей Курляндии и свирепствовала более всего в 1710 г. (потом она стала ослабевать). Многие крестьянские семейства вымерли совершенно; впоследствии нужно было вызывать из Литвы и с острова Эзеля новых поселян. Язва не пощадила ни одного местечка, ибо строгие карантинные меры не могли и не умели принимать. В Гробине, бывшем жо этого времени цве-

тущим городом, остались в живых пять граждан. Число врачей было весьма неудовлетворительно; большие пространства должны были довольствоваться недалекими знаниями фельдшера. Из числа пасторов погибли две трети, а пасторы, назначенные специально для ухода за заболевшими почти все сделались жертвой язвы. Все метрические книги имеют в те годы пробелы; по почерку видно, что деалвшие записи часто менялись. Списки венчанных и погребенных на время были приостановлены. Списки крещеных, самые важные документы о населении, велись с крайним напряжением сил, но тоже с сокращениями. (Так напр. Не записывались имена восприемников, число которых позднее, в конце XVIII столетия иногда доходило до 60).

При таких условиях молодой герцог вернулся в свое герцогство. Он имел искреннее намерение принести пользу своей стране и некоторые распоряжения, сделанные им в первые месяцы своего пребывания в Курляндии, свидетельствуют об этом намерении. Он учредил и единственный курляндский орден (ordre de la reconnaissance) и наградил им некоторых из своих приближенных. Затем он отправился в С.-Петербург. Здесь 31 октября (11 ноября) 1710 г. состоялось венчание его с Анной Ивановной, племянницей Петра Великого. Празднества, устроенные по этому случаю, тянулись до января 1711 г., после чего герцогская чета отправилась в Курляндию. Но герцогу не суждено было увидеть еще раз его герцогство. Он заболел на пути и скончался 10/21 января 1711 г. в Кипени (Петерб. губ). Тело его было доставлено в Митаву, и похоронено 4 марта в герцогском склепе. Герцогиня Анна Ивановна осталась в Митаве до 1730 г., когда она была призвана занять русский императорский престол.

ГЛАВА XXXV
Северная война

После мирных договоров, заключенных в Оливе (1660 г.) и в Кардисе (1661г.) наступило для соединенных под шведским скипетром провинций Лифляндии и Эстляндии время покоя, в котором они нуждались в высшей степени. Ибо до сих пор войны происходили в этом крае почти без перерыва и задерживали общее культурное развитие. В Швеции царствовал Карл XI (1660-1697), сын Карла X Густава, первое время под опекой своей матери Гедвиги Элеоноры и нескольких сановников. Финансы были в самом печальном состоянии. Барон Бонде старался поправить дело путем разумной бережливости и достиг некоторых успехов. К сожалению после его смерти отказались от этого пути. Для покрытия больших расходов увеличивали число и размер налогов. Сейм 1680 г. постановил отобрать в казну розданные высшим шведским дворянам государственные имения (домены) и эту т.н. «редукцию» проводили действительно не только в собственной Швеции, но и в областях, занятых Швецией и принадлежавших прежде Германии (Мекленбург, Померания, Бремен, Ферден). Распоряжения касались отчасти крупных земельных владений, владельцы которых не были в состоянии доказать свои права на земли, но отчасти и мелкого землевладения, причем владельцы недостаточно были защищены от произвола. В 1678 г. правительство подтвердило в Лиунгби привилегии Лифляндии и Эстляндии, а вслед за постановлеием сейма обещалось не распространить редукцию на эти провинции, и тем не менее уже в 1684 г. начали производить редукции

и здесь. Сперва, как и в других местах, отбирали земли у высших шведских дворян, получивших много земли со времен Густава Адольфа, а потом и у мелких помещиков. Правительство действовало крайне сурово и во многих случаях крайне несправедливо. После проведения редукции пять шестых всей земли было отобрано у прежних владельцев. В 1686 г. размер процентов, взимавшихся с ссуды, был понижен с 8 % на 5 %. Еще в 1681 г. шведское правительство предложило Лифляндии и Эстляндии: 1) произвести новое размежевание земель (катастрацию) и 2) отменить крепостное право крестьян, потому что крестьяне в Швеции были свободны. Дворянство исполнило первое предложение, а относительно второго заявило, что оно в принципе сочувствует ему, но считает возможным исполнить его только постепенно со временем, ибо внезапное освобождение крестьян вызвало бы только беспорядок. Само правительство, владевшее в то время большей частью земли, не освободило крестьян, живших в доменах, и вследствие этого в положении крестьян ничего не переменилось.

Редукция не имела последствий, которых от нее ожидали. Государственные долги росли, а кредит уменьшался, казна была пуста, — случалось, что чиновники не могли получать свое жалованье. Приходилось опять обращаться к закладыванию и ухудшению или понижению ценности монеты.

В Лифляндии редукции проводились вопреки подтвержденным привилегиям и так сурово, что многие замлевладельцы ими были совершенно разорены. Поэтому в марте 1691 г. ландрат фон-Будберг и Иоганн Рейнгольд Паткуль как представители дифляндского дворянства поехали в Стокгольм и просили короля об отмене редукций, указывая в то же время на свои привилегии, в частности привилегию Сигизмунда Августа, подтвержденные шведским королем. Три четверти года прошло раньше, чем король наконец однажды в разговоре с Паткулем, предложил представить ему обстоятельное изложение всех жалоб и пожеланий дворянства. Паткуль передал это предложение дворянству на ландтаге в Вен-

дене в марте 1692 г. и на этом же ландтаге была составлена челобитная. В ней дворянство не только указывало совершенно открыто и честно на нарушение прав его, последовавшее в связи с редукцией, но и жаловаось на произвол и недоброжелательство генерал-губернатора графа И.И. Гастфера, проявленные им как при редукции, так и во многих других случаях. В июне 1692 г. ландраты фон-Фитинггоф и Будберг и депутат Иоганн Альбрехт фон-Менгден доставили челобитную в Стокгольм. Так как она была направлена в значительной части против Гастфера и могла быть для него опасной, то он принял меры. Он заподозрил верность лифляндцев и обвинил дворянство в том, что оно составляло «конституцию», не имея на то права. Когда (незаконное) требование его представить ему акты и постановления последних ландтагов не сразу было исполнено, он закрыл ландтаг. Наконец, по его совету и стараниям король 20 декабря 1694 г. изменил все политическое устройство Лифляндии, созвал новый ландтаг, совещания и решения которого должны были происходить под контролем генерал-губернатора, ак что его воля сделалась верховным законом.

Депутаты 1692 г., к которым присоединился и Паткуль, так как от него требовали объяснений, были в Стокгольме привлечены к ответственности. Особая комиссия обвинила их в нарушении обязанностей подданных и приговорила трех уполномоченных к смертной казни. Этот приговор, впрочем, был смягчен и уполномоченные были только заключены в крепость. Карл XI освободил их в 1697 г. перед своей смертью. Паткуль, приговоренный к более строгому наказанию, бежал до постановления приговора в Курляндию. Соотечественники изменили ему и прервали сношения с ним. В самых священных убеждениях оскорбленный, заслуживший от тех, за кого он ратовал и трудился, вместо благодарности холодную неприязнь, Паткуль весь отдался пламенной ненависти к Швеции и с тех пор только думал о том, как ей отомстить, а свою родину освободить от нее.

Паткуль совершил несколько путешествий, побывал тоже в Швейцарии, а затем вступил в саксонскую службу, усердно стараясь, коалицию, образовавшуюся из России, Польши, Саксонии и Дании склонить к решительным действиям. После смерти Карла XI, в 1697 г. на шведский престол вступил его сын Карл XII, молодой воинственный государь (род. В 1682 г.). Война с Швецией давно была задумана и решена, но союзники начали ее не в одно время. Саксонцы сделали еще в начале 1700 г. попытку взять Ригу, предложенную Паткулем и по его указаниям предпринятую; попытка не удалась благодаря неискусному и неосторожному ведению дела генерал-лейтенантом Флемингом. Напрасно бомбардировали Ригу. Саксонцам удалось только засесть в Дюнамюнде, которое они переименовали в Аугустусбург. Между тем, Карл XII с самого начала действовал быстро и решительно. Сперва он напал на своего ближайшего и слабейшего противника, Данию и, победив ее, принудил ее заключить мир в Травендале (18 августа 1700 г.). В то время Петр Великий стягивал значительные силы к Нарве, в которой находился только слабый гарнизон и начал осаду этого города. Карл XII, переехав через Балтийское море, с чрезвычайной быстротой пршел по Эстляндии, отбросил конный отряд при Слламэгги и нанес 19 ноября 1700 г. русскому войску, гораздо более многочисленному но плохообученному полное поражение под самой Нарвой. Русский полководец не имел необходимого авторитета. Сам Петр Великий получил за несколько дней до битвы важные известия и уехал в Москву. Однако время года мешало шведам преследовать русских и заставило их занять под Дерптом зимние квартиры. Таким образом Петр Великий выиграл время для новых вооружений, а кроме того он заключил новые договора с Данией и в Бирзене 26 февраля = 9 марта 1701 г. с Августом II. Сильным, польским королем. Весною 1701 г. Карл XII, получив подкрепление из Швеции, отправился от Дерпта дальше на юг. 8 июля (по тогдашнему шведскому календарю 9 июля, по грегорианскому 19 июля, см. прим. на стр. 222) шведы перешли через Западную Двину ниже

Риги и разбили саксонское войско (битва на Спильвэ). Отсюда Карл XII двинулся в Курляндию, занял Митаву и бауск, построил в этом месте более значительные укрепления и провел зиму 1701/2 г. в южной Курляндии около Виргена. В следующем году он перенес войну в Польшу. Столкновения между шведами и русскими возобновились еще осенью 1701 г. в Лифляндии. Шведы одержали победу при Рауге, но 30 декабря Борис Петрович Шереметев победил генерала Шлиппенбаха при Эррестфере. Однако он не мог использовать свою победу и вынужден был отступить в русские владения благодаря наступившей оттепели. 19 июля 1702 г. он же победил Шлиппенбаха при Гуммельсгофе и на этот раз преследовал побежденных. Русские страшно опустошили страну и отступили лишь осенью. В то же время русские, отчасти под личным управлением Петра заняли Ингрию и Карелию; 16 мая 1703 г. был основан город С.-Петербург.

9 июля 1702 г. Карл XII победил саксонцев при Клиссове. В том же 1702 г. Паткуль, не доверяя стойкости и энергии Августа Сильного, перешел в русскую службу, твердо полагая, что Петр Великий закючит мир только после того, как он нанес решительный удар шведскому могуществу. Сперва он был послан с секретным поручением в Вену, а затем он был назначен действительным тайным советником и вторым посланником при польском и императорском дворах. Русское правительство умело достойно ценить его услуги.

В 1703 г. Шереметев совершил опять опустошительный поход по всей Лифляндии и пощадил только окрестности Ревеля, Пернова и Риги. Из этого можно заключить, что он имел намерение заняться в благоприятное для того время осадой этих городов. Осенью 1703 г. удалось Паткулю убедить Августа Сильного, сперва противившегося, возобновить союз с Россией как от своего имени, так и от имени великого княжества литовского. Так как Карл XII, тогда находившийся в Литве, требовал все новых подкреплений, то почти все обученные войска были выведены из Лифляндии, а защита ее поручена отрядам молодых неопытных новобранцев и мес-

тных добровольцев (Ritlerfahne). Большая часть офицеров состояла из лифляндцев, число которых в шведской армии вообще было весьма значительно. Эти лифляндские отряды в мелкой войне оправдали возложенные на них надежды; в более крупных делах они не могли участвовать.

То же нужно сказать о гарнизонах крепостей. Жители Дерпта и Нарвы к тому были истощены военными налогами. Вообще города уже не могли удовлетворить денежным требованиям, которые к ним предъявлялись. И вот на эти области, из которых Карл XII рассчитывал получать военные припасы, Петр Великий теперь обратил серьезное внимание. Шведская флотилия, стоявшая в Дерпте, еще во время 1701-1703 гг. успешно тормозила всякие операции против Нарвы. То же самое она хотела делать в 1704 г., когда русские угрожали Нарве. Но русской флотилии под начальством генерал-майора фон-Вердена удалось занять устье реки Эмбах и вслед затем захватить большую часть шведской флотилии (14 вымпелов) при Кастере 3 мая 1704 г. После этого фельдмаршал Шереметев подошел к Дерпту и открыл сильный огонь против города с западной и южной стороны. Когда 2 июля Петр Великий приехал к Дерпту и открыл сильный огонь против города с западной и южной стороны. Когда 2 июля Петр Великий приехал, он изменил план осады, стянул всю артиллерию в один пункт на северо-западе, где было слабое место в городской стене, и сделал в ночь на 13 июля столь удачный приступ, что комендант Шитте сдался. 9 августа была взята Нарва после сильного бомбардирования. Таким образом Петр Великий обеспечил себя с этой стороны. В 1707 и 1708 годах все немецкое население Дерпта было переведено в Вологду и Кострому, а город после того совершенно разрушен, так что уцелели только очень немногие постройки. Известие о намерении Карла XII возвратиться в эту местность вызвало эту жесткую меру, имевшую целью лишить неприятеля точки опоры.

Между тем в Польше возникли большие смуты. Партия, образовавшаяся под влиянием Карла XII, избрала

в короли Станислава Лещинского. Но Август Сильный не уступил ему, и Речь Посполитая наконец заключила союз с Россией против Швеции; до этого времени поддерживалась фикция, что Август Сильный ведет войну со шведами в качестве саксонского курфирста, и не в качестве польского короля. В феврале 1704 г. Паткуль провел несколько дней в Берлине и получил от прусского короля Фридриха I обещание, что он примкнет к союзу против Швеции, если только Август Сильный сделает со своей стороны все возможное. После того он был назначен начальником русского вспомогательного корпуса, = это против своих желаний; он предпочитал дипломатическую деятельность. Вместе с армией короля Августа он подступил к Варшаве. После взятия крепости король Станислав уехал из Варшавы. Осаду Познани Паткуль прервал, так как приближался Карл XII. Он со своим, в плохом состоянии находившимся, войском отступил в нижнюю Лузацию, а главная армия Августа под начальством Шуленбурга потерпела поражение от Карла XII.

Между тем русские под начальством Шереметева вступили в Курляндию. Однако Левенгаупт разбил их при Гемауертгофе 16 июля (=15/26 июля) 1705 г. Тем не менее шведы отступили за Двину, а русские заняли Бауск и Митаву. Когда Карл XII запер в Гродне русское войско под начальством Огильви (январь 1706 г.) русские очистили Курляндию, которую вновь занял левенгаупт.

Паткуль, находившийся в качестве русского дипломатического агента при короле Августе, был арестован 8 декабря 1705 г. по приказу саксонского тайного совета под ничтожным предлогом и заключен в крепость Зонненштейн. Таким образом Август отделался от неудобного советника, неутомимо трудившегося в пользу союза с Россией, так как он уже вступил в переговоры с Карлом XII и это стало известно. Когда Петр Великий заступился за своего представителя, то Август обещался освободить его. Но Паткуль не только не был освобожден, но был переведен в более сильную крепость Кенингштейн. Мир между Швецией и Саксонией был тайно подписан 25 ап-

реля 1706 г. в Альтранштедте и опубликован 1 января 1707 г. Август Сильный отказался от польского престола и принял в числе других и то условие, которое его обязывало выдать шведам всех лиц, родившихся в Швеции и в то время проживавших в Саксонии. К числу этих лиц принадлежал и Паткуль и, нужно полагать, ради него шведы сделали это условие. Паткуль действительно был выдан своему злейшему врагу, унаследовавшему ненависть к изменнику от своего отца. После шестимесячного процесса он был приговорен к смерти и в понедельник 30 сентября (11 октября) 1707 г. предан мучительной казни в Казимире в восьми милях от Познани.

В Лифляндии происходили тогда лишь мелкие стычки. Но при Лесной в нынешней могилевской губернии Левенгаупт, шедший на соединение с Карлом XII, потерпел от Петра Великого тяжелое поражение. Решительное поражение потерпел Карл XII под Полтавой 27 июня 1709 г. (=28 июня=8 июля; войско его сдалось в плен; он сам искал спасения в Турции.

После этого шведские силы, предназначенные для действий в открытом поле, были уничтожены, но главные крепости в Лифляндии Рига, Ревель, Пернов еще держались и против них были направлены теперь энергетические меры. 26 октября 1709 г. Шереметев явился под Ригой на левом берегу Двины и прекратил подвоз съестных припасов из Курляндии, которая все еще поставляла большую часть провианта в Ригу, хотя она была в руках русских. Гарнизон Риги состоял приблизительно из 12000 войска, в том числе 4000 новобранцев. Но генерал-губернатор граф Стремберг не успел доставить в город полного количества провианта. От 9 до 15 ноября царь Петр находился в русском лагере. Осадные сооружения русские устроили в садах под Гагенсгофом. Петр сам открыл бомбардирование: 13 ноября снаряды еще не долетали и падали в Двину, 14 ноября было пущено более 100 снарядов, которые попали в собор и в окружающие его здания. Но по причине наступления зимы осаду нельзя было вести систематически. Царь уехал в Петербург, Шереметев в Митаву. Город однако остался заключен

и русские снаряды все-таки причинили уже много вреда. Церкви, ратуша и несколько частных домов пострадали; в крепости взорвало две пороховые башни, одну с 1800 бомб, которые отчасти упали в городе. При этом погибло больше 1000 людей. Уже теперь в городе начали ощущать недостаток провианта, хотя число не военного населения, если не считать латышей в пригородах, немного превышало 1000 и многие выехали из города. Губернатор требовал выдачи всяких припасов, заготовленных некоторыми купцами. Так как он мог платить наличными деньгами лишь в весьма ограниченных размерах и должен был купцов вознаграждать обещаниями, то между ним и городским управлением происходили весьма неприятные объяснения. Повторенные несколько раз ревизии однако выяснили, что у купцов никаких запасов больше не было. Как в русском лагере, так и в городе вспыхнула чума. Первые заболевания случились в Риге в мае 1710 г. В то эе время Шереметев возобновил регулярную осаду. 1 июня рано утром он занял предместья. Предложение сдаться, сделанное 11 июня, было отвергнуто. Тогда русские подвергли Ригу страшному бомбардированию (15-24 июня); было брошено в город 4400 снарядов, в том числе много зажигательных; число убитых неизвестно; известие о том, что погибло 22000 — есть еще более щедрые — сильно преувеличивает. Но комендант попросил перемирия на десять дней. Шереметев согласился лишь на перемирие в два дня (28-29 июня). 29 июня было объявлено о намерении сдачи и граф Стремберг, рыцарство и город отдельно составили условия. 1 июля происходили переговоры. Капитуляция подписана «в лагерь под Ригой» 3/14 июля Шереметев принимал присягу от рыцарства в замке, от совета и горожан на площади перед ратушей. При этом он дал обещание, что условия рижан будут приняты. Согласие царя на исполнение условий, касавшихся преимущественно религии, языка и права последовало в Петербурге 30 сентября 1710 г.

Комендантом Риги был назначен генерал Ласси, а генерал-губернатором всего прибалтийского края князь Меншиков (назначение Меншикова последовало уже

в 1704 г.). После капитуляции чума стала страшно свирепствовать в городе и именно среди зажиточных, которые до тех пор очень мало пострадали от нее. Почти весь совет, все секретари его, большинство пасторов погибли. Лишь около 20 октября чума прекратилась. Эпидемия свирепствовала не только в Риге, но и во всех городах до Ревеля на севере и прусских городов на юге.

Пернов сдался 14 августа; Ревель, осажденный генералом Бауером — 29 сентября 1710 г. 16 августа Петр Великий издал универсал, в котором он обещал жителям Эстляндии сохранить за ними их прежние права и привилегии. Ревельская капитуляция была конфирмована царем только 1 марта 1712 г.

О второй половине Северной войны, в которой прибалтийский край не участвовал, нам не нужно говорить. Мы отметим только, что война окончилась миром в Ништадте (близ Або) 30 авг/10 сент. 1721 г. По этому миру Швеция должна была уступить России Карелию (с Выборгом), Ингрию, Эстляндию и Лифляндию и вследствие этого лишилась значения великой державы.

ГЛАВА XXXVI
Лифляндия и Эстляндия в XVIII столетии

С 1710 г. Лифляндия и Эстляндия уже не служили театром войны, но во многих местах находились гарнизоны, содержание которых лежало на обязанности местных жителей и сильно обременяло их. Война не только страшно истощила всю страну, но и повлекла за собой сильный нравственный упадок. Население обеднело до крайности и тяжело, почти в отчаянии влачило жалкое существование. Тяжело было выйти из этих бедствий, но несмотря на все препятствия оно удалось, хотя лишь в несколько десятилетий. И более всего сделало в этом отношении стремление к самоуправлению, существовавшее с давних пор во всех слоях населения, как наследие столь часто осуждаемых «темных» средних веков. Отрицательные стороны (но где же совсем нет таковых) средних веков, конечно, нежелательно восстановить, но также не следует забывать о их положительных сторонах. После падения самостоятельной Ливонии в течение 150 лет население стремилось к такому положению (т.е. самоуправлению) на старых основаниях, несмотря на все упреки и обвинения, которыми противники старались предотвратить его.

В первое время население распадалось на враждебные друг к другу классы городских и сельских жителей и казалось, что между ними нет и не может быть ничего общего. С мелочным упрямством каждый класс защищал лишь свои интересы и видел в другом лишь противника. Много времени понадобилось для того, чтобы обе стороны отказались от неправильных предрассудков и вследствие этого стало возможным сближение и согла-

сие и вместе с тем выяснилось для всего населения, что есть у него достояние одинаково важное для всех, о сохранении и передаче которого потомству должно заботиться.

Нужно было войти в правильные отношения к правительственным учреждениям. Лифляндия управлялась генерал-губернаторами, временно и губернаторами; однажды Лифляндия и Эстляндия были соединены в руках одного правителя. Дерптский округ принадлежал до 1726 г. к Эстляндии. При генерал-губернаторах состояли вице-губернаторы. Члены советов при губернаторах были в то время из местного дворянства. Из административных присутственных мест находились в Риге Генеральная Экономия (которая впоследствии разделилась на казенную палату (Kameralhof) и управление уделов (Domanenhof) и главная портовая таможня. Постоянно нужно было сноситься с государственными коллегиями; находившимися в то время отчасти в С.-Петербурге, отчасти в Москве, очень часто для отмены или изменения последовавших оттуда распоряжений, несогласных с особенностями местной жизни. Верховный Тайный Совет, существовавший с 1726 г., в 1730 г. уступил место Кабинету. Кроме того существовали Юстиц-, Камер-, Комерцколлегия и другие. Недоразумения случались часто. Поэтому, как дворянские, так и городские общества посылали свои депутации в столицу не только в случаях перемены на престоле, но и содержали при дворе постоянных представителей для защиты своих интересов. В таковые избирались, разумеется, опытные люди, которые должны были изучить дела в подробностях и пребывали в постоянных сношениях с придворными вельможами и начальниками правительственных учреждений. Представителем города Риги в течение десяти лет с 1725-1735 г. был член совета (городского) Мельхиор фон Каспари. За ним следовали другие.

Относительно некоторых периодов уже опубликован и обработан настолько значительный архивный материал, что общее историческое изображение всей

эпохи нельзя считать невозможным, хотя и многое еще остается неразъясненным.

Но в пределах этого труда может быть составлен лишь очерк провинциальной истории с указанием руководящих точек зрения.

К земледельческой обработке земли вновь приступили в некоторых местностях только после 1730 г. Не хватало рабочих сил, очень часто при столь тяжелых условиях и предприимчивости для того, чтобы очистить поля, покрывшиеся кустарником, а кое-где и настоящим лесом. Скот был большей частью поголовно истреблен, так что нужно было закупать новый состав. Из шведских редукций кое-какие были отменены, но большая их часть сохранила силу, ибо отмена их нарушила бы законные права новых владельцев. При крайне скудных сообщениях, только очень медленно оживлявшихся, сбыт сельско-хозяйственных продуктов был весьма ограничен и вследствие того количество денег ничтожно. Не было кредитных учреждений и получить наличные деньги можно было лишь за несообразно высокие проценты. «Господа и крестьяне опустились на низшую ступень упадка, до которой они вообще когда-либо опускались в прибалтийском крае». (Юлиус Экардт). Доходы лифляндского дворянства не превышали суммы в 200 талеров, расходы же достигали суммы в 785 талеров, несмотря на нищенские оклады (ландраты получали 15 талеров годового оклада), так что дворянство имело громадный дефицит. В некоторых местностях крестьяне остались совершенно без крова и бродили по областям в положении голодающих нищих. Но были и члены дворянства, ходившие по стране испрашивая милостыню. Помещики довольствовались старыми, часто в самом жалком состоянии находившимися строениями и приступили к перестройкам или новым постройкам только во второй половине столетия. Вся жизнь носила печать крайней бедности. Рано сыновья покидали родительский дом, еще будучи мальчиками многие поступали в русскую или иностранную (это было разрешено) службу. Дворяне съезжались на ландтаги, но они происходили

не часто, чтобы не отвлекать помещиков от хозяйственных дел, а также во избежание больших сопряженных с пребыванием в городе расходов. Ландтаги происходили в Риге в 1710/11 г., в июне 1721 г., марте 1725 г., сентябре 1727 и 1730 г., феврале 1737 г., июне 1742, 1747, 1750, 1759 г. Последний долгий промежуток оставил в современниках впечатление «времени без ландтага». После того в июне 1765 г. О ландтагах в Эстляндии сведений нет. Крестьяне попали лишь в это время в состояние недалекое от действительного крепостничества, т.е. рабства. Они были фактически без прав. Но бесчеловечные поступки в обращении господ со своими крестьянами все-таки составляют исключение. И дворянства сами решили без внешнего принуждения ввести облегчения: крестьянам дано было право жаловаться на своего господина. Отношения господ и крестьян вообще были патриархальны; применение домашних наказаний нельзя считать злом в виду страшной распущенности крестьян, явившейся вследствие общего нравственного упадка. При том следует принимать во внимание, в каких формах осуществлялось право господина, а также, отношения, отмена которых последовала повсеместно не внезапно, а постепенно. Мы имеем беспристрастных свидетелей. Поэтому обвинения позднейших, односторонне настроенных, притом не беспристрастных писателей-филантропов, как напр. Гарлиба Меркеля, Петри, должны считаться преувеличенными. О каком-либо попечении правительства о сельском населении не было и речи. Правительство, напротив, повышало оклады налогов, вследствие чего увеличивались крестьянские повинности и ухудшалось материальное положение крестьянского населения. Правовое положение крестьян оставалось условным крепостничеством, но и в самое тяжелое время крестьяне могли приобретать имущество в собственность. Отдельные попытки, произвести перемены в этих отношениях, не могли увенчаться успехом. Большинство не могло к ним отнестись с одобрением и доставить им общего для всех значения. Таким образом попытки барона Карла Фридриха Шульца, составившего

для своих крестьян в 1764 г. и напечатавшего на латышском языке так наз. Ашераден-Лангхольмское (часто неправильно Ремерсгофское) крестьянское право, и барона Икскюля, составившего нечто подобное на эстонском языке для крестьян своих имений Фикель — остались без последствий.

Особенно тяжела для страны была почтовая повинность (Postierung), т.е. обязанность содержания почтовых дорог, а также почтовых станций и снабжения их лошадьми, тем более, что проезжавшие курьеры и другие с поручениями от правительства ехавшие лица требовали лошадей в большом количестве и нисколько не щадили их. Эта повинность вызывала расходы, для того времени почти недостижимые, и вследствие этого много жалоб. По случаю прохода войск от населения требовалась доставка людей, лошадей, повозок, которые, разумеется, на некоторое, а иногда на продолжительное время отнимались у местного труда. Так особенно долго, более полвека, вспоминали о больших поставках (Grosse Schiesse) 1758 г., когда в самое тяжелое время года один Венденский округ потерял 183 человека и 1131 лошадь, никогда не возвратившихся, а весь край не менее десяти тысяч людей.

Еще несколько десятков лет по окончании Северной войны сельские церкви оставались без пасторов; случалось также, что один пастор должен был обслуживать пять приходов. Можно себе представить, в какой степени такой пастор имел влияние на отдельных членов прихода. Замещение вакантных должностей шло медленно; в числе кандидатов встречались совсем негодные личности. Лифляндский пастор еще в XVII столетии проникся справедливым сознанием своего достоинства; теперь же в числе пасторов в Лифляндии встречались не только опустившиеся элементы, но и люди совсем без богословского образования, как напр. Некий Аренс из Дерпта, бывший переплетчик, сумевший занять должность разными неблаговидными путями. Значительное число богословов прибывало из Германии; они большей частью приглашались в качестве воспитателей, потом.

Изучив местные языки, получали духовные должности и создавали литературу на латышском и эстонском языках преимущественно религиозного, но и вообще общеполезного содержания. И в этой области самоуправление принесло благие плоды. Генерал-суперинтенданты и начальники духовных округов преследовали недостойных церковнослужителей, наказывали и удаляли от должностей непоправимых пьяниц и мучителей крестьян и тем постепенно подымали достоинство духовного сана. Постепенно прекращались жалобы на недостаток в образованных пасторах, на невозможность окрестить новорожденных, венчать желающих вступить в брак и хоронить усопших по церковному обряду. Среди пасторов встречались те же направления, которые в то время господствовали в германских богословских факультетах, сначала созданный Шпенером пиетизм, а затем с конца 18-го столетия и в начале 19-го столетия рационализм. Движение, возникшее в Геррнгуте, проникло и в прибалтийский край и нашло здесь сторонников в сельском населении (но не только в этой среде). Сначала на него не обращали внимания, но приблизительно с 1740 г. старались его остановить и вовсе вытеснить, что, однако, не вполне удалось. Положение народных школ в деревнях было весьма печально. До Северной войны почти во всяком приходе была приходская школа, но еще в 1736 г. число всех сельских школ в Лифляндии определяется в 108 с 1300 учащихся. Ландтаг 1765 г. много сделал для народных школ, в особенности для подготовки народных учителей, он же постановил, что дети в зимнее время обязательно должны обучаться в школе. По истечении 10 лет уже ощущались результаты этих мер: в Оберпаленском приходе число грамотных взрослых составляло 65%, число грамотных дете1 обоего пола — 75%.

Большие города (Рига и Ревель) лишь постепенно вступали в правильные отношения к новому правительству. На них возложена была постройка новых укреплений, в Ревеле кроме того и устройство военной гавани, вместе с тем они должны были содержать городские военные отряды и городскую артиллерию. Вследствие

этого часто происходили столкновения городского управления с представителями правительства и устранение разногласий иногда стоило больших трудов. В Риге временно назначался председатель магистрата и главный инспектор городских доходов (Илья Исаев). Рига существенно пострадала от бомбардировки и только медленно приступала к исправлению повреждений. Церкви отчасти лежали в развалинах; 10 мая 1721 года сгорела церковь Св. Петра от удара молнии, после чего она была вновь построена. Как в Ревеле, так и в Риге городская казна была пуста; по городскому хозяйству делались только самые необходимые расходы; чрезмерно большие суммы уходили на приемы и отправку депутаций в столицу и тому подобное. Город Рига был еще кредитором шведского правительства, но и последнее считало Ригу своим должником; также частные лица выступали кредиторами, так как во время войны городское управление часто должно было обращаться к таковым для получения ссуд. Особенно от войны пострадала торговля; старые торговые сношения были прерваны и возобновить их или найти новые стоило больших усилий. Явились конкуренты. Новый С.-Петербургский порт привлекал к себе многих купцов, в особенности голландских, пользовавшихся там разными льготами, что причиняло убыток лифляндским портам. Впрочем этот убыток со временем был возмещен. А новый «Балтийский порт», задуманный еще Петром Великим, но заложенный лишь в 1762 г. для того, чтобы перевести сюда часть Ревельской торговли не оправдал возложенных на него надежд. Петр Великий не запрещал вывозить хлеб, сохранял умеренные таможенные тарифы и не тормозил торговых сношений. Но после его смерти в 1725 и 1728 г. вывоз хлеба был запрещен и города тщетно указывали на то, что при недостаточности и плачевном состоянии путей сообщений не может быть и речи о доставке лифляндского хлеба во внутренние области империи.

Трения происходили также между городскими управлениями и гильдиями, которые ревностно оберегали свои старинные привилегии и особенно в торжествен-

ных приемах непременно хотели участвовать через своих представителей. Вообще чрезвычайно часто возникали споры о подобающем общественном поожении. В цехах теперь стали обнаруживаться вредные стороны строгого принуждения. Достижение положения мастера (самостоятельного хозяина) сделалось крайне трудным; большинство цехов состояло теперь из «закрытых» т.е. таких, которые точно определяли число мастеров. Как положение мастера, так и положение подмастерья (Geselle) для многих сделалось совершенно недостижимым, особенно вследствие того, что требовались чрезмерные расходы на устройство угощений и представление сложной работы (Meisterstuck), которую потом не легко было продать. Хорошие стороны цехов, обучение и воспитание учеников отступали все более на задний план. Работа ухудшалась, цены же подымались ввиду весьма ограниченной конкуренции.

Между Ригой и лифляндским дворянством еще с первых времен польского шел спор о так наз. «суд бургграфа» т.е. о праве городского совета в лице одного из бургомистров судит дворян. В 1725 г. при вступлении на престол Екатерины I депутаты от дворянства добились отмены этого права и город Рига несмотря на усиленные старания никогда более его не получил. Также спорили о праве приобретать поместья. В 1710 г. (см.стр. 224) городское управление и дворянство отдельно друг от друга заключили свои капитуляции с русским уполномоченным. Город сохранил все свои прежние права, в том числе и право владеть поместьями; дворянство же получило исключительное право владеть привилегированными поместьями, что очевидно нарушало права города. Город владел поместьями Лемзаль, Икскюль, Кирхгольм, до введения редукций кроме того Нейермюлен, Аагоф; вследствие редукций город лишился этих поместий. И с 1742 г. как помещик имел своего представителя в ландтаге. Но приобретать новые поместья ему и городским жителям сначала совсем запрещалось а потом разрешалось лишь в виде аренды на 99 лет. Большое неудобство для помещиков, живших от плодов своих земель, заключа-

лось в колебаниях цен на хлеб, которые назначались экспортерами и тем более, что сельское хозяйство, только медленно восстанавливающееся, должно было бороться со многими другими затруднениями. Но жаловались и на то, что крестьянин, доставляя свои сельскохозяйственные продукты в город, был принужден продавать их по ценам заранее там назначенным, и не имел возможности избирать из покупателей наиболее для себя выгодного. При таких условиях вражда между городским и сельским населением увеличивалась. В 1745 г. лифляндское дворянство заключило работы, давно начатые, но по случаю войны прерванные по составлению полного списка всех своих членов (Matrikel). В этот список город Рига не был включен.

Благодаря торговым сношениям с Литвой появились в Риге евреи. Есть известие из 1536 г. о сношениях рижского купца Спенкгузена с каким-то евреем. В польское время о евреях ничего не слышно; шведское правительство относилось к евреям в высшей степени враждебно; в Швеции пребывание евреям было запрещено; о Ливонии нет известий. В Курляндии встречаются еврейские монетчики при герцоге Готгарде, они проживали временно в Митаве. Только с конца XVII столетия и в XVIII столетии появились евреи в Курляндии на постоянное жительство (Д-р Иоффе). Постоянное их пребывание в городе Риге было ограничено городским управлением и временные остановки разрешались только в особых гостиницах, находившихся под надзором. Правительство относилось различно к евреям; императрица Елизавета не допускала евреев в Россию, Екатерина II разрешала им пребывание с условиями. Жившие в Лифляндии евреи должны были быть приписаны в городке Шлоке, что впрочем не мешало им распространяться и на другие местности.

Большие города Рига и Ревель скоро оправились и достигли благодаря торговле благосостояния. Изнь в них вернулась в нормальную колею, сила и энергия бюргерства лишний раз доказали свою живучесть. В худшем, почти отчаянном положении были мелкие города, ко-

торые в прежнее время играли довольно важную роль в торговом и промышленном деле. От чумы и голода население их сильно уменьшилось, благосостояние совершенно упало. Эти города оправлялись очень медленно; не все вновь получили значение, немногие (Дерпт, Пернов) достигли прежнего значения и то лишь позднее. На месте прежнего цветущего епископского города Дерпта сосланные в Вологду и возвратившиеся в 1714 г. из ссылки жители построили новый город, который должен был вынести в XVIII столетии много тяжелых ударов и в том числе несколько опустошительных пожаров. Жители были крайне бедны и увеличивали тяжести существования бесконечными спорами и тяжбами, в которых проявлялось не сознание права, а преследование узких личных интересов. Цехи зорко следили за своими привилегиями и настаивали на удалении всех ремесленников, не приписанных к цеху (Bonhasen Bonhase=Bodenhase, т.е. неестественное животное). Хотя городская казна была пуста, от нее требовали покрытия чрезвычайных расходов, между прочим на отправку торжественных депутаций в столицу. Другие мелкие города делают трагикомическое впечатление. Феллин и Вольмар остались без управлений и должны были постепенно их восстанавливать, в Феллине не было цехов, но были споры по цеховым делам. Для решения их феллинцы должны были обращаться к Пернову или Ревелю. Если положение и этих маленьких городов со временем стало опять сносным, то это опять таки свидетельствует о живучести и способностях немецкого бюргерства, вышедшего из этого глубокого упадка.

Очень важным событием в жизни прибалтийского края было посещение его императрицей Екатериной II в июле 1764 г. Ландтаги с 1675 г. занялись с успехом земельной организацией и город Рига издал в 1765 г. новый торговый устав как для внешней так и для внутренней торговли. Этот устав коснулся и муниципального устройства города. Из прежних генерал-губернаторов следует отметить князя Димитрия Михайловича Голицына (1713-1719), князя Никиту Ивановича Репнина (1726 в

Риге), графа Петра де Ласси (1730-1751); из вице-губернаторов зятя влиятельного графа Бирона, впоследствии герцога курляндского, генерал лейтенанта Людольфа Пвгуста фон-Бисмарка (1736-1740). С 1762 до 1792 г. генерал-губернатором был граф Жорж Броун, родом ирландец (он же с 1775 г. генерал-губернатор эстляндский), который внимательно исполнял предписания императрицы, в последние годы своего управления тем не менее лишился ее милости и часто был настолько упрям, что сношения с ним были затруднительны. В 1767 г. в Москве собралась комиссия для сочинения проекта нового уложения. Из прибалтийского края в ней участвовали представители дворянства и больших городов. Цель комиссии не была достигнута. Но все же ее работы послужили основанием для издания в 1775 г. нового учреждения о губерниях, которое для внутренних губерний означает несомненно значительный шаг вперед. Но в прибалтийском крае, где учреждались так наз. наместничества, это учреждение, выработанное в канцеляриях, вызвало неудовольствие, так как оно не считалось с исторически сложившимися особенностями местной жизни и местное население видело в попытке ввести общеимперские установления опасность для своего строя. Были сделаны попытки приноровить учреждение о губерниях к местным условиям, но без успеха. 3 июля 1783 г. последовал указ об учреждении рижского и Ревельского наместничества. Судопроизводство и сословное деление по другим признакам на 7 классов и несколько подклассов, искусственно разграниченных друг от друга. Новый порядок принимался очень туго, особенно в мелких городах; введение реформы задерживало развитие городской жизни. В Ревеле старый городской совет перестал функционировать 31 декабря 1786 г., в Риге 8 января 1787 г. Его заменили городской голова, избранный от всего городского общества по весьма сложной избирательной системе и городская дума, которая имела надзор за управлением. Полицейские обязанности были возложены на городничего, назначаемого сенатом. Ревель пострадал от нового порядка в меньшей степени, так как за все вре-

мя существования его во главе Ревеля стоял городской голова Вильгельм Гетлинг (1798), которому удалось защищать интересы города перед правительством, но и не допускать демократических движений в низших слоях населения. В Риге нововведения вызвали большие смуты. Новое деление на классы было сопряжено с затруднениями и оставляло многих в неопределенном положении. Малая гильдия, возлагавшая большие надежды на реформу, испытала разочарование: явились люди, которые имели право приобретать недвижимость в городе, но не допускались в гильдии. Недостойные честолюбцы добивались должностей с хорошим окладом. Первый городской голова Генрих Штраух (до 1790) не мог справиться с затруднениями и сделаться на деле правителем города. При нем было утрачено без заметного сопротивления важное право: уже в 1786 г. при введении нового порядка Рига лишилась права посылать своих депутатов на ландтаге; затем сенатские указы постановили, что жители Риги не имеют права владеть поместьями. Хорошее состояние финансов лучше всего свидетельствует о нормальном, соответствующем своему назначению управлении. Городские финансы, приведенные после прежнего упадка в равновесие, вновь стали расшатываться при новом управлении, которое открыло доступ к ним неопытным и недобросовестным элементам. Таможенные доходы перешли в казну, между тем очень дорого стоившие работы по сооружению дамбы в Двине производились по распоряжению правительства на счет города и поглощали громадные суммы. Городскому хозяйству грозила несостоятельность. В это время Штраух, лично незаслуживающий никаких упреков, сложил с себя обязанности городского головы, за ним следовали сначала Иоганн Яков Даниил Бетефейр, потом Александр Готшалк Зенгбуш (1790-1796). Несмотря на большие затруднения, вытекавшие из нововведений и отношения к ним населения, и большие огорчения, причиняемые му произвольными поступками чиновников, ему удалось предотвратить банкротство. Отмена прежнего устройства и наступивший вследствие этого быстрый упадок

городского благосостояния причиняли гражданам глубокое огорчение. Тем более была радость и тем искреннее благодарность, когда император Павел I скоро после вступления на престол (указом от 28 ноября 1796 г.) отменил несоответствовавшее и не давшее ничего кроме зла устройство наместничеств и восстановил прежний порядок как для городов, так и для дворянства (которое при наместниках избирало своих губернских предводителей).

Судьбы империи, войны и договоры, перемены на престоле, часто повторявшиеся в первой половине столетия, хотя имеют некоторое отношение к местной жизни края, не входят в пределы настоящего повествования.

ГЛАВА XXXVII
Литература и историография в XVII и XVIII столетиях

Под влиянием меркантилизма разные, в том числе и мелкие государства стремились к расширению торговых сношений своих государств, под этим влиянием и герцог Фридрих голштейнготорпский задумал завязать сношения с далекой Персией. Попытка эта осталась без последствий, что достаточно объясняется разными препятствиями, главным образом великим расстоянием и недостаточностью средств передвижения, но мы обязаны ей выдающимся прозаическим сочинением, первым описанием далекого путешествия в современном смысле, автором которого был Адам Олеарий, секретарь посольства (Neue Orientalische Reisebeschreibung, Schleswig 1647, выдержало много изданий и переведено на разные языки). Посольство, при котором находился Олеарий ехало через прибалтийский край по пути, по которому несмотря на дальность и трудности его еще в средние века иногда ехали путешественники на поклонение святым местам, желавшие избежать морской путь, как напр. В 1438 г. граф Гергард фон дер Марк, который впрочем доехал только до Новгорода. Вследствие разных несчастий, неоднократный кораблекрушений посольство принуждено было продлить свое пребывание в Ревеле и несколько раз проехать по нашему краю, так что Олеарий имел возможность осмотреть и изучить его. В своем сочинении он дает ценное, снабженное иллюстрациями описание прибалтийского края. Также Павел Флеминг, выдающийся лирический поэт, не утративший до настоящего времени литературного значе-

ния, сопрвождавший посольство в качестве гофюнкера, находился в 1635 и 1639 гг. несколько времени в Ревель и написал здесь некоторые из лучших своих стихотворений. Общественная жизнь Ревеля и его жителей производила на иносранцев весьма благоприятное впечатление. Еще в XVI столетии некоторые путешественники называли Лифляндию «Blievland» т.е. страною, в которой следует оставаться. Некоторые члены посольства в самом деле остались здесь, напр. Крузиус, впоследствии произведенный в дворянство с фамилией Крузенштерн, или женились здесь, напр. Олеарий. Флеминг обручился с Анной Нигузен, дочерью Ревельского купца и намеревался поселиться в Ревеле в качестве врача. Для окончания своего образования он отправился в Лейден, где и получил степень доктора медицины. На обратном пути он умер 2 апреля 1640 г. В Гамбурге. По желанию Нигузена Олеарий издал его стихотворения.

Также скучный и чопорный Филипп фон Цезен, составитель фантастических романов, жил некоторое время в Ревеле.

В северо-восточной Германии, в Кенигсберге, составился кружок поэтов, поставивший своей задачей развитие поэтического творчества.Члены его писали бесконечные стихи по случаю свадеб, крестин или похорон, из которых лишь немногие имеют художественное достоинство, но глава этого кружка Симон Дах (род. 1605 г. в Мемеле) оставил столь ценные вещи, как «Anke von Tharau» и «Der Mensch hat nichts so eigen». Два члена этого кружка Роберт Робертин (1648) и Андрей Адерсбах (1660), провели часть своей жизни в Курляндии. Робертин был около 1625 г. Воспитателем в доме окружного начальника фон Майделя в Пильтене, Адерсбах с 1650 г. посланником Иакова, герцога курляндского при польском дворе.

Довольно умеренный сатирик Иоахим Рахель (род. В 1618 г. В Лундене в Дитмаршене, умер в 1669 г. в Шлесвиге) был студентом (с 1640 г.) шведского университета в Дерпте, затем до 1650 г. учителем в Лифляндии. Он писал на нижненемецком наречии; на этом наречии

писал также лифляндец Густав фон Менгден (в декабре 1688 г.) из его сочинений следует отметить остроумную сатиру на редукции: De fief Duvelskinder. Нижненемецкое наречие, употреблявшееся прежде в Лифляндии, в XVII столетии постепенно уступало место литературному немецкому языку. Иоганн фон бессер (родился в 1654 г. в Фрауенбурге в Курляндии, был на службе у бранденбургского курфюрста затем прусского короля, перешел при вступлении на престол Фридриха Вильгельма I в саксонскую службу, умер в 1729 г. в Дрездене в должности церемонимейстера) был высоко талантливый и честный деятель, отличившийся особенно на дипломатическом поприще, но как поэт он не имеет заслуг и является украшением, пожалуй, лишь кружка «водяных поэтов» (Wasserpoeten) или справедливо осуждаемой, так наз. второй силезской школы.

Вместе с тем Бессер принадлежит к группе лифляндцев за границей, из которых мы здесь отметим еще Теодора Рейнкинга (родился 1590 г. в Виндаве, 1664 в Глюкштадте), отличившегося как правовед и дипломат и Эрнста Гидеона фон Лаудона, полководца императрицы Марии Терезии. Последний родился в 1716 г., и умер в 1790 г.; род его встречается в Лифляндии еще в начале XV столетия и получил название от архиепископского замка Лаудон, лежавшего вблизи от его поместья; известие о шотландском происхождении Лаудонов неправильно.

Далее следует указать на следующих писателей и деятелей, имевших какое-либо отношение к Лифляндии: Иоганна Георга Гаман (Hamann), «северного мага», знаменитого Гердера, жившего в Риге от декабря 1764 г. по июнь 1769 г. как преподаватель и проповедник Теодора отлиба фон Гиппеля (Hippel), автора юмористического романа «Lebenslaufe», (вышел в 1778 г., вновь издан Александром ф.Эттингеном в 1878 г.), книготорговца Гарткноха, издателя сочинений Канта, барона О.Г. фон Фитингофа (1722-1792, основателя постоянного театра в Риге), братьев Беренс, Карла (1789) и Иоганна Кристофа (1792), Иоганна Готлиба Мютеля, ученика Иоганна Себастиана Баха и, наконец, несчастного поэта Якова

Михаила Рейнгольда Ленца (родился в 1751 г. в Зессвегене 1792 г. в Москве), который в Страсбурге принадлежал к кружку Гёте.

Представителями отрицательных стремлений той эпохи являются Казанова и Кальостро, которые в Лифляндии останавливались на пути в Петербург, где их ждало разочарование.

Не так самоуверенно, но в не менее мистической обстановке выступал в городах Курляндии беглый монах Маньокавалло и отнимал у игравших с ним в азартные игры их червонцы, так как он никогда не проигрывал.

Довольно значительное число деятелей обратилось к историческим исследованиям и составлению исторических сочинений, причем одни интересовались более отдаленным прошлым и собирали источники, другие составляли записки о современных событиях. Сочинения, написанные еще в XVII столетии однако мало распространились, они были напечатаны лишь долго после смерти своих авторов и сделались поздно общедоступными. Мы даем тут краткий перечень.

В XVII столетии писали Мориц Брандис (родом из Мейсена, секретарь дворянства в Ревеле, 1606 г. еще в живых) Франц Ниенштедт (род. В 1540 г. В Вестфалии, купец в Дерпте, наконец бургомистр в Риге, см. стр. 183, 1622 г.), Томас Гиэрне из Карелии, 1655 г. студент в Дерпте 1678 г. в Вердере в Эстляндии. Последний написал Ehst,-Lyf,-und Lettlandische Geschichte, для которой он собрал обширный материал. Далее Христиан Кельх (род. В 1657 г. В Грейфенгагене, в 1710 г. в Ревеле в должности пастора) написал хронику (до 1690 г.), которая была издана уже в 1695 г. в Ревеле и Рудольштадте. Продолжение этой хроники, в которой Кельх описывает время им самим проведенное в прибалтийском крае, долго оставалось неизвестным и было издано лишь в 1875 г. И. Лоссиусом. В 1700 г. В Гамбурге вышла маленькая книжка Hartnaccius, Kurtzer Entwurf Livlandischer Geschichten.

В XVIII столетии Иоганн Готфрид Арндт (род. В 1713 г. В Галле, ректор в Аренсбурге, конректор в Риге, 1767 г.)

написал хронику. Первый том ее вышел в 1747 г. и содержит перевод хроники Генриха летляндского, в первый раз изданной в 1740 г. И.Д. Груббером. Второй том вышел в 1753 г. и обнимает время до 1562 г.; автор готовил еще третий том, но не успел его напечатать и рукопись его утеряна. Небольшое сочинение издал Густав Бергман под названием: Лифляндская история на манер Боссюета (Лейпциг 1776), снабженное рисунками Бротце. Кроме того два изложения истории Лифляндии вошли в состав больших компиляций. Для Allgemeine Weltgeschichte (Leipzig 1776), написал Даниил Эрнст Вагнер историю Лифляндии (том 14, отд.2), а для Allgemeine Welthistorie (Halle 1785-89) Людвиг Альбрехт Гебгарди (род. В 1730 г. в Люнебурге, профессор в тамошней дворянской академии 1802 г. Собранный им материал находится в королевской библиотеке в Ганновере) подобное сочинение под заглавием «Geschichte Lieflands, Kurlands und Semgallens».

Только к Курляндии относятся сочинения Карла Людвига Теча (Tetsch, родился в 1708 г. в Кенигсберге, в 1771 г. в Либаве): Kirchengeschichte Kurlands, 1767 и сл. В трех томах и Христофора Георга Цигенгорна (Ziegenhorn, род в 1715 г. в Митаве в 1783 г. в Кенигсберге): Staatsrecht der Herzogthumer Kurland und Semgallen, в Кенигсберге 1772 г.

Ценный вклад в местную историографию внес Фридрих Конрад Гадебуш (Gadebusch, род. 1719 г. на острове Рюгене, бургомистр в Дерпте, в 1788 г. в Дерпте) своим изданным в 1772 году сочинением: «Abhandlung von livlandichen Geschichtsschreibern». Он же издал: «Livlandische Iahrbucher» (до 1761 года) 1780 и сл., составленные очень наглядно, «Livlandische Bibliotek», «Versuche». Другие его работы, многочисленные и пространные, свидетельствующие о его неутомимом трудолюбии и большой аккуратности остались не напечатанными и рукописи эти рассеяны по разным (в том числе и польским) библиотекам.

Великим собирателем всевозможных исторических предметов был Иоганн Христофор Бротце (Brotze,

родился в 1742 г. в Герлице, преподаватель при лицее и преобразованной из него гимназии в Риге, 1823 г.). Он собирал грамоты, печати, монеты, рисунки зданий, костюмов и др. и положил основание изучению местных древностей. Составленные им обширные сборники исторических сведений ныне находятся в рижской городской библиотеке. Немного старше Бротце был Иоганн Христофор Швартц

(Schwartz, родился в 1722 г. в Риге, сын бургомистра Адама Гейнриха III, 1753 г. старший секретарь совета, 1761 г. член совета, с 1783 г. до введения наместничества бургомистр, 1804 г.) Он путем частных занятий сделался тонким знатоком местной истории и первый научно обработал местное право. В «Nordische Miscellaneen» он напечатал: «Beitrage zur livlandischen Diplomatic», «Uber Ordensgebietiger» и отдельно: «Sammlung Kurlandischer Staasschtiften».

Август Вильгельм Гупель (Hupel, родился в 1737 г. в Саксен-Веймар, 1765-1804 пастор в Оберпалене 1819 г. в Вейсенштейне) занимался географией, этнографией, статистикой края и напечатал «Topographische Nachrichten von Lief-und Ehstland» в 3-х томах, Рига 1774 и сл. И издавал первое историческое периодическое издание «Nordische Miscellaneen» (впоследствии «Neue Nordische Miscellaneen») от которых появилось 46 выпусков. Граф Людвиг Август Меллин (Mellin, родился в 1754 г. в Тоале, в 1828 г.) составил очень старательно географические карты Лифляндии.

Яков Вениамин Фишер (Fischer, род. В 1731 г. член опекунского совета, в 1793 г.) написал «Versuch einer Naturgeschichte Livlands» (Кенигсберг 1778 г. 2-е издание 1791 г.) По примеру Карла фон-Линнэ он перечисляет все известные ему виды из трех царств природы, присоединяет русские, латинские и эстонские названия и делает указания из областей топографии, гидрографии и климатологии.

Научная обработка источников и других материалов, относящихся к этой эпохе, пока только начата. Так изданы капитуляции 1710 года. К. Ширен издал капитуля-

цию гор. Риги в связи с некоторыми протоколами ландтагов. Эд.Винкельман издал капитуляцию г. Ревеля и эстляндского дворянства. Далее изданы в Риге в 1902-1906 г.: «Aktenstucke und Urkunden 1710-1740», относящиеся к г. Риге, и собранные Антоном Бухгольцом, а напечатанные после его смерти А. фон-Бульмеринком в трех томах.

В заключение укажем на «Schriftstellerlexikon», составленное Иоганном Фридрихом фон-Рекке (Recke) и К.Э. Напьерским и изданное в четырех томах в Митаве 1827-1832 г.г. Оно содержит массу ценного биографического и библиографического материала. Добавление к нему издал Теодор Бейзе в двух томах с 1861 г. Для история отдельных сословий и личностей имеются следующие пособия: К.Э. Напьерского и Кейсслера, о пасторах Лифляндии, Г.Р. и Эд. Паукера (отца и сына) о пасторах Эстляндии (1848 г. и 1895 г.), Кальмейера и д-ра Отто о пасторах Курляндии, Отто и д-ра Брензона о врачах Курляндии и Лифляндии. Важное пособие для изучения истории прибалтийского края составляет: Эд. Винкельман «Bibliotheca Livoniae historica», 1-е издание Спб. 1864 г. 2-е издание Берлин 1878 г. Оно представляет систематический перечень всех сочинений по прибалтийской истории, как отдельно напечатанных, так и помещенных в сборниках и периодических изданиях и наглядно доказывает, что эта история во всех ее отраслях уже давно обрабатывается с большим усердием. Продолжением этого труда следует считать ежегодные обзоры исторической литературы, которые составляли Константин Меттиг (с 1880 г. в «Jahresberichte der Geschichtswissenschaft», выходящих в Берлине), Артур Пельхау (за 1882-1901 гг., Рига 1883-1902 гг.) и А. Фейерзен (с 1904 г.). (Ср. сборник материалов и статей по истории прибалтийского края, 4 тома, Рига 1876-1882)

ГЛАВА XXXVIII
Курляндия в XVIII столетии

Анна Иоанновна осталась после смерти своего супруга, герцога курляндского, по желанию своего дяди Петра Великого в Курляндии. При ней состояли в должности обер-гофмейстерины графиня Матвеева, а в должности гофмаршала граф Бестужев. Высший надзор за доменами, т.е. поместьями, предоставленными в пользование вдовствующей герцогине, принадлежал князю Меншикову, который вследствие сего вел оживленную переписку с верховными советниками герцогства. Для Анны Иоанновны начали строить в Митаве новый дворец, который однако в 1730 году еще не был закончен. Смуты в герцогстве еще долго продолжались. Герцог Фердинанд, живший в Данциге, возобновлял свои притязания, требовал, чтобы ему выдавали герцогские доходы, посылал распоряжения в разные присутственные места, утверждал должностных лиц, так напр., в 1721 г. ландмаршала и главного начальника (Oberhauptmann). Его притязания поддерживались в Польше, от которой Кyляндия находилась в ленной зависимости. Вместе с тем вдова герцога Фридриха Казимира и ее падчерицы (см. стр. 214) требовали выдачи земель, перешедших к ним по наследству. Их требования имели отчасти законное основание, но удовлетворить их было невозможно. Герцогские доходы не могли быть сокращены; нельзя упустить из виду, что второе десятилетие 18-го века было тяжелое время после страшной чумы (см.стр.215) и нормальная хозяйственная деятельность, дающая регулярные доходы, только что опять возникала. В 1717 году всплыл проект, по которому герцог Саксен-Вейсенфельсский

должен был жениться на вдовствующей герцогине Анне Иоанновне и затем сделаться курляндским герцогом. Но этот проект, как и другие ему подобные, впоследствии возникавшие, не осуществился.

После смерти Петра Великого в 1726 г. всесильный князь Меншиков думал занять герцогский престол, но его старания не имели успеха. В то же время явился новый претендент с хорошими шансами в лице графа Морица, маршала Скасонского, сына Августа Сильного и графини Авроры фон-Кенигсмарк. Он приехал в Курляндию и быстро приобрел расположение как Анны Иоанновны, так и дворян. Ландтаг 1726 г. единогласно избрал его в герцоги, но императрица Екатерина I не согласилась. Под ее влиянием и король польский изменил свое мнение и отменил избрание графа Морица. Этот последний подвергся формальной осаде в своей квартире в Митаве в доме Вельмница на углу Католической и Больой улицы и только отряд, находившийся в Митаве для охраны герцогини, освободил его, после чего он переехал во дворец. При свидании с польским королем в Белостоке он ничего не достиг, но ландтаг 1727 года постановил, поддерживать его в герцогском достоинстве. Мориц сам испортил свое дело, которое вследствие смерти Екатерины I (6/17 мая 1727 г.) и падении Меншикова (8/19 сентября 1727 г; все его постановления были отменены императором Петром II) сразу подвинулось вперед. Он лишился милости Анны Иоанновны и должен был покинуть Митаву. С небольшим отрядом он укрепился на острове Усмайтенского озера, который с тех пор называется Морицев остров (Morizinsel) — издал здесь прокламацию к курляндцам, но был окружен русскими войсками и спасся бегством, переодетый кучером (в августе 1727 г.).

После вступления Анны Иоанновны на русский престол Мориц отправился в С.-Петербург и хотел вновь завести переговоры, но не имел успеха. За то казалось, что старый герцог Фердинанд может рассчитывать на успех. Он все еще жил в Данциге. В сентябре 1730 г. он женился на принцессе Иоганне Магдалине Саксен-Вейсенфельс-

ской (род. 1708 г.), а в феврале 1731 г. польский король передал ему Курляндию и Семигалию, но с условием, чтобы после его смерти его владения непосредственно были присоединены к Польше.

Против этого условия великий магистр Тевтонского ордена поднял протест, утверждая, что по прекращении рода Кетлеров, владения его должны возвратиться к Тевтонскому ордену. Но Фердинанд сам погубил свое дело. Он упрямо настаивал не некоторых принадлежавших ему правах, не поддержал своих приверженцев в Курляндии и даже не выехал из Данцига. Вдобавок распространился слух, что он перешел в католичество.

В феврале 1733 г. умер король Август II и его сын и приемник Август III, не обращая внимания на герцога Фердинанда, предложил герцогское достоинство графу Эрнсту Иоганну фон Бирон (1734 г. и 1736 г.).

Но только в 1737 г. Бирон принял это достоинство. 4 мая 1737 г. умер в Данциге герцог Фердинанд на 82 году своей жизни и не оставил детей.

Другие кандидаты, желавшие занять курляндский престол, ландграф Гессен-гамбургский, женатый на дочери герцога курляндского Фридриха Казимира, принц брауншвейг-бевернский как внук того же герцога, не имели успеха. Дворянский съезд (Bruderliche Konferenz), собравшийся в июне 1737 г. в Митаве единогласно избрал в герцоги графа Эрнста Иоганна фон Бирона, а Мориц Саксонский еще раз испытавший свое счастье и приехавший в Митаву должен был вернуться в Париж.

Хотя Бирон по прежнему жил в С.-Петербурге, он пригласил в Курляндию итальянского архитектора Франческо Растрелли и поручил ему несколько замечательных построек (дворец в Руэнтале, новый дворец в Митаве на месте старого орденского замка) и увеличил герцогские домены через покупку новых имений и выкуп заложенных имений. От этих мер пострадали многие члены дворянства, которое поэтому и протестовало против них, но большею частью без успеха. Однако, столь быстро возвысившийся временщик, сделавшийся после смерти Анны Иоанновны (17/28 окт. 1740 г.) даже

регентом всей России, столь же быстро пал. Уже в ноябре того же года он со своим семейством был арестован и сослан в Пелым, а после вступления на престол Елизаветы Петровны он был переведен в Ярославль. Казалось, что Бирон окончательно потерял свое значение, падение его соперника фельдмаршала Миниха, случившееся в декабре 1741 г. после переворота 25 нояб./6 дек. Не имело влияния на его судьбу.

С 1740 г. до 1758 г. Курляндия опять оставалась без герцога. Хотя Биров у одной части курляндцев был весьма непопулярен, теперь хлопотали о его возвращении. Когда эти попытки к цели не привели, то предложили герцогское достоинство герцогу брауншвейгскому Людвигу Эрнсту, но король польский воспротивился этому. Явились и другие кандидаты, в том числе еще раз Мориц Саксонский. Дворянское общество раскололось на партии. В 1744 г. дворянский съезд распался на две группы: меньшинство стояло за Бирона и к нему тяготели города, большинство, которому покровительствовал польский король, желало возвести Христиана, князя ангальт-цербстского, отца принцессы Софии Августы Фридерики, родившейся 21 апр./2 мая 1729 г. т.е. великой княгини Екатерины Алексеевны, бывшей с августа 1745 г. в супружестве с царевичем Петром Федоровичем. После долгих и бурных переговоров наконец в 1752 г. обе группы постановили просить о возвращении Бирона. Ходатайство потерпело крушение, так как Елизавета Петровна не соглашалась. Вообще влияние России на судьбы Курляндии усиливалось все более со времен Анны Иоанновны.

Между тем король польский Август III в качестве курфирста саксонского был вовлечен в семилетнюю войну и просил императрицу Елизавету, с которой он был в союзе, дать свое согласие на то, чтобы его сын Карл занял курляндский престол. Он мог просить об этом, потому что граф Мориц, старший кандидат из того же саксонского дома умер 30 ноября 1750 г. в Страсбурге. Предложение это сначала не встретило сочувствия, тем не менее Карл в ноябре 1758 г. был провозглашен герцогом и его уполномоченный Эбергард фон Мирбах заключил

необходимые договоры с курляндскими чинами. Так как принц Карл, как и весь саксонский дом был католического исповедания, то он должен был дать обещание, что протестантизм в Курляндии не пострадает. В ноябре 1759 г. в Митаве ему приносили торжественную присягу. Однако целая партия продолжала сноситься с жившим в ссылке Бироном и не хотела признать нового герцога. Члены этой партии назывались эрнестинцами, тогда как сторонники Карла получили кличку каролинцев и те и другие носили на своей одежде значки, в знак принадлежности к той или другой партии.

После смерти Елизаветы Петровны, последовавшей 25 дек. 1761 г./5 янв. 1762 г. Биров получил разрешение возвратиться в С.-Петербург, и император Петр III, а затем также императрица Екатерина II признали его курляндским герцогом. Он отправился в Ригу и, после разоружения гвардии герцога Карла русскими войсками, в Митаву, где он 22 января 1763 г. имел торжественный въезд. Верховные советники и 139 дворян издали манифест, в котором Бирон объявлялся законным герцогом. Польский же сенат обвинял Эрнста Иоганна Бирона и его сторонников в политическом преступлении. Однако герцог карл сам отрекся от своего достоинства и 27 апреля 1763 г. уехал из Митавы. Его партия — партия каролинцев продолжала существовать, хотя смерть короля Августа III, последовавшая 5 октября 1763 г., лишила ее главной опоры. Новый польский король Станислав Понятовский высказался за Бирона, тем не менее присяга ему не могла состояться. Несколько ландтагов обсуждали вопрос о присяге, но число несогласных было слишком значительно и не уменьшилось даже, когда Бирон в 1767 г. изъявил готовность сделать разные уступки. Тогда Эрнст Иоганн 24 ноября 1769 г. отрекся от герцогского досоинства в пользу своего сына Петра; он переехал в Руэнталь и умер 28 декабря 1772 г.

Несмотря на многократные протесты курляндцы приносили присягу герцогу Петру в июне 1770 г., но всё время управления этого последнего герцога наполнено смутами. Примирение противников сделалось невоз-

можным, разногласия были принципиальные. Композиционный акт от августа 1776 г. устранил лишь главные неустройства. Зависимость Курляндии от Польши имела последствием, что при польских разделах подымался вопрос и о судьбе Курляндии. Однако два первых раздела Курляндии не коснулись. Русское влияние усиливалось, но многие искали опору при польском дворе, пока польская дворянская республика существовала и находила поддержку со стороны Австрии и Пруссии.

При дворе герцога Петра, особенно после заключения третьего брака герцога большое внимание уделяли театру и музыке (капельмейстер Фейхтнер). Дворцы в Митаве и Руэнтале теперь были докончены. Кроме них герцог Петр построил большие дворцы в изящном стиле позднего рококо (с помощью скульптора Графа) в Вюрцау, Шветгоф (в 1876 г. переделан в казармы) и Фридрихслуст и окружил их большими парками. На месте дворца герцогини Анны в Митаве архитектор Северин Иенсен с 1773 г. построил новое здание с башней, предназначенной для астрономической обсерватории. В этом здании 8 июня 1775 г. Было открыто высшее учебное заведение, которое носило название: 1775-1795 Academia Petrina, 1795-1806 Gymnasium academicum, 1806-1838 Gymnasium illustre. Учебный план был выработан при участии известного Иоганна Георга Зульцера. Ректор избирался профессорами.

Герцог Петр был три раза женат. Оба первых брака с принцессой Каролиной Вальдекской (1765-1772) и с княжной Евдокией Юсуповой (1778) были расторгнуты. В третий раз он женился 6 ноября 1779 г. на имперской графине Доротее фон Медем. Из этого брака он имел одного сына, родившегося в 1787 г. и умершего уже в 1790 г. и несколько дочерей. Когда герцог в интересах этих дочерей, но и для того, чтобы поправить собственные свои финансы, некоторые частные имения, причисленные к доменам (напр.Вюрцау) объявил своим частным владением, он встретил сильное сопротивление и приобрел многих врагов. Точно также соединение нескольких имений под одним управлением, произведенное в фискальных це-

лях и сопровождавшееся многими злоупотреблениями, вызвало большое неудовольствие. В числе его служащих отличался особенной жестокостью вышедший из крестьянского сословия Давид Грюнгоф. И в других отношениях счастье не улыбалось герцогу. Разногласия между его советниками побудили правительство, подвергнут пересмотру давно забытые договоры с Швецией по делам города иги из 1615 и 1629 г.г. (см.стр.191). На основании этих договором герцог Петр с императрицей Екатериной II в 1783 г. заключил конвенцию, в силу которой курляндские произведения должны были вывозиться не через курляндские порты Либаву и Виндаву, а через Ригу, причем с них на границе взималась таможенная пошлина, устье реки Аа с местечком Шлок перешло к России, Митава следовательно была отрезана от моря и морская торговля естественно сосредоточена в Риге.

В августе 1784 г. Герцог Петр предпринял большое путешествие, чтобы отдохнуть и оправиться от забот и бремени правления. Со своей супругой и большой свитой он выехал из наиболее любимой своей резиденции Вюрцау и отправился через Берлин, Дрезден и Мюнхен в Италию. В Риме он праздновал в 1785 г. Десятую годовщину им же основанной Петровской академии. После вторичной остановки в Берлине, во время которой состоялась покупка большого владения Саган в Силезии герцог посетил Голландию. Когда он весной 1787 г. Возвратился в свое герцогство, его встретили со всевозможными жалобами и неприятностями. Совещания ландтагов были крайне бурны и часто прерывались. Городские общества жаловались на упадок торговли и промышленности. Полная анархия угрожала герцогству, когда осенью 1790 г. Четыре депутации, а именно: герцогская, дворянская, пильтенская и депутация от митавского союза бюргеров (во главе которого стояли некоторые профессора академии) поехали в Варшаву, чтобы перед королевским правительством защищать свои права и притязания. Герцог в важных делах делал уступки, но в пустяках проявлял большое упрямство. Попытка его составить в ландтаге свою партию и таким образом бо-

роться с существовавшей политической системой, кончилась полной неудачей.

В декабре 1792 г. вспыхнуло даже «восстание мелников», которое впрочем не следует рассматривать как отражение движения присходившего тогда во Франции. Лишь вожаки знали о французских делах и действовали может быть под их влиянием. Сущность дела заключалась в том, что многочисленные рабочие на мельницах предъявили законные и крайне скромные требования о выдаче им со стороны хозяев денег на пиво, и встретив отказ, устроили большую демонстрацию перед дворцом. Когда они не повиновались приглашению разойтись, войска стреляли в них, при чем несколько человек к несчастью было убито и ранено. Этим все дело и кончилось.

Пруссия еще раньше, но особенно после второго раздела Польши (1793 г.) внимательно следила за курляндскими делами. Но прусские резиденты в Митаве, в том числе Гиттель (Huttel), не совсем верно оценивали положение вещей и не считали его настолько безнадежным, чтобы можно было оправдать иностранное вмешательство. Между тем положение герцога стало совершенно шатким, и он потерял почти всякое влияние на дела. Давно уже Отто Герман фон Говен (Howen), который также как и его отец был убежденный противник Биронов, с согласия многих курляндцев вступил в переговоры с императрицей Екатериной II. Когда в январе 1795 г. последовал третий и последний раздел Польши и курляндское дворянство посредством манифеста от 17-го марта, а пильтенское дворянство 18 марта объявили ленную зависимость от Польши несуществующей, поручая вместе с тем дальнейшее устройство своих дел императрице Екатерине, то вообще не существовали более приверженцы герцога Петра. Только двое из верховных советников канцлер Георг Кристоф фон Людингаузен-Вольф и ландмаршал Эрнст Дитрих фон Шеппингк не подписали манифеста; они заявили, что считают образ действий дворянства необходимым, но для себя не совместимых с долгом перед герцогом.

Герцог Петр с февраля 1795 г находился в С.Петербурге и признал совершившееся, отрекшись от своего достоинства 17/28 марта 1795 г. 30-го августа того же года он покинул навсегда свое прежнее герцогство.

15-го апреля 1795 г. императрица Екатерина II в торжественной аудиенции принимала представителей курляндского и пильтенского дворянства, 20 апреля они приносили присягу в собрании сената. Генерал-губернатором курляндским был назначен генерал фон дер Пален; императрица разрешила продолжение ландтага, прерванного 25 марта и заседавшего до 26 октября. По указу от 27 ноября вводилось в Курляндии устройство наместничества, введенное во всей империи, и юлианский календарь. Наместничество было отменено императором Павлом его указом от 24 декабря 1796 г. несколько недель спустя после отмены лифляндского и эстляндского наместничеств.

ГЛАВА XXXIX
Заключение

После присоединения к России Курляндии все три главные части области, занятой в 13-м столетии немецкими колонистами, были под названием прибалтийских губерний (Ostseeprovinzen) соединены под одним управлением. (Лифляндская, Эстляндская, Курляндская губернии; остров Эзель присоединен к ифляндской губернии, но эзельское дворянство составляет отдельную корпорацию).

Управление провинциями поручено губернаторам, действующим от имени императора и имеющим при себе вицегубернаторов (в Риге, Ревеле, Митаве). За исключением короткого промежутка, с мая 1801 г. до 1876 г. провинции были кроме того объединены под управлением генерал-губернатора, жившего в Риге).

Подробное историческое описание тем не менее должно было бы остановиться на каждой провинции отдельно. Историческое их развитие наложило на туземное и на немецкое население особую печать. Присоединение к различным резко друг от друга отличавшимся государствам имело следствием, что выработались в каждой провинции отдельно. Историческое их развитие наложило на туземное и на немецкое население особую печать. Присоединение к различным резко друг от друга отличавшимся государствам имело следствием, что выработались в каждой провинции характерные особенности. До сих пор противоположности и различия не исчезли и для того, чтобы научиться понимать друг друга и сознавать объединяющие элементы, пона-

добилось продолжительное время. Мы пишем не историю отдельных провинций, а, напротив, желаем подчеркнуть общее и объединяющее, а потому лишь бегло коснемся местных особенностей.

Земельный вопрос подымался и ранее, теперь желали его решить. К этой цели шли постепенно, ибо опрометчивое решение не принесло бы пользы ни помещикам ни крестьянам. Настоящее крепостное право не существовало в прибалтийском крае; наследственная зависимость и арендная система, по которой крестьянин должен был отбывать барщину, размеры которой определялись по усмотрению помещика были достаточно тяжелы. Нигде помещик не жил исключительно от своих крестьян, зависимость их была установлена в пределах, которых требовали сельско-хозяйственные интересы. Разумеется, крестьянам жилось лучше при добрых помещиках, но злые составляли только исключения. В Курляндии существовали патриархальные отношения и крестьяне не ощущали особой тяжести своей зависимости. Только злонамеренные писатели выдумали те страшные вещи, которые в действительности никогда и никем не наблюдались.

В эстляндском (здесь инициатором был предводитель дворянства Яков фон Берг) и в лифляндском ландтагах 1795 г. заговорили о земельном вопросе. Особенно подвинулось это дело со времени вступления на престол императора Александра I, который, придерживаясь гуманных убеждений, думал об отмене крепостного права по всей империи и предлагал провести ее и в прибалтийском крае. Вследствие сего в Лифляндии в 1804 г. был издан крестьянский устав и в 1809 г. дополнение к нему. По этому уставу прикрепление крестьян сохранялось, но кресьянин получал неотъемлемое наследственное право на пользование своей усадьбой. Этот закон повлек за собой новое измерение и межевание земли и участков. В Эстляндии было в 1804 г. составлено «уложение для эстляндских крестьян»; крестьяне не получили права свободной покупки земли, отмена крепостного права не объявлена в ясных выражениях. Александр I был не-

доволен, сами эстляндские помещики сознавали, что уложение не соответствовало назревшим потребностям. Поэтому были в 1811 г. изданы новые резко отличавшиеся от прежних постановления: отношения помещиков и крестьян строились на свободном договоре, вследствие чего всякие права помещика на личность крестьянина, а также прикрепление крестьян к земле, разумеется, уничтожались.

Дальнейшее развитие крестьянского дела остановилось на некоторое время вследствие отечественной войны. Но в начале столетия осуществилось еще другое важное дело, было исполнено наконец старое, весьма близкое сердцу местных жителей желание. Еще при императоре Павле I возникла мысль учредить в прибалтийском крае университет, как видно из указа от 9 апреля 1798 г. Так как в Митаве существовала академия, то думали сначала митавскую академию преобразовать в университет. Средства для его содержания должны были доставить дворянские общества и правительство, которое из государственных имуществ выделило участок в 100 гакенов в пользу университета. Но не в Митаве, а в Дерпте, где уже при шведском управлении существовал университет (см.выше стр.199) 21 апреля 1802 г. было учреждено учебное заведение, первоначально с ограниченным составом профессоров и студентов, при участии представителей от эстляндского и лифляндского дворянства (курляндское дворянство отказалось от участия, когда решено было учредить университет не в Митаве). Уже в мае месяце того же 1802 г. император Александр посетил молодой университет и остался им доволен. Первый ректор профессор физики Георг Фридрих Паррот заслужил доверие и расположение государя. Это выразилось во-первых в том, что государь по его просьбе приказал из государственного казначейства отпустить более значительные средства на потребности университета и утвердил новый устав, а во-вторых в том, что государь вел с ним много лет оживленную переписку. 12 декабря 1802 г. в 25 день своего рождения государь подписал учредительную хартию Императорского Де-

рптского университета, где сказано: «Мы учреждаем на вечные времена для Империи Нашей, а в особенности для Губерний Лифляндской, Эстляндской и Курляндской Университеты; и как столь приятно Нашему сердцу привести сие святилище наук в цветущее состояние, то по сему и приемлем оный Университет в особенное Наше покровительство и защиту. Учреждение сие имеет преимущественно целью распространение человеческих познаний в Нашем государстве и купно образование юношества на службу отечества.

Отечественная война коснулась и прибалтийского края, но только в южной части. При вступлении французов в Россию крайне левое крыло огромной армии Наполеона русские заняли укрепленную позицию на средней Западной Двине при Дриссе, что оказалось не нужным, после чего войска отсюда были переведены в другие места. Вместе с тем почти все войска были выведены из прибалтийского края. 13/25 июня 1812 г. левое крыло перешло границу; к корпусу маршала Макдональда принадлежал и прусский вспомогательный отряд, названный 27-ой дивизией и состоявшей из 20000 человек под начальством генерала Йорка. 23 июня/5 июля произошло первое сражение именно при Шавлях, где пруссаки сражались под начальством генерала Граверта. Курляндия занята французскими войсками, на нее наложена контрибуция в 2000000 франков; большая часть этой суммы действительно была уплачена; 7/19 июля сражались при Эккау, 8/20 июля неприятели, преимущественно пруссаки, заняли позицию при Кирхгольме, Даленкархене, Кеккау. Потом распространился слух, что они 9/21 июля при Гросс-Юнгфернгофе перешли на правый берег Двины. После того Рига находилась в прямой опасности.

Рига была в то время сильной крепостью, где был собран большой запас продовольствия и амуниции, но гарнизон ее в количественном отношении не соответствовал ее назначению. Ожидали нападение или даже осаду, так как стало известным замечание Наполеона, что Рига есть предместье Лондона. 16/28 июня в Риге объявлено

военное положение. 26 июня/8 июля произошел переполох вследствие ложного извесия, что неприятель приближается к Митаве. Но то, что приняли за неприятельское войско, оказалось отрядом казаков и стадом быков. Тем не менее было решено совершенно сжечь Митаву, чтобы не дать неприятелю возможности укрепиться здесь, но курляндскому губернатору, Фридриху фон Сиверсу, удалось отклонить эту меру. Гражданское управление покинуло Ригу и переехало отчасти в Пернов, отчасти в Вольмар, архивы также были увезены. В городе, кроме городского магистрата, остались только военные власти. Главнокомандующий в Лифляндии, генерал и, фон Эссен I преждевременно приказал разрушить и сжечь части Митавского и Московского предместий и в ночь от 11/23 на 12/24 июля даже все Петербургское предместье. Так как неприятель под Ригой не показывался, то эта мера оказалась ненужной. Материальные, от нее происшедшие убытки, не могут быть точно исчислены, так как многие пострадавшие о своих убытках умолчали; убытки же, понесенные преимущественно бедным населением и заявленные, достигли суммы в 17000000 рублей ассигнациями, что составляет более 4000000 р.с.

Прусский вспомогательный корпус выдержал еще сражение при Даленкирхене 10/22 августа, при Графентале и Мезотене 17/29 сентября, при Олаи 3/15 ноября. В декабре неприятельские войска удалились, получив приказание прикрывать отступление великой армии. Командующий же прусским корпусом, генерад Йорк, заключил 18/30 декабря с русским полковником Дибичем конвенцию в Тауроггене (в Пошерунской мельнице), в силу которой пруссаки перешли к русским. В Курляндии еще с осени свирепствовал страшный тиф.

По окончании отечественной войны прибалтийский край наслаждался миром и спокойствием. Во время Крымской войны в 1854 г. англичане делали попытки высадиться; наибольшая опасность тогда грозила Ревелю, так что часть населения и некоторые правительственные учреждения переехали в другие города (напр. Вейсенштейн). Но эти попытки серьезного значения не имели.

По восстановлении мира решение крестьянского вопроса было приведено к заключению. И в Курляндии, по желанию государя, занялись этим делом. Экономическое положение края было вследствие войны (вследствие континентальной системы прекратился вывоз сельскохозяйственных продуктов в Англию, которая была главным их покупателем) и повышения государственных повинностей и налогов неблагоприятно, тем не менее дворянские общества не остановились на половине пути. Они учреждали кредитные общества, которые выдавали ссуды под залог имений и распространяли свои операции на значительные области и тем дали возможность предотвратить хозяйственное разорение.

За сто лет до этого отсутствие такого кредита ощущалось как тяжелый недостаток. Раньше других покончила Эстляндия с крестьянским вопросом: 8/20 января 1817 г. в Ревеле торжественно объявлено об освобождении крестьян. В Курляндии, после долгих совещаний, во время которых генерал-губернатор маркиз Паулуччи выступил со своим проектом, осуществление которого не удовлетврило бы ни помещиков, ни крестьян, приняли в ландтаге 1817 г. с подавляющим большинством основания эстляндского положения и это постановление 25 авг/6 сент получило Высочайшее утверждение. 30 авг/11 сент 1817 г. в пристуствии государя последовало в Мтаве торжественное объявление об освобождении крестьян. Лифляндские дворяне после этого не могли и не хотели дольше отставать от своиъх соседей и приняли в ландтаге 1818 г. в противоречие к постановлениям 1804 г. (см. выше стр. 254) крестьянское положение, изданное в 1819 г., которое устанавливало право свободного перехода. Хотя крестьяне по имени сделались независимыми гшражданами государства, но личная их свобода не могла принести пользы при сохранении хозяйственных ограничений. Право свободного перехода вызвало усиление спроса рабочих сил и повыщщение заработной платы. Право на приобретение земли предоставлено лишь впоследствии. Пока преобладала аренда; но место прежней натуральной аренды занимала все более денеж-

ная аренда, предлагавшаяся помещиками, так как крестьяне понимали ее преимущества. В Эстляндии в этом деле много сделал предводитель дворянства граф Александр Кейзерлинг (позднее 1862-1870 попечитель Дерптского университета). В Лифляндии ландтаг 1847 г. постановил, чтобы плата за арендованный участок делалась в деньгах, и особенные заслуги по этой части имел барон Гамилькар фон Фелькерзам (1856 г.), по убеждениям консерватор, по действиям либерал. В Курляндии натуральная плата за аренду отменена в 1863 г. при содействии барона Карла Матфея фон дер Реке; de facto и здесь уже давно перешли к денежной аренде и еще в 1840 г. барон Федор фон Ганн предлагал совершенно уничтожить натуральную аренду.

Более действительные меры для улучшения положения крестьян могли быть приняты лишь после того, как всякое лицо христианского исповедания без различия сословного происхождения получило право приобретать земли. Ибо лицам, принадлежавшим к городским и сельским сословиям вопреки капитуляции 1710 г., которая сохраняла все прежние права, было в конце концов запрещено владеть землей как на правах собственности, так и на правах аренды на 99 лет. Вследствие этого города, имевшие земельные владения, попали в странное положение. Но Рига защищала свои права, и от ее имени бургомистр Отто МюллерЮ бывший с 1852 г. представителем города в ландтаге, — так как город владел землей, — смело вступил в борьбу за право всех на владение землей (1862г). Представителем дворянства был в то время ландмаршал князь Павел фон Ливен. Хотя сначала консерваторы имели большинство, в конце концов победили либералы. В ландтагах, собиравшихся ежегодно — были и чрезвычайные, так что в один год собирались два ландтага, — происходили бурные прения. В 1864 г. еще 90% всех поданных голосов (=127 гол. против, 9 за) были против распространения на всех права на владение землей, в марте 1865 г. лишь 60% (из 193 поданных голосов) и уже в марте 1866 г. вопрос был

решен в смысле либералов. !!% голосов из 205 были за распространение права.

Дворянский съезд (чрезвычайный ландтаг) в Курляндии, где так же, как и в Лифляндии, хотя и на других основаниях, право на владение землей было ограничено, еще в июне 1865 г. сделал подобное постановление. Между тем, как представитель курляндского дворянства барон К. фон дер Реке для получения утверждения находился в С.-Петербурге, примкнул к этому направлению и предводитель эстляндского дворянства барон фон дер Пален. Еще в декабре 1864 г. эстляндский ландтаг отклонил даже предложение учредить комиссию для предварительного обсуждения этого вопоса. Это решение столь важного вопроса, почти одновременное во всех трех провинциях свидетельствует о благородном настроении причастных лиц.

После этого операции существовавших дворянских кредитных обществ были распространены на покупку и продажу крестьянских участков, и многие крестьяне не преминули воспользоваться этим и приобрести участок.

Благодаря разного рода удобрениям, в особенности переходу от устаревшей трехпольной системы к многопольной, вследствие этого более богатым урожаям и благоприятным конъюнктурам на всемирном рынке здешние крестьяне скоро достигли известного благосостояния. При хозяйственных дарованиях и бережливости как латышей, так и эстонцев, которые расточительность не уважают ни под каким видом, приобретение земли в наследственную собственность оказало очень благотворное влияние. Около 1900 г. почти вся земля, обрабатываемая крестьянами, перешла в их собственность. По этому поводу дворяне говорили: мы посадили крестьянина на лошадь, теперь он должен доказать, умеет ли он ездить верхом.

Вслед за учреждением университета, который сделался центром дерптского учебного округа (обнимавшего сначала и часть Финляндии), проведена была и реорганизация средних и низших школ. Существовали старые

школы, в том числе Ревельская дворянская гимназия. (Domschule), основанная в 1319 г.; вообще все гимназии теперь были преобразованы по одному общему для всех плану; в уездных городах были учреждены начальные и уездные училища. Частные учебные заведения, соединенные с пансионами существовали, в Биркенруэ близ Вендена, в Феллине, в Верро. Также в деревнях начали учреждать помещение под школу, и духовенства, имевшего надзор за школами, ибо эти школы не принадлежали к ведомству попечителя.

Для подготовления сельских учителей дворянство учредило несколько учительских семинарий. В Лифляндии народные училища даже были разделены на низшие и высшие, так наз. приходские с расширенной программой. Преподавание велось на родном языке детей, т.е. на латышском и эстонском; о германизации никогда не думали. Хотя этот вопрос не раз подымался и обсуждался и мнения очень расходились, но утверждавшие, что германизация была бы насилием над чужой народностью и отклонявшие ее на этом основании оставались в большинстве.

Духовные лица обрабатывали местные языки и сделали их предметом научных исследований. Из местного туземного населения первоначально не выходили церковнослужители; число пасторов латышского или эстонского происхождения было не велико до половины XIX стол., но после этого оно увеличилось.

Дерптский университет развивался, учреждались новые кафедры. Высшее образование сделалось доступным на родине; для приобретения его уже не нужно было, как прежде, ездить за границу. Велико число тех, которые в Дерпте получили высшее образование. Разумеется, большинство избирало те науки, знание которых давало право получить место с достаточным жалованием. Должности пасторов, юристов, врачей, учителей не только в прибалтийском крае, но и в империи замещались кандидатами Дерптского университета. Некоторые из них получили всемирную известность, одного

мы назовем, не опасаясь тем обидеть других: Карл Эрнст фон Бер (Baer) родился в Эстляндии 17/28 января 1792 г., был профессором Кенигсбергского университета, затем действительным членом императорской академии наук в С.-Петербурге, умер 16/28 ноября 1876 г. в Дерпте, где он провел последние годы жизни. Он прославился своими работами и важными открытиями в области биологии. Если бы мы хотели назвать другие имена, мы бы должны были составить обширный список, который доказал бы, сколько идеализма воспитанники этого университета, истинного сокровища нашего края, приобрели в нем и сохранили на всю жизнь. Многие, впоследствии перешедшие на практические поприща и честно работавшие на них, проникались в Дерпте любовью и безусловным уважением к свободному научному труду. Вместе с тем, тут выработались особые формы студенческой жизни. Четыре корпорации, имеющие характер землячеств, были основаны не долго после учреждения университета и просуществовали до настоящего времени; старейшей из них ныне уже около ста лет. В них никогда не обсуждали политических вопросов. Корпорация поддерживала и воспитывала членов, требуя от них раньше всего безусловной честности и исклчая из своего состава совершивших нечестный поступок. В отношении к поединкам и дуэлям некоторые, не имевшие достаточного самообладания переступали предел допустимого, но учрежденные для этой цели в 1841 г. суды чести боролись со злоупотреблениями в этой области.

Частная жизнь в прибалтийском крае до половины 19 столетия протекала тихо. Сельские жители и жители маленьких городов довольствовались сношенями с родными и соседями. Многие забавлялись охотой. В поовине лета, около Иванова дня или во время зимнего сезона, помещики и сельские жители приезжали в губернский город (так особенно в Эстляндии и Курляндии, где различали Ивановы дни по старому и новому стилю) устраивали свои дела и искали развлечений и увеселений, которых они были лишены в обыкновенное время. Даже в

более крупных городах жизнь текла очень спокойно. Те возбуждения и волнения, кторые вызывает все чаще и чаще новейшее время, были еще неизвестны. Местные газеты — число их было незначительно, «Rigasche Zeitung» начала выходить в 1778 г. — отличались удивительной бедностью содержания; наибольшее место в них занимали объявления; известия о местных делах они не смели печатать, фельетона не знали, редкие политические сообщения из империи и других государств появлялись поздно. Вообще боялись гласности. Самые распространенные иностранные газеты были: внимательно издававшаяся (тогда в Аугсбурге), но беспартийная Allgemeine Zeitung и, в городе Риге, «Hamburgische Correspondent», кроме них читали Neue Preussische Zeitung, обыкновенно называемую Kreuzzeitung. Газеты получались поздно, и если кто-нибудь выписывал книги из-за границы, он точно также должен был запасаться большим терпением. Почтовые сообщения были весьма неудовлетворительны. В С.-Петербург или за границу ездили только по делам или для лечения и такие поездки стоили дорого, так что лишь состоятельные могли их предпринимать. Большой почтовый тракт от Тауроггена в С.-Петербург шел через прибалтийский край. Два раза в неделю большие, тяжело нагруженные почтовые экипажи проезжали по этому тракту (при худом состоянии дороги и дурной погоде они запрягались во множество лошадей). Пароходство по Балтийскому морю лишь зарождалось; поэтому все, отправлявшиеся в С.-Петербург и не имевшие ни своих лошадей, ни своего экипажа, должны были ехать в этих почтовых экипажах. Таким образом знаменитости театра и другие известные артисты попадали в Митаву, Ригу, Дерпт, иные из них останавливались тоже в маленьких городах: Венден, Валк, Вольмар, и устраивали в них представления перед благодарной и достаточно образованной, способной оценить представляемое публикой, состоявшей как из местных обывателей, так и помещиков окрестных имений. Музыкой много занимались, живопись и другие изображающие художества стояли на заднем плане, хотя интерес к ним, в виде исключения,

кое-где обнаруживался. Музыка была господствующим художеством. В ее исполнении многие мужчины и женщины достигли значительного совершенства, хотя мы таких не знаем, которые жили исключительно для и от музыки. Более всего уважали немецкую классическую музыку; и в этой области придерживались правила: Res severa est verum gaudium. В Ревеле и вообще в Эстляндии всегда особенно любили хоровое пение; много занимались им и в Дерпте среди студентов. Квартет из членов корпорации «Эстонии» пользовался в течение нескольких десятилетий большой славой. Но Рига все-таки оставалась первым городом всего края. И здесь театры и концерты были единственными публичными, все части общества объединяющими увеселениями. Они поставляли главный материал для разговоров и для газет, в других отделах, лишенных всякого интереса (критические статьи Карла Альта). Конрадин Крейтцер похоронен в Риге на католическом кладбище. Рихард Вагнер был капельмейстером при рижском театре. Карл фон Гольтей был не полных два года директором театра. Постоянный театр существовал в то время только в Риге. Около Иванова дня рижская труппа давала представления в Митаве, где имелось подходящее помещение. Впоследствии в этом здании был устроен цирк, и теперь стоит на том месте новый Курляндский провинциальный музей.

Со времени пробуждения исторического интереса изучение родной старины сделалось преобладающим научным занятием. Курляндское общество, основанное в 1815 г., должно было сделаться центром литературной и художественной деятельности. Но с течением времени оно все более исключительно останавливалось на двух задачах: на изучении родной природы и изучении родной старины. Музей в Митаве, основанный статским советником фон Реке и врачем, доктором Лихтенштейном, обнимал также обе области (естествознание и историю) и внес в широкие слои интерес к ним. В Риге (1844) и Дерпте были основаны общества естествоиспытателей, в Ревеле при «литературном обществе», основанном в 1842 г., образовалась секция природоведения. В 1834 г. в

озникло в Риге общество, сосредоточившееся с самого начала на изучении истории и археологии прибалтийского края. Подобные общества для изучения местной истории и археологии возникли впоследствии и в мелких городах: Аренсбурге, Нарве, Феллине, Пернове, Вейсентштейне, так как и в них набиралось достатьчное количество людей с умственными интересами. Латышское литературное общество, имеющее общие собрания то в Риге, то в Митаве, ученое эстонское общество в Дерпте начали работать еще в первой половине 19 столетия. Все эти общества преследовали строго научные цели и принесли свою пользу; при этом было бы несправедлиао упрекать их в том, что они способствовали разбрасыванию сил; при условиях нашей жизни и больших расстояниях между городами такая децентрализация не только желательна, но совершенно неизбежна.

Леность и бездействие не имели поклонников. Помещик жил в своем имении среди крестьян и занимался своим хозяйством. В городах мужчины добросовестно исполняли обязанности по должности, находились ли они на государственной службе, которую несли преимущественно местные уроженцы, или на городской службе или в независимом положении. Женщины работали в доме. Общества с благотворительными или обще-культурными задачами только что возникали. После работы мужчины отдыхали и развлекались в клубах; открытые для всех рестораны не пользовались симпатиями. В маленьких городах служащие в общественных учреждениях составляли с так назыв. «литератами», т.е. пасторами, врачами, учителями, аптекарями тесно сплоченную семью, спокойствие и согласие которой только изредка нарушались, если в нее проник неподходящий элемент или провинился чей либо слишком острый язык. Эти кружки устраивали чтения и такцевальные вечера, обыкновенно в частных домах, но иногда, особенно когда в городке были проезжающие студенты, в помещении клуба или, на местном наречии, «муссы». Такие «муссы» существовали везде, большей частью в гостинице поб-

лизости от почтовой станции. Здесь задерживался проезжающий и, исполняя роль живой газеты, сообщал последние новости. Гостеприимство было широко распространенною добродетелью, как в городах, так и особенно среди помещиков, в среде которых посещение соседа часто составляло единственное развлечение. Дети помещиков, сыновья и дочери получали свое образование большей частью в родительском доме от наставников, в числе которых было много выдающихся ученых, сделавшихся впоследствии университетскими профессорами, и от гувернанток, преимущественно приглашавшихся из Франции. Английскому языку учились тогда лишь очень редко.

Еще в средние века около городов устраивались сады (Hofchen) и в этих садах легкие строения. В 18 и 19 столетиях широко распространялся обычай среди достаточно состоятельных, к которым принадлежало большинство городского населения (число крупных капиталистов было весьма незначительно) в летнее время переезжать на дачу т.е. в сад около города. Учащаяся молодежь оставалась на даче в течение школьных каникул, отцы семейства, имевшие решулярные занятия, ежедневно ездили в город и к вечеру возвращались на дачу. Стали ездить и дальше, в особенности на морской берег. Возникли на берегу дачные местности.

Так в Эстляндии места около Ревеля: Балтийский Порт, Меррекюль, в Курляндии: Либава, Виндава, Ассерн, в Лифляндии близ Риги: Дуббельн (первоначально крестьянский двор) и целый ряд других, начинающийся от Буллена и идущий глубоко в Курляндию, кроме того Петерскапель. Эта дачная жизнь развивается ежегодно и приносит для многих кроме отдыха и освежение и поправление здоровья. Устройство новых пароходных рейсов и постройка новых железных дорог способствует увеличению прилива дачников в дачные местности. На месте прежних преимущественно хвойных лесов разбиты сады и парки, но осталось и достаточно нетронутой природы.

В Кеммерне и балдоне есть сернистые источники, которые имеют целебное значение и привлекают с каждым годом все большее число больных. В Аренсбурге и Гапсале есть грязевые ванны. Гапсал до и после 1859 г. не раз удостоился чести, что в нем останавливались Высочайшие особы. Их Величества с Августейшими детьми изволили приезжать в Гапсал несколько раз на несколько недель. В этих случаях характер маленького городка совершенно менялся. Августейшее семейство жило в небольшом дворце близ Гапсаля; устраивались балы, пикники, иллюминации в близко лежащих развалинах старого рыцарского замка и гапсальские дачники как зрители допускались к этим увеселениям с большой любезностью, девочки даже получали из Высочайших рук гостинцы, а мальчики увлекались учением полуроты пехоты, занимавшей караулы и имевшей при себе музыку.

Ремесла как в больших, так и в маленьких городах были исключительно в руках немцев; если эстонцы и латыши делались ремесленниками, то они обыкновенно — по крайней мере во втором поколении — принимали немецкий язык и таким путем делались немцами. Много позднее эти элементы настолько умножились, что были в состоянии не только сохранить свою национальность, но и вытеснить, или отчасти, или даже совершенно немцев. В Курляндии кое-где место немцев заняли евреи. Дольше всего удержали немцы в своих руках мукомольное дело. Торговля тоже была первоначально в руках немцев. Большие торговые предприятия основаны большей частью заграничными немцами, впоследствии переселившимися сюда. В Риге торговали и некоторые русские купцы, основавшие свои конторы еще в XVIII столетии. Также и мелкие лавочники еще в половине XIX столетия были почти исключительно из немцев и лишь очень постепенно место их заняли русские и отчасти евреи. Свои сельскохозяйственные продукты — рожь, лен, коноплю — помещик большей

частью лично продавал торговцу в соседнем городе, но иногда и прямо большому торговому дому в портовом городе. Во всяком случае существовали и всевозможные торговые посредники.

Особый тип мелких торговцев, встречавшийся более всего в Курляндии, представляли разносчики (Pindel-Kramer), все еврейского происхождения, носившие свои разнообразные товары на спине и ходившие пешком из города в город, из деревни в деревню. Если дела шли хорошо, то такой разносчик нанимал помощников или даже покупал тележку с лошадью. Его ждали с нетерпением как в усадьбе помещика, так и в избе крестьянина. Так как при высоких таможенных пошлинах заграничные продукты были весьма дороги, то эти разносчики имели сношения с контрабандистами и продавали товары, которых торговцев в городе или вовсе не продавал или во всяком случае не по этой цене. С этими разносчиками нужно было долго и усердно торговаться, так как они всегда запрашивали, даже и те из них, которые в остальном отличались действительной честностью. Особенно же это запрашивание имело место в конской торговле.

Заводско-фабричная промышленность была еще мало развита и встречались лишь в крупных городах: в Риге существовали чугунно-литейные заводы (Вермана), фаянсовый и фарфоровый завод Кузнецова и табачные фабрики, изделия которых покупались не только в прибалтийской крае, но и в империи и даже на восточных рынках. В Митаве был завод белой жести, произведения которого далеко распространялись. Около Феллина были стеклянные заводы, на острове Даго, в Цинтенгофе близ Пернова, в Нарве суконные фабрики (Кренгольмская мануфактура), в Нарве также бумагопрядильни. Добывание цемента в Порткунде началось немного позднее. Для вызова за границу большое значение имел лес, как в бревнах, так и в досках, которые изготавливались на многочисленных лесопильных заводах. До половины столетия паровые машины применялись в ограничен-

ном количестве и соответственно сему ввоз каменного угля был незначителен.

Генерал-губернатором Лифляндии и Курляндии с 1812 г., а с 1819 г. и Эстляндии, и до 1829 г. был маркиз Паулуччи.

В 1830 г. появилась в первый раз азиатская холера, унесшая много жертв, так как врачи не знали, как с ней бороться, и в 1848 г. она еще раз с особою свирепостью посетила прибалтийский край; поздние эпидемии были значительно слабее. Холера свирепствовала и в деревнях, но более в городах, которые еще были окружены стенами (устраненными лишь около 1860 г.). Снабжение городов питьевой водою было весьма неудовлетворительное, кое-где, при особенно неблагоприятных условиях, даже прямо невозможное. С этим злом начали бороться. С 1885 г. обратили внимание на настоящую проказу (лепра), которая известна была в прибалтийском крае еще в средние века, и которую считали эндемической болезнью, встречавшейся лишь в некоторых местах. Теперь, после того как констатировали проказу и в других местах, вступили в энергетическую борьбу с этим врагом. Как уже в средние века, когда все города имели особые приюты для прокаженных, так и теперь строили особые лепрозории, куда обязательно собирали больных и подозрительных. Так как таким образом устранялась и устраняется возможность заражения, то вместе с тем открывается надежда на подавление этой страшной болезни, насколько это в силах человека.

Войны, которые Россия вела в XIX столетии после Отечественной, за исключением Крымской, когда балтийские гавани были блокированы, не касались непосредственно прибалтийского края. Поэтому мы о них не говорим. Обязанность пополнения армии лежала главным образом на крестьянском сословии. При рекрутских наборах крестьянские общины старались раньше всего сбыть дурные элементы. Но для многих, попадавших по жребию в солдаты, военная служба была тяжким бременем. Заместительство не допускалось: вынувший

жребий и не освободившийся непременно должен был служить. Служба была продолжительна. Возвращавшийся после долгой военной службы на родину, был чужим человеком в своей деревне и содержание его ложилось тяжелым бременем на крестьянское общество. Эти отношения изменились к лучшему со времени введения всеобщей воинской повинности (1874 г.).

Строгие законы против дуэлей назначали как наказание, зачисление виновных простыми рядовыми в какой-нибудь полк, вследствие чего и молодые люди не крестьянского происхождения знакомились с прелестями военной службы. В лучшем случае такие рекруты отправлялись на Кавказ, где происходила борьба с горцами, не лишенная известной романтической привлекательности.

На офицерских местах (и на высших) уроженцы прибалтийского края встречались в большом числе. В случае войны отсюда выходило много добровольцев, особенно из дворянства, имевшего лучшие шансы. Это делалось не потому, что только в военное время пробуждался патриотизм, а потому, что в это время обязанности перед отечеством требовали особого выражения. Местные жители были всегда верные патриоты, чувство которых только потому для посторонних было мало заметно, что оно не любило шумных проявлений. В последний раз такие добровольцы выступили в Крымской кампании; из них некоторые возвратились награжденные Георгиевским крестом, другие пали на поле чести за царя и отечество.

О Геррнгутеровском движении в XVIII столетии уже была речи (см. выше стр.230). В некоторой связи с ним находилось движение, возбужденное баронессой Юлианой фон Криденер, рожденной фон Фитинггофь, дочерью вышеупомянутого покровителя театра, бывшей раньше великосветской барыней. Имея доступ ко двору, она старалась даже подчинить своему влиянию императора Александра I, в особенности убедить его сделаться

творцом всеобщего мира. Деятельность ее в прибалтийском крае и движение, вызванное ей, приняли болезненный характер. Распоряжения правительства от 1817, 1826, 1834, 1839 гг. деятельнсти геррнегутеров указаны точные рамки; в кружки, собиравшиеся для слушания проповедей и толкований геррунгутров вошли преимущественно крестьяне как в деревнях, так и в городах. Религиозная восприимчивость, наблюдавшаяся главным образом среди туземного населения имела впрочем печальные последствия.

Голодные годы (1839-1841) и возбуждавшиеся в это время, неисполнимые надежды побудили многих, более всего в северной Лифляндии перейти в православную церковь. Они не знали и не хотели тому верить, что обратный переход в лютеранство законом был запрещен и должен был повлечь за собой наказание. Движение тогда успокоилось, но несколько времени спустя, когда сделаны были попытки обратного перехода в лютеранство перешедшее в православие и в пасторы, принимавшие их пострадали, ибо свобода совести не существовала.

Эти явления глубоко огорчали истинных патриотов. Недовольство охватило всех, тем более, что заседавшая в сороковых годах, так наз. Штакельберг-Ханыковская комиссия смотрела на дела с узко бюрократической точки зрения. Она считала как раз основания исторически сложившегося порядка местной жизни пережитками старины, препятствиями прогресса и возможным их удалить как изношенное платье. Молодые чиновники, в том числе Юрий Самарин, прикомандированные к этой комиссии для того, чтобы для нее исполнить подготовительные работы, лишь поверхностно изучали оппозиционного и враждебного настроения и люди совершенно безобидные делались подозрительными. Когда студенты в Дерпте устроили овации некоторым особенно любимым профессорам, то их действия получили совсем неправильное освещение. Причастные к ним — Ф.Г. фон Бунге, Виктор Ген, Ферд. Вальтер, позднее епископ — подверглись преследованию как госу-

дарственные преступники (они получили позднее без содействия с их стороны полное оправдание).

Затем гонения обрушились на университет. Число студентов ограничего на 400; но скоро для медицинского и богословского факультетов сделаны расширения, ввиду настоятельных требований жизни; философский факультет в 1850 г. разделен на историко-филологический и физико-математический. Когда университет в 1852 г. справлял юбилей по случаю исполнения первого полустолетия его существования, то смутное время миновало, и будущее, по-видимому, обещало много хорошего.

1 января 1848 года император Николай I назначил по собственному своему почину генерал-губернатором графа Александра Суворова-Рымникского, князя Италийского, (остался генерал-губернатором до 1861 г.) давно заслужившего доверие государя, с открыто высказанным намерением, утешить глубоко огорченных жителей прибалтийского края. Намерение это было исполнено. Князь стал изучать местную жизнь, которая и для него имела много странных сторон, без предвзятых убеждений, опираясь на целый штаб достойных помощников. Он знакомился с каждым ведомством отдельно, сближался с представителями его, относился к ним с доверием и старался тем заслужить их доверие и таким образом вступил на единственно правильный путь, по которому должен идти посредник между государем и подданными, желающий исполнить удовлетворительно возложенную на него ответственную задачу. С большим остроумием и неутомимым трудолюбием, а также с любовью к делу и к подчиненному населению он управлял краем, хотя и ему было указано общее направление, которого он строго держался.

Общеевропейские политические отношения после заключения Парижского мира (18/30 марта 1856 г.) были благоприятны. Везде происходило новое движение, возникала новая жизнь. То же замечалось и в прибалтийс-

ком крае, жители которого всегда были консерваторами, но никогда не держаличь слепо и упрямо старого. Большие и важные перемены они пережили с полным сознанием и сочувствием. Утопических стремлений они справедливо избегали, достижимое и то, что обещало пользу, всегда находило приверженцев. Печать сделала большие успехи и проникалась либерального взглядами. Таких взглядов придерживался и новый руководитель «Rigasche Zeitung» (Джон Беренс). Происходили обсуждения общих вопросов, при чем противники выслушивали друг друга. И в Ревеле (с 1860 г. издатель Грейфенгаген) и в Дерпте (с 1863 г. «Dorptsche Zeitung», издатель Матизен) издавались новые органы с либеральной программой. В Дерпте сверх того выходило с 1863 по 1864 г. под редакцией Карла Ширрена «Dorpater Tageblatt», заслужившее особую славу своими увещеваниями и указаниями на возможные опасности. Еще раньше, именно в 1859 г. основана «Baltische Monatsschtift», ежемесячное издание, в котором печатались также статьи по местной истории. Основателями его были Юлиус фон Кубе, А.Фальтин и Теодор Беттихер, с 1865 г. оно выходило под редакцией Жоржа Беркгольца. Другое издание «Inland» выходило с 1836 г. до 1863 г. и носило компилятивный характер, но к сожалению становилось с каждым годом все скучнее, чем и само себя лишило последних читателей и абонентов.

Для удовлетворения потребностей нового времени был учрежден в Риге при участии чинов всех трех провинций Балтийский политехникум. В то же время в Риге построено новое здание для театра, причем город принял на себя покрытие части расходов по содержанию личного состава. В 1882 г. после большого пожара управление и содержание театра перешло от города к Большой гильдии. В Риге также основана городская реальная гимназия и вообще во всем крае школьное дело делало отрадные успехи. Пятиклассные гимназии, в Митаве — в реальное училище. В особенности преподаватели, приглашенные в политехникум получили большое значе-

ние для дела образования. В то же время построена и первая в крае железная дорога от Риги до Динабурга, по ходатайству позднейшего бургомистра Густава Даниила Гернмарка. За ней последовали другие дороги. Гавани конкурировали, хотя с трудом но и не без успеха с С.-Петербургом; особенно возвышалась Либава, которая делалась местом вывоза для произведений огромной территории. Не так давно еще ничтожный городок Либава росла по американскому образцу и скоро далеко оставила за собой Митаву. Позднее в Либаве была устроена и военная гавань. Передвижение в пределах края значительно увеличивалось. Прежде поездки в другие города предпринимались исключительно, если какие-либо дела того требовали. Для своего удовольствия никто не путешествовал, за исключением молодых людей, путешествовавших пешком. Теперь все больше стали посещать живописные местности. В 1861 г. в Риге, и в 1866 г. в Ревеле были усроены съезды любителей хорового пения, на которые участники стекались со всех сторон. Точно также устраивались разнообразные выставки, промышленные, сельскохозяйственные, культурно-исторические, в 1883 г. в Риге, в 1886 г. в Митаве. В 1896 г. в Риге происходил X-й археологический съезд, в 1908 г., съезд балтийских историков, в 1903 г. была выставка геральдики в Митаве. Народные переписи производились по стараниям сословий в феврале 1864 г. и в декабре 1881 г. Правительство производило так называемые ревизии: восьмую в 1834 г., девятую в 1851 г., десятую в 1858 г. Первая всенародная перепись во всей империи состоялась в январе 1897 г. О движении земельного вопоса мы говорили выше. Некоторые реформы, впрочем, едва ли были целесообразны. Так напр., следовало бы не уничтожить цехи, а произвести их преобразование согласно требованиям времени.

Прибалтийский край выработал особое провинциальное право; к кодификации его было приступлено еще в сороковых годах. В 1845 г. изданы два тома (устав о присутственных местах, о сословном делении; в 1864 г. вы-

шла часть гражданского права. Другие части не изданы, так как заседавшая в Дерпте колификационная комиссия была упразднена. То же движение, которое происходило в других областях, наблюдалось и в области образования и воспитания. Преподаватели собирались на съезды, так в 1878 г. в Митаве. Дворянство содержало гимназии с пансионами, в Биркенруэ близ Вендена (прежде частное училище Голландера) и в Феллине (прежде частное училище Шмидта). Университет переживал особенно цветущее время; число студентов достигло больших размеров, но до перепроизводства людей с высшим образованием дело не дошло.

Это здоровое развитие было прервано стремлениями к большему сближению прибалтийскому края с империей, исходившими от центрального управления. В 1877 году общее имперское городовое положение, изданное в 1870 г., было введено и в прибалтийском крае. Гласные городской думы, члены управы с городским головой во главе избирались на определенный ограниченный срок. Прежние магистраты сохранили некоторые функции, но в ноябре 1889 г. они были везде упразднены. В 1888 г. была проведена полицейская реформа, касавшаяся как городской, так и деревенской полиции, а в ноябре 1889 г. последовала судебная реформа. Благодаря этой реформе, построенной на чуждых местным правовым воззрениям основаниях, судопроизводство испытало коренное преобразование. Как в уголовном, так и в гражданском делопроизвоизводстве, допускался впредь исключительно русский язык; поэтому большая часть прежних служащих в судебных учреждениях должна была оставить службу и на их место явились новые служащие, владевшие русским языком, но не знавшие особенностей местной жизни. Прежде в судах допускались и местные языки, т.е. эстонский и латышский, теперь для незнавших русского языка введены переводчики и судопроизводство сделано открытым.

Эти перемены чувствительно коснулись местной жизни. Число потерявших свой заработок было

велико. В то же время и во всех учебных заведениях русский язык сделан общим и обязательным языком преподавания. (До сих пор на русский язык обращали очень мало внимания, так что успехи в нем были весьма незначительны; многие, впрочем, научались впоследствии свободно говорить по-русски). С 1885 г. начали вводить преподавание на русском языке в народных школах, с 1890 г. в Дерптском университете, а в 1893 г. город Дерпт переименован в Юрьев. С введением русского языка большинство старых испытанных преподавателей должно было уступить свои места новым силам. Началась эмиграция в широких размерах, ибо всем жителям прибалтийского края предъявлено требование, воззрения, приобретенные на прежних исторических основаниях, «стереть внезапно как неправильно решенную задачу мокрой губкой с доски своей памяти» (Гёте). Большинство эмигрантов направлялось в Германию, где многие находили новые места в университетах, в государственной и частной службах. Против школьной реформы возражал впрочем и такой убежденный националист, как Катков, одобрявший все остальное, так как он считал балтийские школы действительно образцовыми.

В то же время сельское хозяйство, все еше, как и прежде, главное основание материальной жизни, переживало опасный кризис. В восьмидесятых годах началось, благодаря неблагоприятным переменам на всемирном рынке, общее падение цен, но вместе с тем повышение платы за работы. Еще более ухудшилось положение, когда в 1891 г. вывоз хлеба был запрещен вследствие неурожая, случившегося в центральных губерниях. Доставлять хлеб из прибалтийского края в центральные губернии, несмотря на железные дороги, и теперь, как и прежде, оказалось невозможным, а заграничные покупатели и до запрещения вывоза покупали в ограниченных размерах, чтобы не слишком переобременить рынок хлебным товаром. Рабочие силы из деревень устремились в города, где фабрично-заводская деятельность делала огромные успехи (хотя скоро последовала реакция). Вместе с тем многие сельские жители

покидали родину навсегда, стремление в «теплые страны» болезненно охватило многих. Таким образом сельскому хозяину стоило все больше труда находить удовлетворительное количество работников. Тем не менее мы едва ли смеем говорить о «рабочем» движении и, если оно где либо возникало, то во всяком случае в самых скромных размерах. Все-таки более проницательные люди смотрели не без серьезных опасений на происходившее развитие. Когда в августе месяце 1903 г. министр финансов С.Ю. Витте вышел в отставку, все говорили, что будет война и новый 1904 г. встречали повсюду с тяжелыми ожиданиями.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ПЕРИОД САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ЛИВОНИИ

II. ЛИФЛЯНДИЯ И ЭСТЛЯНДИЯ КАК ПРОВИНЦИИ СОСЕДНИХ ГОСУДАРСТВ КУРЛЯНДИЯ КАК ГЕРЦОГСТВО В ВАССАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЛЬШИ

Издательство «Троица» по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II готовит и выпускает серию альбомов «Русские монастыри». В настоящее время вышло 8 томов, всего задумано 45. Каждый отдельный том – это результат труда целого творческого коллектива, книги заслужили множество положительных отзывов.

Подготовлена серия книг «Библиотека паломника», рассказывающая об отдельных монастырях РПЦ.

Подготовлено издание серии книг для детей о житиях православных Святых в иллюстрациях современных художников, в том числе «Сказание о Святителе Николае, Мирликийском Чудотворце».

Готовится к выпуску справочник-путеводитель по монастырям Русской Православной Церкви. В дальнейшем возможны выпуски по епархиям РПЦ справочников-путеводителей.

Также в планах издательства «Троица» имеется большое количество проектов выпуска святоотеческой, богослужебной, исторической, справочно-энциклопедической литературы.

С нами можно связаться по телефонам:

(499) 782- 26-19; 8-910-480-36-07

или по адресу: **115201 Москва, Каширское ш., д.16**

e-mail: **novikovtroitsa@mail.ru**

С уважением, генеральный директор издательства «Троица»
Новиков Евгений Алексеевич

Л.А. Арбузов

ОЧЕРК ИСТОРИИ ЛИФЛЯНДИИ, ЭСТЛЯНДИИ И КУРЛЯНДИИ

Главный редактор: Е.А. Новиков
Верстка: Н.С. Омельченко

Подписано в печать 14.01.2009. Формат 60x90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Гарамонд».
Печать офсетная. П.л. 19. Тираж 3000. Заказ № 4990038

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»,
603006 Нижний Новгород, ул.Варварская, 32.

Сочинение Леонида Арбузова представляет собой наиболее полное исследование истории прибалтийского края и населявших его народов, впервые изданное на русском языке в 1912 году, позже незаслуженно забытое и замалчиваемое, сегодня оно возвращается к заинтересованному читателю.